

Артур Конан Дойл

Трагедия с «Короско»

Артур Конан Дойл

Трагедия с «Короско»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6535744

Аннотация

«Публика, вероятно, немало удивлялась тому, что ей ничего не известно об участии пассажиров “Короско”. В наше время универсальных корреспондентов и гласности кажется положительно невероятным, чтобы такого рода происшествие, имевшее международный интерес, осталось без отклика в печати. Очевидно, на то были весьма серьезные основания, как интимного, так и политического характера. Самые факты, конечно, были хорошо известны в свое время некоторому числу людей, и даже как-то проскользнули в провинциальной печати, но были встречены с недоверием.

Настоящий рассказ написан на основании клятвенных показаний полковника Кочрейна и собственноручных писем мисс Адамс, уроженки города Бостона, в штате Массачусетс, дополненных со слов очевидца, капитана Арчера, состоящего в Египетском кавалерийском корпусе, и с показаний, данных им на секретном допросе правительственного агента. Мистер Джеймс Стефенс отказался добавить что-либо от себя, но так как в представленных ему показаниях не нашел нужным сделать никаких изменений, то надо полагать, что и он не усмотрел в них никаких отступлений от истины...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	33
Глава 4	52
Глава 5	70
Глава 6	91
Глава 7	115
Глава 8	130
Глава 9	155
Глава 10	176

Артур Конан Дойл

Трагедия с «Короско»

Глава 1

Публика, вероятно, немало удивлялась тому, что ей ничего не известно об участии пассажиров «Короско». В наше время универсальных корреспондентов и гласности кажется положительно невероятным, чтобы такого рода происшествие, имевшее международный интерес, осталось без отклика в печати. Очевидно, на то были весьма серьезные основания, как интимного, так и политического характера. Самые факты, конечно, были хорошо известны в свое время некоторому числу людей, и даже как-то проскользнули в провинциальной печати, но были встречены с недоверием.

Настоящий рассказ написан на основании клятвенных показаний полковника Кочрейна и собственноручных писем мисс Адамс, уроженки города Бостона, в штате Массачусетс, дополненных со слов очевидца, капитана Арчера, состоящего в Египетском кавалерийском корпусе, и с показаний, данных им на секретном допросе правительственного агента. Мистер Джеймс Стефенс отказался добавить что-либо от себя, но так как в представленных ему показаниях не нашел нужным сделать никаких изменений, то надо полагать, что и

он не усмотрел в них никаких отступлений от истины.

13 февраля 1895 г. небольшой винтовой пароход «Короско» вышел из Шеллала, близ первых порогов Нила, держа рейс на Вади-Хальфу. У меня случайно сохранился список его пассажиров, который я и привожу здесь:

«Короско» 13 февраля 1895 г. – Пассажиры:

Полковник Кочрейн, из Лондона. Мистер Сесиль Броун, из Лондона. Джон Харри Хидинглей, из Бостона, Соед. Шт. Мисс Адамс, из Бостона, Соед. Шт. Мисс Сади Адамс, из Ворчестера, Массачусетс, Соед Шт. Monsieur Фардэ, из Парижа. Мистер и миссис Бельмонт, из Дублина. Джеймс Стефенс, из Манчестера, Джон Стюарт, из Бирмингема и миссис Шлезингер с нянькой и ребенком, из Флоренции».

Таково было маленькое общество пассажиров в момент отправления «Короско» из Шеллала. Отсюда «Короско» должен был идти вверх по течению нубийского Нила на протяжении 200 миль, то есть от первых порогов Нила до вторых.

Вся Нубия – страна в высшей степени своеобразная, местами широко раскинувшаяся, местами стиснутая до размеров узкой береговой полосы.

Под этим именем разумеется только плодородная полоса земли, тянущаяся вдоль Нила по обе стороны этой, кофейного цвета, реки. Далее простираются уже беспредельные, бесплодные пески Ливийской пустыни, захватывающие чуть не всю ширину африканского материка с одной стороны и

уходящие в Красное море – с другой. И среди этих песков и пустынь, словно гигантский дождевой червь, тянется извилистой полосой Нубия. Повсюду, на каждом шагу, попадаются следы погибшей расы и потонувшей в глубине веков древней цивилизации. Ряды могил и могильных памятников тянутся длинной вереницей, и там и сям перед вами всплывают развалины древнего города; вы узнаете, что он был построен римлянами или египтянами, а чаще всего слышите, что даже и самая память о том, как он некогда назывался, утеряна. Пусть так, но вы невольно удивляетесь, зачем здесь, среди пустыни, стоял некогда город, и только порывшись в исторических источниках, узнаете, что целый ряд таких городов был построен исключительно для того, чтобы служить оплотом против набегов диких степных племен, этих хищников, явившихся сюда с юга.

Туристы равнодушным взглядом скользят по несколько однообразным ландшафтам этой страны смерти и далеких седых воспоминаний, беспечно курят, болтают и флиртуют между собой.

Пассажиры «Короско» представляли собою очень милое, дружное общество. Большинство совершили вместе путешествие из Каира в Асуан и успели познакомиться и сблизиться за это время. Даже прославленная англосаксонская холодность и чопорность таяли под лучами солнца на Ниле. Судьбе было угодно, чтобы в числе пассажиров «Короско» не оказалось ни одной неприятной личности, присутствия которой

на этих небольших пароходиках бывает достаточно, чтобы отравить удовольствие всего маленького общества. На судне, которое немногим больше большого парового катера, все по-неволе постоянно сталкиваются друг с другом, и отношения, такие или иные, завязываются между пассажирами. Полковник Кочрейн был один из тех бравых английских офицеров, которых британское правительство, нормируя сроки служебной деятельности своих граждан, объявляет неспособными к дальнейшей службе только по достижении ими предельного возраста.

Полковник Кочрейн был высокий, сухой, горбоносый мужчина, прямой, как палка, с изысканно-почтительным и любезным обращением и зорким, наблюдательным взглядом. В высшей степени опрятный и аккуратный в своих вкусах, привычках и одежде, корректный до мелочи, он был настоящим джентльменом до кончиков ногтей. Из чисто англосаксонского отвращения ко всякого рода экспансивности, он усвоил себе строгую сдержанность в манерах, которую с первого взгляда можно было принять за чопорность, но близко знавшие его люди были уверены, что ему стоило немалого труда постоянно скрывать в себе искренние порывы своего доброго, чувствительного сердца. Он скорее впускал к себе уважение, чем любовь, так как почему-то невольно чувствовалось, что знакомство с ним не легко перейдет в дружбу, но, с другой стороны, можно было безошибочно сказать, что эта дружба, раз вам удалось вызвать ее в нем, сделалась бы

частью его существа.

Мистер Сесиль Броун – следуя случайному порядку, в каком имена пассажиров стояли в пассажирском списке – был молодой дипломат, состоявший при одном из европейских посольств, носил на себе отпечаток воспитанников Оксфордского университета, то есть был несколько неестественно натянут в обращении, но весьма интересен как собеседник, и вообще человек развитой. У него было несколько печальное и скучающее, но красивое молодое лицо, с закрученными небольшими усиками, тихий голос и неслышная походка; но что придавало ему особенную приятность, так это его способность вдруг оживиться и просиять прелестной улыбкой, если что-либо приходилось ему по душе.

Однако какой-то напускной цинизм совершенно затмевал его природный юный энтузиазм, и временами он высказывал мысли тривиальные и вместе с тем нездоровые.

Целые дни сидел он на палубе под навесом, с книгой или альбомом набросков, не заговаривая ни с кем из чувства собственного достоинства, но всегда готовый ответить в высшей степени любезно каждому, кто к нему обратится.

Американцы держались отдельной группой: молодой Джон Харри Хидинглей, окончивший с ученой степенью Гарвардский университет и теперь довершавший свое образование кругосветным путешествием, представлял собою образцовый тип молодого американца: живой, наблюдательный, в высшей степени любознательный и желающий все-

му научиться и все себе уяснить, свободный от всякого рода предрассудков, серьезный и вместе веселый, как всякий сильный, здоровый человек в молодые годы. У него было в манере и наружности меньше внешнего лоска, но больше истинной культурности, чем у молодого оксфордского дипломата.

Мисс Адамс и мисс Сади Адамс были тетушка и племянница; первая из них была небольшого роста, энергичная особа, с резкими, не совсем красивыми чертами и громадным запасом (даже излишком) никому не понадобившейся нежности и любви. До сего времени она никогда не выезжала из Бостона и теперь усердствовала изо всех сил, трудясь над благодарной задачей привить Востоку благоустройство ее родного Массачусетса. Едва она ступила на почву Египта, как тотчас же пришла к убеждению, что все здесь требует упорядочения, и с этого момента у нее было хлопот выше головы. И стертые седлами спины мулов, и голодные бездомные собаки, и мухи, кучами сидевшие на глазах грязных ребятишек, и неопрятные, в лохмотьях, женщины – все это взывало к ее чувству чистоты и порядка; и она с первых шагов мужественно и самоотверженно принялась за дело. Но так как она не знала ни одного слова из местного наречия и вследствие этого не могла быть понята никем из туземцев, то ее старания не оставили заметного следа на порядках Египта, но зато доставили немало удовольствия и увеселения ее спутникам. Никого ее усилия так не забавляли,

как ее племянницу Сади, которая вместе с миссис Бельмонт была наиболее популярной личностью на «Короско». Сади была совсем молоденькая девушка, прямо со школьной скамьи, и, как все американки в этом возрасте, еще наполовину ребенок – откровенная, по-детски доверчивая и прямодушная, всегда веселая и довольная болтливая, живая, но недостаточно почтительная и уважающая старших. Впрочем, даже сами недостатки забавляли ее спутников и нравились им. Несмотря на то, что мисс Сади сохранила все эти чисто детские черты характера, эта высокая, стройная, красивая девушка выглядела даже несколько старше своих лет, благодаря модной прическе, пышному бюсту и значительной округлости форм. Шелест ее юбки, громкий, звонкий голос и заразительный детский смех были привычными и желанными звуками для пассажиров «Короско». Даже чопорный полковник Кочрейн заметно смягчился, а безупречно выдрессированный в Оксфорде молодой дипломат забывал быть неестественным в обществе мисс Сади.

Об остальных пассажирах «Короско» можно упомянуть в нескольких словах: *monsieur* Фардэ был добродушный, словоохотливый резонер, имевший резко определенные взгляды на коварные махинации Англии и нелегальность занимаемого ею в Египте положения. Мистер Бельмонт, круглый, рослый господин, с сильной проседью, типичный ирландец, славился как лучший стрелок на дальнее расстояние, бравший все призы на состязаниях стрелков и охотников в

Уимблдоне и Бислее. Его жена, прелестная, изящная женщина, чрезвычайно игривая и приветливая, нравилась решительно всем. Миссис Шлезингер, средних лет вдова, всецело поглощенная заботами о своем шестилетнем ребенке, была почти незаметной личностью среди пассажиров. Высокочтимый сэр Джон Стюарт, пресвитерианский священник, конгрегационалист, был человек чрезвычайно тучный, неподвижный и сонливый, но одаренный изрядной долей добродушного юмора.

Наконец, упомянем еще мистера Джеймса Стефенса, стряпчего из Манчестера, младшего компаньона товарищеского бюро «Хиксон, Вард и Стефенс». Он путешествовал теперь, по предписанию врачей, для поправления здоровья и восстановления сил после жестокой инфлюэнцы. Этот Стефенс за тридцать лет своей жизни сам, собственными силами выбился в люди; начав с того, что протирал окна в помещении этой самой конторы, он в настоящее время заведовал всеми ее делами и состоял младшим компаньоном товарищества. В течение почти всего этого времени он положительно зарылся в сухую техническую работу, жил только для того, чтобы удовлетворять старых и приобретать новых клиентов; в конце концов, самый ум и даже сама душа его стали точными и пунктуальными, как те статьи законов, с которыми он постоянно возился. Его работа превратилась для него в настоящую потребность, и так как он был холост, то в жизни его не было никакого интереса, который бы отвле-

кал его от этой работы. Постепенно эта работа засасывала, замуровывала все его существо, как замуровывали заживо погребенную монахиню в средние века. Но вот пришла болезнь и, вырвав его из этой могилы, выбросила его на широкую дорогу, залитую солнцем, бросила его в круговорот жизни, далеко от озабоченного, делового Манчестера, от его заставленной полками и тяжелой громоздкой мебелью конторы, где на него со всех сторон смотрели мрачные кожаные переплеты свода законов. Сначала ему было очень тяжело, и всё казалось глупо, и пусто, и тривиально в сравнении с его привычной милой рутинной, но затем, мало-помалу, он начинал прозревать, и ему уже начало смутно представляться, как скучна и мертва была его работа в сравнении с этим обширным, разнообразным миром, который до сих пор был для него совершенно непонятен, и которого он вовсе не знал. Временами ему даже начинало казаться, что этот перерыв в его деловой карьере был важнее самой карьеры; всякого рода новые живые интересы начинали овладевать его душой, и теперь этот человек средних лет начинал ощущать в себе пробуждение той молодости чувств и впечатлений, которых он не знал в молодые годы, проведенные в труде и непрерывной деловой заботе. Конечно, характер его уже слишком сложился для того, чтобы он мог перестать быть сухим педантом в своих привычках и разговоре, но теперь он уже интересовался жизнью, читал, наблюдал, изучал свой «Бэдекер», подчеркивал в нем, отмечал на полях известные места,

как человек, находящий удовольствие в своем путешествии и желающий поучаться. За время рейса от Каира он успел особенно сойтись с мисс Адамс и ее молоденькой племянницей; ее молодость, смелость, живость, ее неумолчный говор и жизнерадостность нравились ему; она же, в свою очередь, чувствовала некоторое уважение к его серьезным знаниям, его уравновешенной натуре и жалость к его узкому кругозору, к его замкнутости в каком-то заколдованном кругу, лишившей его возможности широкого полета мысли, широких кругозоров и свободных размахов фантазии, то есть всего того, что в ее глазах было так необходимо. И вот они сошлись и сдружились; и прочие, глядя на них, когда они сидели рядом, обращали внимание на его холодное, несколько сумрачное лицо рядом с цветущим, молодым, полным жизни личиком девушки.

Маленький «Короско» шипел, пыхтел, шумел, взбивая пену за кормой, медленно подвигаясь вперед по реке и производя больше шума ради своих пяти узлов в час, чем самое большое атлантическое линейное судно на призовом рейсе.

Ряды развалин восставали по обе стороны реки, но по мере того, как наши пассажиры подвигались вперед, эти развалины приобретали иной характер; некоторые из них были едва ли старше христианской эры. Туристы равнодушно смотрели на полугреческие барельефы храмов, взбирались на марс «Короско», откуда можно было видеть выходящее над бесплодной пустыней Востока солнце.

Под вечер, на четвертые сутки своего путешествия, пассажиры «Короско» прибыли в Вади-Хальфу с небольшим опозданием вследствие какого-то незначительного повреждения в машине; на следующее утро предполагалась общая экскурсия на скалу Абукир, с которой открывается великолепный вид на вторые пороги Нила. В половине девятого, когда все пассажиры находились на палубе, среди них появился Мансур – драгоман и проводник в одно и то же время, полукопт, полусириец – и громко, торжественно, как он это делал, каждый вечер, объявил присутствующим программу на завтрашний день. На время тихий говор, царивший в разных углах палубы, стих, но когда Мансур окончил – и, словно кукла в театре марионеток, исчез в отверстии трапа, и его темная юбка, европейского покроя куртка и красный тарбуш потонули во мраке – в отдельных группах снова завязались прерванные разговоры.

– Так я рассчитываю на вас, мистер Стефенс, – проговорила мисс Сади Адамс, – что вы расскажете мне все об этой скале Абукир. Я люблю знать, на что смотрю, а не глядеть на что-то такое, чего не понимаешь, и потом, целых шесть часов спустя, получать разъяснения, сидя в своей каюте. Я не могу себе представить ни Абу-Симбела, ни этих стен, хотя их видела только вчера!

– А я так и не надеюсь угнаться за всем этим, – заявила ее тетка, – а вот когда вернусь к себе на Коммонвельс-авеню, где никакой драгоман не будет смущать меня, успею прочи-

тать о всем этом на свободе, и тогда только, надеюсь, начну восхищаться тем, что здесь видела; и тогда мне захочется опять вернуться сюда. Впрочем, это в высшей степени мило и любезно с вашей стороны, мистер Стефенс, что вы стараетесь осведомлять нас обо всем!

– Я знал, что вы пожелаете получить точные сведения об этой местности, мисс, и потому уже заранее приготовил маленький конспект по этому поводу! – отвечал Стефенс, передавая мисс Сади листочек бумаги. Она взглянула на этот листочек и весело засмеялась тихим детским смехом.

– «Re Абукир», – прочла она. – Скажите, пожалуйста, что означают у вас эти две буквы. Прошлый раз вы так же написали на заметке о Рамзесе: «Re Рамзес II».

– Это деловая привычка, мисс Сади, когда представляют кому-нибудь «мето», люди моей профессии всегда ставят «Re».

– Представляют что? – переспросила молодая девушка.

– Мето, то есть меморандум или, иначе говоря, записку для памяти, и мы ставим «Re», то есть «relatively» (касательно, относительно).

– Это, вероятно, очень удобное сокращение в деловых бумагах, но признайтесь, что оно кажется забавным при описании местности или когда речь идет о древних египетских царях, не правда ли?

– Нет, я этого не вижу!.. – сказал Стефенс.

– Не знаю, правда ли, что англичане не одарены таким

юмором, как американцы, или же это своего рода юмор?.. – рассуждала Сади таким тоном, как будто она размышляла вслух. – Мне почему-то казалось, что у них меньше юмора, а между тем, если считаешь Диккенса, Теккеря, Барри и других юмористов, которыми все мы восхищаемся, то начинаешь сознавать, что ошибалась. Кроме того, я никогда не слышала нигде такого искреннего, душевного смеха, как в Лондонском театре. Один господин сидел за спиной своей тети, и каждый раз, когда он начинал смеяться, тетя оглядывалась, полагая, что где-нибудь отворилась дверь – такое сильное движение воздуха производил его смех.

– Я желала бы видеть законы этой страны, – вставила мисс Адамс-старшая тем резким, металлическим голосом, которым она старалась замаскировать чувствительность своего сердца. – Я желала бы внести в это законодательство свой билль об обязательном промывании глаз у детей и об уничтожении этих отвратительных яшмаков, которые превращают женщину в тюк бумажной ткани, откуда выглядывают два черных глаза!

– Я сама никогда не могла понять, зачем они носят их, – говорила Сади, – но однажды я увидела одну из этих женщин без яшмака и поняла, почему они его носят.

– Ах, как мне надоели эти женщины! – воскликнула мисс Адамс. – Поверите ли, с таким же успехом можно было бы говорить об обязанностях, чистоте и приличиях куче бесчувственных камней!.. Ну вот, хотя бы вчера, в Абу-Симбеле, я

проходила мимо одного из их домов, если можно назвать домом этот ком грязи; у дверей сидели двое ребятишек с обычной кучей мух вокруг глаз и громадными прорехами в их жалкой грязной одежде. Я слезла со своего мула, засучила рукава и своим носовым платком хорошенько умыла им личики, а затем, достав из своего мешочка иголку с ниткой и наперсток, зашила их прорехи. В этой дикой стране я никогда не съезжала на берег без своего рабочего мешка точно так же, как без белого зонтика. Умыв и убрав ребятишек, я вошла в дом. Ну уж, жилище! Полагаю, что в свинарнике, в порядочном хозяйстве, много чище. Сердце мое не выдержало, и я, выгнав всех обитателей из этой мурьи, принялась все чистить, мыть и прибирать, как наемная полomoйка. Я так и не видела вашего храма Абу-Симбел, но зато видела столько пыли и грязи, что трудно себе представить, чтобы такое жильё, величиной с сорочье гнездо, могло вмещать все это. Правда, я провозилась в их мурье часа полтора, но зато, когда покончила с приборкой, эта хижина была чиста, как новенький деревянный ящичек. У меня был с собой номер «New York Herald», и я выложила им их полки, на которые в добром порядке расставила их горшки. Когда все было кончено, я вышла на двор, чтобы умыть лицо и руки, ставшие темно-кофейного цвета от пыли и грязи, и когда, умывшись, снова проходила через дом, на пороге сидели ребята, опять такие же чумазые и грязные, с кучей мух вокруг глаз и новыми прорехами на рубашонках, только на голове у каждого

из них было по бумажному колпаку, сделанному из моей газеты... Однако, Сади, уже скоро десять часов, а завтра надо рано вставать...

– О, но этот пурпуровый горизонт и светлые, точно серебряные звезды так прекрасны, что с ними жаль расстаться! – воскликнула девушка. – Посмотрите только на эту тихую, безмолвную пустыню и эти темные силуэты холмов там, вдали... Глядя на них, как-то невольно становится жутко, и если подумать, что мы теперь находимся на самом краю цивилизованного мира, и что там, за гранью этой светлой полосы, уже нет ничего, кроме диких, кровожадных побуждений, то начинает казаться, будто стоишь на краю великолепного, действующего вулкана, и хорошо, и страшно, и как-то торжественно на душе!

– Ш-ш, Сади, не говори так, дитя мое! У меня мурашки по спине бегут, когда я тебя слушаю, – сказала мисс Адамс-старшая.

– Но взгляните только на эту беспредельную пустыню, которая уходит вдаль, насколько только может хватить глаз, прислушайтесь к этому унылому напеву ветра, несущегося над ней, – он как будто оплакивает что-то, как будто ропщет... Право, я никогда в жизни не испытывала столь таинственного и торжественного настроения.

В это время вдруг откуда-то из-за холмов, утопавших в сумраке по ту сторону реки, раздался резкий, жалобный, постепенно расплывающийся вой, перешедший в протяжный

замирающий вопль.

– Боже правый! Что это? – вся изменившись в лице, воскликнула мисс Адамс, вскочив со своего места.

– Это просто шакал, мисс Адамс, – поспешил ее успокоить Стефенс. – Я слышал их крик, когда мы ходили смотреть сфинксов при лунном свете!

– Будь моя воля, – сказала старая мисс, – я бы ни за что не поехала дальше Асуана. Я положительно не понимаю, что меня толкнуло везти тебя, моя девочка, на этот край света. Твоя мать подумает, что я совсем потеряла рассудок, и я никогда не посмею взглянуть ей в глаза, если с тобой что-нибудь случится. Я уже всего здесь вдоволь насмотрелась и хочу теперь только одного – скорее вернуться в Каир!

– Что с вами, тетя? С чего вы вдруг так встревожились? Это совсем не похоже на вас, я никогда не видела вас малодушной!

– Я сама не знаю, что со мною, Сади, но чувствую себя не совсем хорошо, а этот вой шакала как-то особенно расстроил меня. Я утешаюсь только тем, что уже завтра, после того, как мы посмотрим этот храм или скалу, мы отправимся в обратный путь; я по горло сыта этими храмами, скалами и холмами, мистер Стефенс! Верьте мне! Ну, пойдем, Сади. Спокойной ночи, мистер Стефенс. Завтра надо рано вставать!

С этими словами обе дамы удалились в свою каюту.

Между тем monsieur Фардэ воодушевленно, по обыкновению, беседовал с молодым Хидинглеем.

– Дервишей никаких не существует, мистер Хидинглей! – говорил он на прекрасном английском языке, но растягивая некоторые слоги по французской манере. – Их нет, они вовсе не существуют, говорю вам!

– Хм, а я полагал, что все леса кишат ими! – возразил молодой американец.

Monsieur Фардэ взглянул по направлению, где горел красненький огонек сигары полковника Кочрейна, и продолжал, несколько понизив голос.

– Вы – американец и не любите англичан, мы в Европе все это отлично знаем!

– Ну, я этого не скажу! Мы, конечно, имеем свои претензии против них, и некоторые из нас, преимущественно ирландского происхождения, действительно не терпят англичан, но большинство их любовно относится к своей прежней, старой родине, многое в англичанах возмущает и раздражает нас порою, но в сущности, все же это родственный нам народ!

– Eh bien! – сказал француз. – Во всяком случае, я могу вам сказать то, чего не мог бы сказать англичанину, не обидев его, а потому могу сказать, что эти дервиши были выдуманы лордом Кромером в 1885 году, об этом писали и «La patrie», и другие из наших хорошо осведомленных газет и журналов!

– Но это что-то невероятное! Неужели вы хотите сказать, monsieur Фардэ, что и осада Хартума, и смерть Гордона – все

это было не что иное, как грандиозный обман, комедия?!

– Я не стану отрицать, что тогда было небольшое возмущение, но оно было чисто местное, и о нем давно уже забыли, а с того времени в Судане царили безусловный мир и спокойствие!

– Но я слышал даже в последнее время о набегах, читал о стычках в ту пору, когда арабы старались захватить Египет. Два дня тому назад мы проезжали Тоски, и драгоман сообщил нам, что там была битва, или сражение, – неужели и это все обман?

– Ба, друг мой, вы не знаете англичан! Вы смотрите на них, на их самодовольные лица и говорите себе: «Это славные, добродушные люди, которые никому не желают зла», – но вы ошибаетесь: они все время следят, высматривают и стараются нигде не пропустить своей выгоды. «Египет слаб, не будем зевать!» – говорят они, и словно туча морских чаек налетели на страну. «Вы не имеете на Египет никаких прав, убирайтесь вон оттуда!» – говорят им, но Англия уже начала все подчищать, прибирать, приводить в порядок, точь-в-точь как наша милая мисс Адамс в хижине арабов. «Убирайтесь вон!» – говорят им. – «Конечно, конечно, – отвечает Англия, – подождите только минуту, пока я все не приведу в надлежащий порядок». И вот ждут год, и полтора, затем ей снова говорят: «Да убирайтесь же вон!» – «Погодите всего еще одну минутку, видите, в Хартуме беспорядки и смуты; как только я с этим покончу, то буду рада sirh отсюда».

И опять ждут, пока все уладится, и тогда опять говорят им: «Да уберетесь ли, наконец?!» – «Как могу я уйти отсюда, – возражает Англия, – когда здесь все еще продолжаются набеги и стычки. Если мы не очистим Египет, то он без нас погибнет, его сотрут с лица земли». – «Но теперь нет уже никаких стычек и набегов», – возражают ей. – «Нет? Разве нет набегов?» – спрашивает Англия; и смотришь, спустя какую-нибудь неделю, а то и меньше, газеты уже с шумом оповещают целый мир о новом набеге дервишей. О, мы не так слепы, как они думают! Нет, мистер Хидинглей, мы отлично понимаем, как подобные штуки устраиваются: несколько десятков бедуинов, небольшой бакшиш, несколько десятков холостых патронов, – и вот вам набег!

– Все это прекрасно, и я очень доволен, что узнал, как это на самом деле делается, так как я нередко положительно недоумевал. Но скажите мне, какая от всего этого выгода для Англии?

– Какая выгода? Она фактически владеет страной!

– А-а, понимаю, она находит прекрасный рынок для сбыта английских товаров!

– И этого мало. Она отдает все выгоднейшие концессии англичанам; хотя бы взять для примера железную дорогу, идущую вдоль течения Нила через всю страну. Это было бы весьма выгодное для Англии предприятие, как вы полагаете?

– Без сомнения! Кроме того, Египет, вероятно, должен содержать всех этих красномундирщиков?

– Египет, нет, monsieur, им платит и их содержит Англия!

– Но, в таком случае, мне кажется, что англичане тратят здесь много денег и труда, а взамен всего этого получают не Бог весть какую прибыль; но они, конечно, лучше меня знают свое дело, и если им не надоело постоянно поддерживать порядок в стране, охранять границы от набегов дервишей, то я, право, не вижу, зачем другим протестовать против этого. А ведь никто, полагаю, не может отрицать, что благоденствие страны значительно увеличилось с тех пор, как англичане пришли сюда, и, как слышу, беднейшее население страны теперь легче может добиться справедливости, чем раньше!

– Пусть так! – воскликнул француз. – Но скажите мне на милость, что они тут делают? Кто их звал сюда? Пусть они торчат у себя на своем острове! Не можем же мы допустить, чтобы они разбрелись по всему свету.

– Да, конечно, мы, американцы, живем у себя и в другие страны не лезем, но это потому, что у нас пока земли вволю. Ну, а если бы мы расплодились настолько, что стали бы сталкивать друг друга в море, то и мы были бы принуждены присоединять себе чужие земли. В настоящее же время хозяйничают здесь, в Абиссинии, итальянцы, в Египте – англичане, в Алжире – французы!

– Французы! – воскликнул monsieur Фардэ. – Алжир принадлежит Франции, monsieur, вы, вероятно, изволите смеяться! Честь имею пожелать вам покойной ночи! – с этими

Словами он довольно порывисто встал и удалился, с видимым чувством оскорбленного патриотизма, в свою каюту.

Глава 2

Молодой американец стоял с минуту в нерешимости, идти ли ему вниз и занести в свой путевой дневник впечатления дня, как он это делал ежедневно по просьбе сестры, оставшейся дома, или же присоединится к полковнику Кочрэню и Сесилию Броуну, огоньки сигар которых светились в дальнем конце палубы.

– Идите сюда, Хидинглей! – крикнул полковник, подвигая ему складной стул. – Идите, я вижу, что Фардэ начинил вас политикой, мы здесь полечим вас от его болезни!

– Мне подобные разговоры о политике кажутся настоящим преступлением в такую ночь как эта, – сказал молодой денди-дипломат. – Какой дивный ноктюрн в голубых тонах! Точное воплощение одной из дневных песен Мендельсона, где все те тончайшие оттенки ощущений, которых мы не можем выразить в словах, передаются нежной гармонией звуков!

– Сегодня пустыня и весь этот пейзаж как-то особенно суровы и мрачны – сказал американец. – Они производят на меня впечатление беспощадной силы и мощи всеокрушающего Атлантического океана в холодный и пасмурный зимний день. Быть может, это впечатление получается вследствие того, что мы знаем, что находимся на рубеже цивилизованного мира, и что за этим рубежом не существует прав

и законов. Не знаете ли, полковник, далеко ли мы сейчас от дервишей?

– Хм, на арабской стороне, – сказал полковник Кочрейн, – мы имеем египетский укрепленный лагерь Сарра в сорока милях к югу отсюда, за которым на протяжении шестидесяти миль раскинулась совершенно дикая местность: за пределами ее находится дервишский пост Акашех; по эту же сторону нас ничто от дервишей не отделяет, здесь они считают себя хозяевами!

– А Абукир, кажется, на этой стороне?

– Да, вследствие этого в последние годы воспрещалось туристам предпринимать экскурсии к скале Абукир, но теперь здесь гораздо спокойнее!

– Что же, собственно говоря мешает им являться сюда? – спросил Хидинглей.

– Решительно ничего! – ответил Сесиль Броун.

– Ничего, кроме чувства страха и опасения, что им не удастся вернуться в свою кочевку. Это не так-то легко сделать, когда их верблюды будут истощены длинным переходом через пустыню, а животные гарнизона Хальфы, свежее и в отличном состоянии, будут преследовать их по пятам!

– Ну, на их чувство страха, мне кажется, не слишком можно полагаться! – своим обычным, небрежным сонливым тоном заметил молодой дипломат. – Многие из них не только не боятся, а даже ищут смерти и больше всего полагаются на волю судьбы. Все они беспредельные фаталисты, это не

подлежит сомнению!

– Так вы полагаете, что эти дервиши серьезная опасность для Египта? – спросил Хидинглей. – Monsieur Фардэ, напротив, полагает, что эта опасность не столь велика!

– Я не богатый человек, мистер Хидинглей, – сказал полковник Кочрейн, – но готов поставить на карту всё, что имею, за то, что не позднее, чем через три года после того, как англичане очистят Египет и предоставят его своим собственным силам, дервиши будут на побережье Средиземного моря, и тогда – прощай, вся современная и древняя цивилизация Египта! Прощайте, все сотни миллионов, потраченных на эту страну! Прощай, все те великие памятники древности, которые так драгоценны теперь в наших глазах!

– Однако, полковник, – смеясь, возразил молодой американец – вы, конечно, не думаете, что они разрушат пирамиды?

– Трудно сказать, что они могут сделать! Ведь в свой последний набег на эту страну они сожгли библиотеку Александрии. Вы знаете, что, согласно Корану, всякое изображение или подобие человека есть греховный предмет, и на этом основании они будут разрушать и сфинксы, и колоссы, и статуи Абу-Симбела!

– Ну, предположим, что все это так, тем не менее, я не могу понять, какой интерес, какая выгода англичанам тратить столько средств, и сил, и забот на эту страну: какое преимущество имеет она от этого перед Францией и Германией, на-

пример, которые не тратят на Египет ни цента?

– То же самое спрашивают и многие англичане, – заметил Сесиль Броун. – Я того мнения, что мы уже достаточно долго несли обязанности всемирной полиции. Мы очищали моря от пиратов и работорговцев, теперь мы освобождаем и очищаем эту страну от дервишей и разбойников и постоянно, везде и всюду стоим на страже интересов цивилизации. И все к этому до того привыкли, что, что бы ни случилось на этой планете, весь свет в один голос восклицает: что же смотрит Англия! Восстанут ли курды в Малой Азии, или разразится военный бунт в Египте, или поход в Судан, – все это спрашивается с Англии. И за все свои хлопоты и труды, как это всегда бывает, получаем только брань и пинки, как настоящие полисмены, когда они арестуют какого-нибудь негодяя. И зачем только мы это делаем? Пусть Европа сама блюдет свои интересы и делает для себя свою черную работу!

– Так-с! – сказал полковник Кочрейн, скрестив свои вытянутые ноги и откидываясь на спинку своего стула, как человек, собирающийся высказать свое строго установившееся мнение. – Я должен вам сказать, Броун, что совершенно не согласен с вами! Вы высказали крайне узкий взгляд на наши национальные общечеловеческие обязанности. Я полагаю, что превыше всякой дипломатии и чисто национальных интересов есть великая, правящая миром и судьбами людей и народов сила, извлекающая из каждого народа все, что он может дать лучшего, и отдающая все это на общее благо все-

го человечества. Как только какой-нибудь народ перестает быть пригодным для этой цели, он тотчас же отчисляется в запас из действующей армии на несколько веков, пока не вернет себе прежние силы и доблести. Это мы видели в Греции, Риме, Испании. Я глубоко убежден, что ни один человек, ни один народ не существует на земле для того только, чтобы делать то, что принято и что выгодно, и часто бывает призван делать именно то, что ему и неприятно и невыгодно, но что должно послужить ко всеобщему благу, – и никто не вправе отказываться от своей миссии!

Хидинглей сочувственно закивал головой.

– У каждого народа есть свое назначение: Германия посвятила себя абстрактным идеям, Франция – литературе и другим изящным искусствам, а Англия и Америка одарены, в лице лучших наших людей, искусством совмещения морального смысла жизни и общественных обязанностей. Эти два качества всегда необходимы для направления слабейших народов на путь к благоустройству и прогрессу. Таким именно образом мы правим Индией; мы попали туда как бы в силу какого-то естественного закона, подобно воздуху, врывающемуся в пустоту!

Это же потянуло нас на другой конец земного шара, вопреки всяким нашим интересам. Мир тесен и становится все теснее, все меньше с каждым годом. Это одно органическое тело, и одного зараженного гангренозным воспалением места достаточно, чтобы заразить все тело. Потому-то на земле

нет места бесчестному, порочному и тираническому правлению, и пока будут существовать таковые, до тех пор они всегда будут порождать смуты, беспорядки и опасности. Но есть народы, столь неспособные к совершенствованию, что не остается никакой надежды на то, чтобы они могли создать себе когда-либо хорошее правительство, – и тогда, в былые времена, являлись Атилла и Тамерлан, их берет под свою опеку или под свое руководство какой-нибудь другой народ, более способный к созданию прочной государственности, как случилось это с среднеазиатскими ханствами, или здесь, в Египте. И раз это должно быть сделано, а мы, англичане, более всех способны выполнить эту задачу, то нам грешно было бы отказываться от нее.

– Пусть так, – согласился, улыбаясь, Хидинглей. – Но кто сказал вам, что именно вы к тому призваны? Ведь на таком основании всякая хищническая страна может захватить любую страну в мире. Что будет нам служить порукой, что именно вам суждено просвещать и водворять порядок повсюду?

– Что? События! Неумолимый и неизбежный ход событий может служить тому доказательством! Возьмите хотя бы эту страну. В 1881 году никто из нас не помышлял о Египте, но избиение на улицах Александрии и наведенные на наш флот жерла орудий повели к бомбардировке; бомбардировка повела к высадке; высадка вызвала расширение военных операций, – и вот Египет остался у нас на руках. Во время

беспорядков мы звали, мы молили Францию или кого-либо другого прийти помочь нам, но все оставили нас, когда в них была здесь серьезная надобность. А теперь, когда мы здесь ввели законы и порядки и установили надлежащую администрацию, когда страна в двенадцать-пятнадцать лет сделала больше успехов на пути прогресса, чем за все время с нашего мусульман, – они все рады бранить нас и восставать на нас. Я полагаю, что в истории вы не найдете другого примера такого бескорыстного труда!

Хидинглей глубокомысленно покуривал свою сигару.

– У нас в Бостоне, на Бэк-Бей, стоит старый безобразный дом, – начал он медленно и рассудительно, – этот дом портит положительно весь вид. Он весь наполовину сгнил и развалился, ставни беспомощно висят, сад совершенно заглох, – но я, право, не знаю, вправе ли соседи ворваться в этот сад и этот дом, начать хозяйничать в нем по своему усмотрению и наводить свои порядки!

– Вы думаете, что они не имели бы на то права, даже если бы этот дом горел? – спросил полковник.

– Ну, этого, кажется, не предусмотрено в доктрине Монроэ, полковник! – ответил, улыбаясь, молодой американец, вставая со стула. Оба англичанина также поднялись со своих мест.

– Тем не менее, это какой-то странный каприз судьбы, – заметил Сесиль Броун, – что ей было угодно послать людей с маленького, затерявшегося среди Атлантического океана

острова управлять Страною фараонов. Но можно сказать почти с уверенностью, что мы пройдем, не оставив здесь, то есть в истории этой страны, никакого следа, потому что у нас, англосаксов, не в обычае запечатлевать свои подвиги на скалах в назидание грядущим векам. И я готов поручиться, что с течением веков остатки нашей системы дренажа Каира будут нашим прочнейшим памятником в этой стране, если только они тысячу лет спустя не будут приписаны работам какого-нибудь из царей гиксосов. Однако, вон наши вернулись уже с прогулки по берегу!

Действительно, снизу доносился мелодичный голос миссис Бельмонт и глубокий бас ее супруга. Мистер Стюарт спорил из-за нескольких пиастров с бойким и задорным погонщиком мулов, а остальные его компаньоны пытались уладить их спор. Затем трое наших собственников встретили вернувшихся у трапа; все обменялись прощальными приветствиями и разошлись по своим каютам. И вскоре маленький «Короско», безмолвный и неподвижный, чернея в густом сумраке тени, которую кидал на реку высокий берег Хальфы, как будто тоже погрузился в сон.

Глава 3

«Стоппа! Бакка!» (Стоп, назад!) – крикнул туземец-лоцман английскому механику «Короско» в тот момент, когда маленький пароходик врезался носом в коричневый береговой ил, а течение прибило его так, что он стал вдоль берега. Длинный мостик был перекинут, и шесть человек рослых солдат в небесно-голубых мундирах Суданского регулярного корпуса, которые предназначались для эскорта туристов, ровным, мерным шагом сошли на берег; они смотрелись бравыми молодцами, и прямые, стройные фигуры их красиво выделялись на ослепительно ярком фоне утреннего неба.

На высоком берегу, вдоль самой кручи, выстроили ряд оседланных осликов, приготовленных для туристов, а в воздухе висел неумолчный гомон крикливых, разноголосых черномазых мальчуганов-погонщиков; каждый из них своим гортанным пронзительным голосом выкрикивал достоинства своего животного, всячески пороча осла своего товарища.

– Как жали что ваша супруга не едет с нами, Бельмонт! – заметил полковник Кочрейн.

– Я боюсь, что она схватила легонький солнечный удар вчера, у нее страшная головная боль!

– Я хотела остаться, чтобы она не была одна, – сказала сердобольная и самоотверженная мисс Адамс, – но узнала,

что миссис Шлезингер отказалась участвовать в поездке из опасения, что она будет слишком утомительна для ее ребенка, следовательно, миссис Бельмонт не будет одна!

– Вы очень добры, мисс Адамс, но жена моя, вероятно, не успеет соскучиться; ведь часам к двум мы будем уже здесь! – сказал ирландский фрейшютц.

– Почему вы так думаете?

– Хотя бы уже потому, что мы не берем с собой никакой провизии, а я надеюсь, что наш проводник не задался целью заставить нас умереть с голода!

– Будем надеяться, – отозвался полковник. – Эта пустыня обладает замечательным свойством придавать особый вкус и прелесть даже самому скверному вину; наглотавшись пыли, всегда бываешь особенно рад проглотить что-нибудь получше этого!

– Высокоуважаемые леди и джентльмены! – провозгласил обычным торжественным и звучным голосом Мансур, драгоман и проводник. – Мы должны выступить в путь немедленно, чтобы вернуться до полуденного жара, который здесь в пустыне совершенно нестерпим. Советую вам, господа, вооружиться вуалями, синими, или, лучше, зелеными, потому что свет ослепительно ярок для глаз. Вам, мистер Стюарт, я приготовил отменного, призового осла, которого мы всегда приберегаем для людей особенно полновесных. Так-с... теперь, высокоуважаемые леди и джентльмены, прошу сходить на берег!

Все стали, одни за другими, спускаться с мостика и затем выбираться на крутой, высоко вздымавшийся берег. Впереди всех выступал Стефенс, тонкий, сухопарый, обстоятельный даже в походе, с неразлучным «Бэдекером» в ярко-пунцовом переплете под мышкой. Он любезно предложил одну руку мисс Адамс, а другую ее прелестной племяннице, чтобы помочь им взобраться, при этом книга выскользнула у него из-под руки и полетела вниз, под ноги следующей пары, при громком детском смехе мисс Сади. Полковник Кочрейн любезно подобрал книгу, которую у него взяла Сади и, прижимая ее к груди, уверяла, что донесет ее более благополучно до верха, чем ее «законный» владелец. За полковником, рядом с которым горделиво выступил Бельмонт, следовал медлительный и равнодушный ко всему молодой дипломат, а за ним тучный священнослужитель и, наконец, стройный, легкий и сильный Хидинглей и добродушный, болтливый Фардэ, который заметил:

– Как видите, мы сегодня с эскортом!

– Да, я уж это заметил!

– Псс!.. – воскликнул француз, вскидывая вверх руки комическим жестом. – Это все равно, что брать эскорт от Парижа до Версаля! Все это та же комедия, *mon ami*! Она, конечно, никого не проведет, но это входит в состав программы. К чему эти бедняги солдаты, а? – обратился он к Мансуру.

Так как роль драгомана состояла в том, чтобы угождать всем и каждому, то осторожно, оглянувшись кругом и убе-

дившись, что никого из англичан нет поблизости, он отвечал:

– Это смешно, но что вы хотите, таково официальное предписание египетского правительства.

– Египетского! Скажите лучше английского, исключительно английского!

Забавно выглядела эта пестрая кавалькада: люди, никогда не садившиеся верхом, принуждены здесь взгромоздиться на ослов; когда эти ослы пустятся вскачь (а нильская кавалерия мчится во весь опор), такую забавную картину с развевающимися по ветру длинными вуалями, разнообразными, неуклюже болтающимися в седле фигурами туристов, размахиванием рук и произвольным мотанием голов, – трудно увидеть еще где-либо. Бельмонт, прямой, как шест, на маленьком беленьком ослике, махал шляпой в воздухе, посылая прощальный привет жене, поднявшейся на палубу, чтобы проводить его. Кочрейн, соблюдая строго кавалерийскую посадку, ехал подле него, немного позади ехал Сесиль Брун с такой физиономией, словно он считал пустыню едва ли приличным местом для себя, да и вообще сомневался даже насчет добропорядочности целого мира. Позади них тянулись остальные. Подле каждого бежал черномазый крикливый мальчишка, подымая целые облака пыли своими босыми ногами.

– Право, как все это восхитительно и прекрасно! – весело воскликнула Сади. – Мой осел бежит, как на роликах, а сед-

ло у меня покойное, точно люлька. И посмотришь – как красивые, как кокетливы эти украшения на уздечке! Нет, право, вы должны написать «мето, ге осленок», мистер Стефенс! – шутила девушка.

Стефенс смотрел на оживленное детское личико своей прелестной спутницы, приветливо улыбавшееся ему из-под кокетливой соломенной шляпки, и ему хотелось сказать ей так же искренно и просто, как всегда говорила она, что она восхитительна и прекрасна, – но его смущал страх, что он может обидеть этим, прогневать ее своими словами и испортить их милую дружбу, которою он так дорожил. И вместо того искреннего признания он только улыбнулся ей и сказал:

– Вы, кажется, особенно счастливы сегодня?

– Да кто бы не был счастлив и доволен на моем месте, вдыхая в себя этот чистый вольный воздух, видя над головой своей это чудное голубое небо, а кругом этот искрящийся желтый песок, сидя на превосходном животном, кротком и послушном! У меня всё есть, чтобы быть и чувствовать себя счастливой! – сказала она.

– Всё? – переспросил Стефенс.

– Все, что мне требуется в данный момент для моего счастья!

– Мне кажется, что вы еще ни разу не испытали, что значит чувствовать себя несчастной!

– О нет, я иногда чувствую себя ужасно несчастной, бывало я плакала целыми днями, когда была еще в Смес-кол-

ледже, и другие девушки просто до бешенства доходили, желая узнать причину моей горести, тогда как, в сущности, я сама не знала никакой причины. Вы знаете, иногда находит на человека Бог вещь отчего беспричинная тоска, словно всё кругом вдруг затянет черной пеленой, и хочешь не хочешь – а ты чувствуешь себя глубоко несчастной, хотя и не понимаешь, не можешь дать себе отчета, в чем именно состоит твое горе!

– Но у вас, вероятно, никогда не было действительно серьезной причины?

– Нет, мистер Стефенс, вся моя жизнь, можно сказать, была до настоящего времени сплошным праздником, и когда я теперь оглядываюсь назад то должна сознаться, что никогда не имела основания чувствовать себя несчастной!

– От всего сердца желаю вам, мисс Сади, чтобы вы могли сказать то же самое, когда доживете до лет вашей тетушки, которая, кажется, что-то кричит нам!

– Я желала бы, мистер Стефенс, чтобы вы ударили моего погонщика, который не перестает все время дубасить это несчастное животное, невзирая на мой протест! – кричала мисс Адамс, поравнявшись с племянницей и ее спутником. – Эй, драгоман Мансур, скажите этому скверному мальчишке, что я не потерплю, чтобы он мучил бедное животное! Скажите, что ему должно быть стыдно! Да, да, маленький негодяй! Ты должен стыдиться! Смотрите, он еще скалит на меня зубы, точно реклама зубной пасты! Этаким мерзким маль-

чишка! Что вы думаете, мистер Стефенс, не связать ли мне этому черномазому солдату пару шерстяных чулок, и позволят ли ему их носить? А то этот бедняга имеет повязки на ногах.

– Это его путти, мисс Адамс, – пояснил полковник Кочрейн, – мы в Индии убедились, что это превосходно поддерживает ногу во время ходьбы; это несравненно лучше всяких чулок!

– Ну, не скажу, – возразила мисс Адамс, – это ужасно напоминает скаковую лошадь, у которой забинтованы ноги. Но все же это очень торжественно, что мы сегодня находимся в сопровождении эскорта, хотя *monsieur* Фардэ и говорит мне, что в этом нет никакой надобности!

– Это только мое личное мнение, мисс Адамс, – сказал француз, – весьма возможно, что полковник Кочрейн держится совершенно другого мнения!

– Это мнение, *monsieur* Фардэ, диаметрально противоположно мнению господ военных, которым поручено заботиться о безопасности границы, – холодно отозвался Кочрейн, – я надеюсь, что все должны со мной согласиться, что эти чернолицые воины в своих ярких мундирах несомненно придают живописность окружающей обстановке!

Кроме нескольких человек солдат, составлявших эскорт туристов, то тут, то там словно вырос из земли черномазый солдат в небесно-голубом мундире, быстро шагавший по песку пустыни с ружьем за плечом; на мгновение худая,

воинственная фигура его резким силуэтом вырисовывалась на ярком фоне неба и затем вдруг словно проваливалась в землю и исчезала, тогда как на расстоянии сотни шагов вырастал из земли другой солдат, с тем чтобы исчезнуть точно таким же образом.

– Откуда они берутся? – спросила Сади, следя глазами за этими голубыми фигурами.

– Я так и полагал, что вы пожелаете узнать об этом, – сказал Стефенс, который был всегда особенно счастлив, когда ему удавалось предугадать какое-нибудь желание хорошенькой американки, – и я сегодня утром справился нарочно в нашей судовой библиотечке. – Вот оно и есть ге, то есть о черных солдатах. Здесь сказано, что они принадлежат к Десятому Суданскому батальону египетской армии; она набирается из племен динка и шиллук, двух негритянских племен, живущих к югу от страны дервишей – в экваториальной области!

– Как же эти рекруты пробираются через страну дервишей? – спросил Хидинглей.

– Я полагаю, что это не представляет особого затруднения! – пробормотал monsieur Фардэ, многозначительно подмигнув молодому американцу.

– Старейшие солдаты, – пояснил полковник Кочрейн, – представляют собой остатки прежнего Черного батальона; большинство их служили еще при Гордоне в Хартуме, остальные же, по большей части, дезертиры из армии Махди!

– Ну, пока в них не представляется надобности, я готова согласиться, что они выглядят очень красиво в своих голубых куртках, с медалями на груди! – заметила мисс Адамс. – Но если бы были какие-нибудь беспорядки или что-либо в этом роде, то полагаю, что для нас было бы приятнее, чтобы они были менее живописны, но не столь черны!

– Не могу с вами согласиться, мисс Адамс! – возразил Кочрейн. – Я их видел в деле и могу вас уверить, что на них вполне можно положиться!

– Уж так и быть, я положусь на ваше слово, полковник! – тоном бесповоротной решимости произнесла мисс Адамс, и на этом разговор на время прекратился.

До сих пор путь лежал по берегу реки, извиравшейся влево от наших туристов. В этом месте Нил был широк, могуч и глубок, благодаря близости порогов. Немного выше уже виднелись черные валуны, увенчанные белой пеной, и сам берег становился скалистым; среди этих скал выделялся громадный, своеобразный, далеко выдвинувшийся вперед утес с полукруглой площадью, образующий вершину. Всем сразу стало ясно, что это и есть знаменитый рубеж дикой Африки и цивилизованного Египта. Маленькая кавалькада пустила своих ослов галопом. Вдали виднелись на желтом фоне песка пустыни группы черных скал, и среди них высились обломки колонн и полуразрушенных стен. Проворный и словоохотливый драгоман соскочил со своего осла и, приняв живописную позу, стал в ожидании, чтобы подъехали отстав-

шие и собрались вокруг него.

– Этот храм, высокочтимые леди и джентльмены, – возгласил он громким голосом аукциониста, собирающегося продать ценную вещь тому, кто даст за нее больше, – этот храм, господа, – великолепный памятник Восемнадцатой династии! Вот и изображение: барельеф Тутмоса III, – и он указал концом своего хлыста на резко выделявшиеся на стене иероглифы у себя над головой.

– Он жил за тысячу шестьсот лет до Христа, и письмена эти начертаны здесь для увековечения памяти о его победоносном нашествии в Месопотамию. Здесь мы видим изображение всей истории его жизни, начинал с детского возраста и вплоть до его возвращения в Египет с толпами пленников, привязанных к его колеснице. Здесь вы видите, как его венчает Нижний Египет, а Верхний Египет приносит жертвы в честь его победы великому Богу Амону-Ра. А вот здесь он влечет за собой своих пленных и, по обычаю того времени, отрубает каждому из них правую руку. Вот в этом углу вы видите небольшую кучку. Это все правые руки пленников!

– Боже правый! Не желала бы я быть здесь в те времена! – воскликнула мисс Адамс.

– Здесь и сейчас ничто не изменилось! – небрежно уронил Сесиль Броун. – Восток остался тем же Востоком. Я ничуть не сомневаюсь, что на расстоянии какой-нибудь сотни миль отсюда, а быть может и ближе.

– Да полно вам! – остановил его шепотом Кочрейн.

– А что это? – осведомился проповедник Джон Стюарт, указывая длинным тростником на одну из фигур на стене.

– Это гиппопотам! – пояснил драгоман.

– Гиппопотам! – воскликнули хором туристы. – Да ведь он не больше поросенка! Смотрите, царь шутя пронзил его своим копьём!

– Это они нарочно изобразили его малым, чтобы показать, что для царя такое дело сущий пустяк, – объяснил Мансур, – так, вы видите, например, что все его пленники не достигают даже колен фараона, и это отнюдь не значит, что эти люди были столь малорослы или что фараон был такого громадного роста, но этим хотели выразить, что он был несравненно могущественнее и сильнее этих людей, что он был велик и могуч. Вы видите также здесь, что он больше своего коня, и это тоже потому, что он фараон, царь, а это животное только лошадь. Точно так же вот эти женщины, которые здесь изображены, они тоже крошечные, в сравнении с фигурой царя, потому что он велик и могуч, и это его маленькие жены.

– Вот прекрасно! – возмущенно воскликнула мисс Адамс. – Значит, если бы они здесь изобразили его душу, то, вероятно, пришлось бы ее рассматривать в лупу! Ведь стоит только подумать, что он позволил изобразить в таком виде своих жен!

– Если бы эти иероглифы были начертаны в настоящее время, – любезно сказал monsieur Фардэ, – то, вероятно, мы увидели бы изображение большой и сильной женщины и ма-

ленького супруга!

Сесиль Броун и Хидинглей отстали от главной группы туристов, так как комментарии драгомана и шутливая болтовня туристов раздражали их нервы, нарушая торжественное настроение; стоя в стороне, они смотрели, как следовала мимо серой безмолвной стены пестрая и забавная группа туристов с поднятыми лицами и откинутыми назад шляпами, над которыми вились с криком вспугнутые в развалинах совы.

– Мне кажется положительным святотатством это шутство и этот гам и смех! – сказал оксфордский питомец.

– Я рад, что вы испытываете то же, что и я, – сказал Хидинглей, – вот почему я предпочитаю всем развалинам, которые я видел, те, которых я не видал!

На мгновение на лице дипломата мелькнула светлая улыбка, слишком скоро уступившая место его обычной маске чопорного человека.

– У меня, видите ли, есть подробная карта, – продолжал молодой американец, – и на ней, где-то среди дикой непроходимой пустыни, далеко-далеко отсюда, я вижу, обозначены развалины, остатки какого-то древнего храма, кажется, храма Юпитера Амона – одного из великолепнейших древних святилищ. И вот эти развалины – таинственные, забытые, одинокие в своем ненарушимом покое, простоявшие десятки веков, до которых не коснулась ни святотатственная рука, ни нога туристов, – вот эти-то развалины волнуют мое воображение!

– Да, это так, – подтвердил Сесиль Броун. – Если бы можно было, бродя бесцельно и одиноко, неожиданно наткнуться на эти самые развалины, которые мы теперь видим перед собой, и очутиться совершенно одному в полумраке этих сводов, то впечатление было бы, без сомнения, подавляющее. А при такой обстановке, как сейчас, когда Бельмонт сосет трубку и причмокивает губами, когда Стюарт сопит и пыхтит, как дрянной паровой катер, когда мисс Сади Адамс смеется своим детским серебристым смехом.

– А эта болтливая сорока, драгоман, дает свои пояснения, как будто отвечает бессмысленно затверженный урок, – добавил Хидинглей, – мне страстно хочется отдаваться своим думам и впечатлениям, но я не могу, не могу, потому что мне все это мешает, мною овладевает такое бешенство, такое раздражение, что я готов отколотить того, кто первый подвернется мне под руку. Подумайте только, пропутешествовать такую даль, как из Америки в Египет, для того, чтобы видеть эти пирамиды, и обелиски, и храмы, и все эти уцелевшие остатки древнего мира, и в результате не сделать ничего лучшего, как сердиться на все окружающее и отколотить мальчишку-погонщика. Ведь это уже, право, обидно!

Молодой дипломат рассмеялся своим милым сдержанным смехом, смехом усталого, разочарованного человека...

– Они, кажется, двинулись дальше, – сказал он, указывая глазами на группу туристов, потянувшуюся от развалин к берегу.

Оба собеседника поспешили присоединиться к своим спутникам.

Теперь путь их лежал между большими валунами и каменистыми холмами. Узкая, извивающаяся тропа пролегла между черными фантастическими скалами, напоминая шахты каких-нибудь копей. Вся маленькая компания почему-то притихла и смолкла, даже сияющее, жизнерадостное личико Сади как будто омрачилось под впечатлением суровой и мрачной природы. Солдаты эскорта примкнули к туристам и шли теперь по обеим сторонам, растянувшись в группы. Полковник Кочрейн и Бельмонт опять ехали рядом; они замыкали шествие и теперь немного поотстали.

– Знаете, Бельмонт, вы, вероятно, будете смеяться надо мной, но, признаюсь, мне положительно жутко здесь! Когда мы обсуждали там, в салоне «Короско», всю эту экскурсию, она казалась приятной и безопасной, но здесь как-то невольно чувствуешь себя оторванным от цивилизованного мира, – заметил полковник, – хотя компании туристов еженедельно посещают эти места, и никогда ничего неприятного не случилось!

Бельмонт глубокомысленно покачал головой.

– Я, видите ли, не боюсь опасности и не раз бывал в боях, но то дело другое: во-первых, на то идешь, к тому готовишься, затем, в подобных случаях идти навстречу опасности наша обязанность, наш прямой долг, а всякий из нас привык делать свое дело. Но когда с вами женщины или такая бес-

помощная толпа, как вот эта, – он указал на туристов, – то поневоле становится ужасно. Конечно, один из тысячи шансов на то, чтобы с нами могло случиться что-нибудь неприятное, но если бы что-нибудь случилось... то не дай Бог!.. Впрочем, что об этом говорить. Всего удивительнее, однако, то, что все они, очевидно, нисколько не сознают, что им может грозить какая-либо опасность!

– Положим, что платья английского покроя для прогулки мне нравятся, – раздался впереди них звонкий голос Сади Адамс, – но для вечернего платья французский покрой много изящнее и элегантнее, чем все, что может придумать ваша английская мода!

Полковник невольно улыбнулся.

– Она совершенно беспечна, и я, конечно, никому, кроме вас, Бельмонт, не скажу о том, что думаю: надеюсь, что все мои опасения окажутся неосновательными, но как это ни смешно, меня томит какое-то предчувствие беды! – сказал Кочрейн.

– Я, видите ли, легко могу себе представить шайку бедуинов, арабов или дервишей, как вы их называете, шатающихся в поисках легкой добычи, но не могу себе представить, каким образом они именно сегодня и именно в это время могут явиться сюда, каким образом им может стать известно о нашем посещении этой скалы?

– Если принять во внимание, что все наши планы здесь всем заранее известны, и что всякий уже за неделю знает все

подробности предполагаемой нами программы, знает, где и в какое время мы должны находиться, то уже не покажется столь невероятным, чтобы и им могло быть известно об этом! – возразил полковник Кочрейн.

– Положим, что это весьма слабая вероятность! – сказал Бельмонт, но в душе он все-таки был рад, что его жена осталась в каюте «Короско».

Теперь угрюмые скалы остались у них позади. Конический утес резко выделялся на ярко-желтом фоне песка. «Ей-ах! Ей-ах!» – принялись кричать на все голоса черномазые погонщики ослов и усердно колотить бедных животных своими палками, подбодряя их скорее добежать до подножия скалы. Ослы пустились вскачь, и несколько минут спустя туристы были у цели; драгоман пригласил всех сойти с мулов и пешком подняться на вершину знаменитого утеса Абукир. При этом он обратил их внимание на то, что все бока утеса исчерчены именами великих людей, побывавших тут, и что здесь есть имена людей, живших задолго до Христа.

– Быть может, тут есть и имя Моисея? – осведомилась мисс Адамс.

– Ах, тетя! Вы удивляете меня! – воскликнула Сади.

– Что же тебя так удивляет, милая, ведь он же был в Египте, был великим человеком и, быть может, проходил здесь!

– Весьма вероятно, что имена Моисея и Геродота тоже были здесь, но исчезли с течением времени, но имена Бельзони и Гордона вы найдете на этой стороне скалы, немного повы-

ше! – заявил драгоман.

Спустя минут пять, все маленькое общество было уже на полукруглом плато вершины скалы. Отсюда открывался действительно великолепный вид. Утес-великан, черный и грозный, отвесной стеной спускался в реку, достигая высоты полутора фута, а у подножья его, пенясь и бурля, мчала свои темные, мутные волны река, глубокая, широкая и могучая в этом месте.

Противоположный берег представлял собой безотрадную, дикую пустыню, усеянную громадными черными валунами и обломками скал. Нигде, ни в каком направлении не было видно ни малейших признаков человеческой жизни.

– Там, вдали, – сказал драгоман, указывая своим хлыстом на восток, – проходит военная дорога, ведущая от Вади-Хальфы к Сарре, расположенной к югу отсюда, за этими чернеющими холмами. Те две голубые горы, там, на самом краю горизонта, находятся в Донголе, то есть более чем в ста милях от Сарры. Железная дорога проложена нами на протяжении сорока миль, но она много страдает от дервишей, которые превращают ее рельсы в копыя и постоянно обрывают телеграфные провода. Теперь будьте любезны, господа, перевести ваши взгляды на ту сторону...

Здесь открывалась грандиозная картина голой, беспредельной, бесконечной пустыни. Вблизи песок пустыни был ярко-золотой и ослепительно блестел на солнце; рассыпную нитью выстроились у подножья холма чернолицые солдаты

эскорта в своих небесно-голубых мундирах и стояли неподвижно, опершись на свои ружья и отбрасывая от себя внушительную, почти черную тень. За этой золотой, искрящейся равниной тянулась низкая линия холмиков, над которыми поднимался другой ряд холмов, более возвышенных, а за ними еще другой ряд вздымал свои головы над плечами предыдущих, – и все они тонули в бледно-фиолетовой дымке прозрачной дали. Все они не были высоки; высочайшие из них едва ли достигали ста футов высоты, но дикие зубчатые вершины, их крутые откосы, раскаленные солнечными лучами чуть не докрасна, придавали им особенно суровый характер.

– Это Ливийская пустыня, господа! – с театральным жестом импресарио возгласил Мансур. – Величайшая пустыня в целом мире! Если бы вы, господа, пошли отсюда прямо наперерез, на запад не сворачивая ни к северу, ни к югу, то первое жилье, которое вы встретили бы на своем пути, были бы заселенные места Америки! Да, мисс Адамс, ближайшая в этом направлении цивилизованная страна – это Америка!

Но мисс Адамс даже не слышала этого обращения к ней, так как внимание ее было отвлечено ее племянницей. Сади, в порыве восхищения, схватила ее одной рукой за руку, а другой указывала ей вдаль.

– Нет, право, только этого и недоставало для полноты картины! Боже, что может быть красивее и живописнее этой беспредельной пустыни! – восклицала она с разгоревшимся

личиком и сверкающими от возбуждения глазами. – Поглядите, мистер Стефенс! Видите этих людей верхами на верблюдах, появляющихся из-за этих лиловых холмов, точно в туманных картинах!

Все невольно взглянули в ту сторону, куда указывала девушка. Длинною вереницей выезжали один за другим на равнину величественные всадники в красных тюрбанах, появляясь из оврага между холмов. Все точно замерли; даже жужжание мухи казалось вполне внятным звуком. Полковник Кочрейн только что чиркнул спичку, чтобы зажечь свою сигару, но спичка догорела до того, что обожгла ему пальцы, а сигара так и осталась не закуренной. Бельмонт тихонько свистнул, а драгоман стоял с полураскрытым ртом и смотрел вперед совершенно бессмысленными глазами. Остальные переводили взгляд с одного на другого из присутствующих с тревожным чувством ожидания чего-то недоброго. Первым прервал молчание полковник:

– Клянусь честью, Бельмонт, – воскликнул он, – как видно, один из тысячи шансов налицо!

Глава 4

– Что это значит, Мансур? – грозно крикнул Бельмонт. – Кто эти люди? И отчего ты стоишь так, как будто у тебя ум отшибло?

Драгоман сделал над собой усилие и, проведя языком по запекшимся губам, отвечал:

– Я не знаю, кто эти люди, и не знаю, зачем они тут появились!

– Чего же тут не знать, это сразу видно! – сказал неунывающий и упорный в своем мнении француз. – Это вооруженные люди на верблюдах, какие-нибудь абабдэ, бишарин или бедуины, словом, кто-нибудь из туземцев, которых правительство применяет в качестве пограничной стражи!

– Ей-Богу, он, может быть, прав! – с невольным чувством облегчения воскликнул Бельмонт, обращаясь к Кочрэню и вопросительно глядя на него. – Почему бы, действительно, не так, почему эти люди не могут быть дружественны нам?

– По эту сторону реки нет дружественных племен, – сказал резко и уверенно полковник, – в этом я совершенно уверен. К чему умышленно себя обманывать? Мы должны быть готовы ко всему.

Но, несмотря на его слова, все стояли, сбившись в кучу, неподвижно глядя вперед, на равнину; их нервы были настолько потрясены этим внезапным открытием, что им каза-

лось все это какой-то фантастической сценой в неясном сне – чем-то отвлеченным, совершенно их не касающимся. Эти люди на верблюдах выехали из глубокого оврага по направлению того пути, по которому только что следовали туристы, из чего становилось ясно, что для наших путешественников обратный путь был отрезан. Судя по громадному облаку пыли и длинной веренице всадников, казалось, что их целая армия; человек семьдесят на верблюдах занимают сравнительно большое пространство. Выехав все до последнего на песчаную равнину, они, не торопясь, выстроились фронтом и затем, по короткому, резкому, гортанному звуку, поданному одним из них, помчались вперед. Их своеобразные, живописные в своих широких бурнусах и красных тюрбанах фигуры равномерно покачивались в светло-желтом облаке песка.

Одновременно с этим шесть человек чернолицых солдат сомкнули ряды, держа ружья наготове, и залегли за скалы у подножья холма. Затем все затворы их ружей щелкнули разом по команде их капрала: «Готовься!»

Теперь только тупое недоумение туристов уступило место сознанию близкой грозящей опасности, и ими вдруг овладело какое-то безумное, безрассудное бешенство; все они хотели что-то сделать, метались из стороны в сторону на площадке утеса, словно распуганная дворовая птица в момент, когда налетел коршун.

Они не могли, не хотели сознаться, что им некуда было

уйти, что они ничего решительно не могли сделать. Обе женщины уцепились за Мансура, инстинктивно сознавая, что он является ответственным за их безопасность, но тот сам дрожал, как осиновый лист. Стефенс старался держаться подле Сади Адамс и все время механически твердил ей: «Не волнуйтесь, мисс Сади, не волнуйтесь, пожалуйста!» – хотя сам он, видимо, волновался не меньше ее. Monsieur Фардэ гневно топал ногами и метал злобные взгляды на окружающих, словно все они обманули его. Тучный пресвитерианский проповедник стоял как истукан, под своим большим зонтиком, неподвижно устремив вперед бессмысленные испуганные глаза. Сесиль Броун покручивал нафабранные тонкие усики; он был бледен, но смотрел, как всегда, презрительно и пренебрежительно. Полковник Кочрейн, Бельмонт и Хидинглей более всех сохранили присутствие духа и способность здраво рассуждать.

– Лучше будем держаться вместе, – сказал полковник, – все равно, уйти нам некуда, так уж лучше не разбегаться в разные стороны!

– Они остановились! – сказал Бельмонт.

– Ага, вероятно, совещаются что им делать, спешить им нет надобности, они отлично знают, что мы от них никуда не уйдем. Я положительно не знаю, что бы мы могли сделать! – сказал Кочрейн.

– Попробуем, прежде всего, спрятать женщин! Ведь не могут же они знать, сколько нас всех здесь, – предложил Хи-

динглей. – Когда нас заберут и уведут, то дамы наши будут иметь возможность как-нибудь добраться обратно до парохода.

– Превосходная мысль, молодой человек! – воскликнул полковник. – Пожалуйста, сюда, мисс Адамс. Приведите сюда дам, Мансур, нам нельзя терять ни минуты!

Одна часть верхней площадки утеса была не видна с равнины. Обломков скалы и больших камней валялось много. Собрать эти обломки, сложить из них подобие шалаша, было делом нескольких минут. Так как обломки эти были из того же камня, что и сама скала, то их можно было принять за часть скалы. Обеих дам спрятали в эту импровизированную цитадель и вход в нее завалили нетяжелым обломком скалы, чтобы усилия двух женщин могли, в случае надобности, сдвинуть его. Когда все это было сделано, у мужчин стало легче на душе, и они снова обратили свои взгляды на равнину. В этот момент раздался резкий отрывистый звук первого выстрела. То выстрелил один из людей эскорта; в ответ на этот одинокий выстрел, последовал неровный залп десятка ружей, – и воздух наполнился трескотней и свистом пуль; туристы все припали за камни, стараясь укрыться за них, только один француз продолжал стоять и, гневно сверкая глазами, топал ногой о землю, комкая в руках свою широкополую шляпу. Бельмонт и полковник Кочрейн сползли к подножью холма и залегли там же, где и солдаты эскорта, стрелявшие методично и не спеша. Арабы остановились шагах в пяти-

стах от утеса, и по всему было видно, что они были вполне уверены в успехе своего предприятия, отлично сознавая, что путешественники никуда от них не уйдут. Они остановились теперь, чтобы определить число туристов, прежде чем окончательно атаковать их. Большинство арабов стреляли со спины своих верблюдов, но некоторые спешили и, припав на одно колено, стреляли то поодиночке, то залпами врассыпную. Весь холм гудел, как муравейник, а пули, ударяясь в него, вызывали своеобразный резкий, сухой звук.

– Вы нехорошо делаете, Кочрейн, что нарочно подставляете лоб под пули! – сказал Бельмонт, таща полковника под прикрытие большого валуна.

– Пуля – самое лучшее, что мы можем ожидать в настоящем положении, – сказал Кочрейн мрачно. – Какого непростительного дурака я разыграл, Бельмонт, тем, что не протестовал более энергично против этой глупой затеи посещения утеса Абукир! Я вполне заслужил свою участь, но вот этих бедняг жаль, они все не подозревали даже возможности какой-либо опасности!

– По-видимому, нам нет спасения! Разве только перестрелка эта будет услышана в Хальфе!

– Конечно, нет, – возразил Кочрейн, – ведь до нашей стоянки отсюда шесть миль, да почти столько же до Хальфы!

– Да, но если мы не вернемся, надо полагать, что «Короско» даст туда знать об этом!

– Вероятно, но до тех пор, если мы останемся живы, од-

ному Господу известно, куда нас увезут!

– Бедная моя маленькая Нора... бедная Нора! – вздохнул про себя Бельмонт, вспомнив о жене. – А как вы полагаете, Кочрейн, что они сделают с нами?

– Они или перережут нам горло, или отведут нас в рабство в Хартум. Я не знаю, что из двух лучше, а вот этому уже ничего не грозит! – добавил полковник, кивнув головою на одного из солдат. Этот последний вдруг присел еще ниже на колени и остался в той же позе, только немного подался вперед. Только опытный глаз полковника заметил, что бедняга уже покончил расчеты с жизнью. Пуля пробила ему голову. Его товарищи на минуту склонились над ним и, убедившись, что их помощь ему не нужна, пожали плечами и продолжали делать свое дело. Бельмонт взял ружье и патронташ убитого солдата и, обернувшись к Кочрейну, сказал:

– Всего только три патрона, Кочрейн, мы позволили ему стрелять слишком часто и без толку: они не умеют сберечь снарядов; нам следовало подпустить их без выстрела и затем разом открыть по ним огонь почти в упор!

– Вы – знаменитый стрелок, Бельмонт, – сказал Кочрейн, – я слышал о вас, как о выдающемся виртуозе в этой области. Попытайтесь снять с седла их предводителя!

– А кто из них предводитель? – осведомился Бельмонт.

– Полагаю, что вон тот, на светлом верблюде, который смотрит сейчас сюда, заслоняя глаза обеими руками!

Не говоря ни слова, Бельмонт зарядил ружье и стал це-

литься.

– При таком освещении страшно трудно определить расстояние! – пробормотал он... – Ну, попробую на пятьсот шагов! – и он спустил курок.

Намеченный араб не шевельнулся: очевидно, пуля пролетела мимо.

– Не видели ли вы, где взлетел песок?

– Нет, я ничего не видел, – отозвался Кочрейн, – попытайтесь еще раз, Бельмонт!

Курок чикнул еще раз, но и на этот раз ни верблюд, ни араб не были задеты. Только третий выстрел попал ближе к цели, так как араб посторонился несколько вправо, как будто выстрелы начали его беспокоить.

С восклицанием досады швырнул Бельмонт ставшее теперь бесполезным ружье.

– Это все тот проклятый свет... такое ослепительное сияние, что положительно нет никакой возможности уловить и определить цель. Подумать только, что я истратил даром целых три патрона, когда при других условиях снял бы с этого араба его тюрбан на таком же расстоянии! Но этот дрожащий, вибрирующий свет, это сияние могут довести человека до отчаяния!.. Смотрите, Кочрейн, что такое делается с нашим французом.

Monsieur Фардэ топтался на площадке утеса с таким видом, как человек, укушенный осой, при этом он усиленно махал своей правой рукой. «Sacre nom! Sacre nom!», – воскли-

цал он, оскаливая свои ровные белые зубы и нервно поводя черными нафабранными усами. Оказалось, что пуля ранила его в кисть руки. Хидинглей выбежал из своей засады и стал тащить его в безопасное место, но не успел он сделать трех шагов, как другая пуля ударила его прямо в грудь, и он грузно упал между камней. В следующий момент бедняга сделал усилие подняться, но тотчас же снова упал на том же месте.

– Моя песенка спета! – сказал он подоспевшему к нему на помощь полковнику и остался недвижим.

Точно смиренно спящий мальчик, лежал он на черной площадке утеса, бледный, но улыбающийся, с разметавшимися белокурыми волосами и распахнувшейся летней курточкой. Думал ли он год тому назад, отправляясь по окончании Гарвардского университета путешествовать по свету, что смерть сразит его среди дикой Ливийской пустыни, – внезапная смерть от пули бедуина?

Между тем солдаты эскорта уже прекратили огонь, так как расстреляли все патроны. Еще один из них был убит на месте, и двое ранены: один в шею, другой в ногу. Не ссутя и не жалуясь, уселся последний на камень и не спеша, с серьезным, деловым видом старой женщины, которая составляет черепки разбитой тарелки, принялся перевязывать свою рану. Остальные уцелевшие солдаты примкнули штыки к своим ружьям с видом людей, готовых дорого продать свою жизнь.

– Они пустились в атаку! – воскликнул Бельмонт.

– Пусть себе, – отозвался Кочрейн, засовывая обе руки в карманы брюк и спокойно глядя вперед. Вдруг он выдернул из кармана кулаки и злобно потряс ими в воздухе.

– Ах, эти проклятые погонщики! Негодные мальчишки! – воскликнул он. – Смотрите, ведь они улепетывают!

Действительно, там, внизу, разыгралась следующая сцена: мальчишки-погонщики, которые во время перестрелки, сбившись в кучку, притаились у подножья утеса между камней, полагая, что атакующие прежде всего обрушатся на них, вскочили на своих животных и с диким визгом и криком ужаса помчались, как вихрь, по равнине. Человек десять арабских всадников на своих верблюдах погнались за ними и принялись беспощадно избивать обезумевших от страха мальчишек с чисто мусульманским хладнокровием и обдуманной жестокостью. Одному маленькому мальчишке в просторной белой галаби, развевающейся по ветру, удалось опередить остальных, и некоторое время можно было надеяться, что он уйдет от погони, но длинный, размашистый бег верблюда вскоре сократил расстояние между выбивавшимся из сил маленьким животным и гнавшим за ним бегуном пустыни, и безжалостный араб вонзил свое длинное копьё в согнувшуюся спину мальчика. Момент, – и тот бездыханным трупом скатился на землю. Араб плавно поворотил своего верблюда и свободным, спокойным аллюром вернулся к остальным. Маленькие белые тела погонщиков лежали рассеянные по равнине, словно белые овцы пасущегося стада,

которое разбредлось в разные стороны. Но туристам, находившимся на вершине утеса, не было времени раздумывать над печальной участью бедных мальчиков-погонщиков, даже и полковник Кочрейн, после минутного взрыва негодования, как будто забыл о них. Африканские всадники были уже у подножья утеса, спешили и, оставив своих верблюдов на коленях, устремились на утес, карабкаясь между камней, кто по тропе, кто напрямик. Без выстрела справились они с тремя солдатами эскорта, одного убили ударом ножа в спину, двух других затоптали и, не останавливаясь, разом со всех сторон, появились на утесе, где их встретило неожиданное сопротивление.

Сбившиеся в кучу и жавшиеся друг к другу путешественники ожидали их появления, каждый согласно своему личному характеру и особенностям. Полковник Кочрейн стоял, заложив руки в карманы брюк, и пытался что-то насвистывать. Бельмонт спокойно скрестил на груди руки и прислонился спиной к утесу с гневным, негодующим выражением лица. И, как это ни странно, даже в этот момент, когда решалась его судьба, его более смущали и огорчали три промаха, чем предстоящая ему участь. Сесиль Броун стоял, полуотвернувшись от остальных, нервно покручивая свои маленькие усики. Monsieur Фардэ стонал и охал над своей раненой рукой, очевидно, ничем другим не интересуясь, а мистер Стефенс, в тупом сознании своего бессилия, задумчиво качал головой, не одобряя подобного нарушения закона

и порядка.

Мистер же Стюарт, тучный пресвитерианский проповедник, стоял все еще с распушенным над головой зонтом, без всякого определенного выражения на расплывчатом лице и в больших темных глазах. Драгоман сидел на одном из камней и нервно играл с своим хлыстом. Так застали арабы всю эту группу путешественников, когда взобрались на вершину утеса.

Но в тот момент, когда передние арабы готовы были схватить ближайших туристов, случилось нечто совершенно непредвиденное: Стюарт, который с момента появления дервишей на краю горизонта, не проронил ни слова, не шевельнулся и не сдвинулся с места, как человек, находящийся в трансе, теперь вдруг, точно пробудившись от столбняка, с бешенством накинулся на врага. Было ли то проявление мании страха, или в нем вдруг проснулась кровь какого-нибудь березарка, его отдаленного предка, но только тучный священник с диким криком стал кидаться то на одного, то на другого араба, беспощадно колотя зонтом направо и налево с таким диким бешенством, что те невольно смутились. Но вот кто-то из скалы ловко пустил сзади длинное копьё в тучную, метавшуюся во все стороны фигуру бирмингемского проповедника, – и тот упал разом на руки и на колени. В этот момент, словно стая псов, с криком злорадства набросились арабы на своих беззащитных жертв; ножи засверкали в воздухе, сильные руки хватили их за горло, грубыми пин-

ками и толчками гнали их вниз, к подножью утеса, где лежали ожидавшие своих владельцев верблюды.

– Vive le Khalifat! Vive le Mahdi! – восклицал француз до тех пор, пока удар ружейным прикладом не заставил его замолчать.

Вот они все, как загнанное в загон стадо, стоят у подножья утеса Абукир, эта маленькая кучка представителей современной европейской цивилизации, очутившихся в когтях представителей Азии седьмого столетия, – так как Восток остается все тот же, он не прогрессирует и не изменяется, и эти арабы ничем не отличались от тех неустрашимых воинов, которые столько веков тому назад водрузили свое увенчанное полумесяцем победоносное знамя над половиной Европы. Да, за исключением вооружения, дервиши были те же, что и их предки, ничуть не менее смелы, отважны, неустрашимы, нетерпимы, не менее жестоки, чем их предшественники. Они стояли кольцом вокруг кучки своих пленников, опершись на ружья или свои длинные копья. На всех были те же длинные белые бурнусы или туники, красные тюрбаны и сандалии желтой сыромятной кожи, туники были затканы коричневого цвета каймой, и каждый из них, кроме оружия, имел за спиной небольшой узелок. Половина из них были негры, рослые, мускулистые люди, сложенные, как геркулесы; остальные же были арабы баггара, маленькие, быстрые, сухощавые, с тонкими ястребиными носами, маленькими злыми глазами и тонкими жесткими губами. Начальник

или предводитель этой шайки был также араб баггара, но ростом выше других, с длинною черной шелковистой бородой и блестящими, жестокими, холодными, как лезвие ножа, глазами. Он молча глядел на своих пленников, и лицо его носило отпечаток серьезных дум. Он молча поглаживал свою длинную бороду, переводя глаза с одного лица на другое, затем резким, повелительным голосом произнес несколько слов, которые заставили Мансура выступить вперед. Молящим движением, простирая вперед руки и согнув спину дугой, приблизился он к вождю, делая салам за саламом, точно какой-то нескладный автомат; когда же араб произнес еще какое-то слово, драгоман вдруг упал на колени, зарываясь лбом в рыхлый песок и плескал по нему ладонями своих рук.

– Что это значит, Кочрейн? – спросил Бельмонт, стоящий подле полковника. – Что это за глупая комедия, чего он дурака валяет перед этими людьми?

– Насколько я могу судить, все для нас кончено! – ответил Кочрейн.

– Но это совершенно нелепо! – возмутился француз. – Почему бы им желать зла мне? Я никогда не делал им ни малейшего вреда. Я, напротив, был всегда и другом и доброжелателем. Если бы я мог объясниться с ними, я бы заставил их понять это... Эй, драгоман, скажи ему, что я француз, что я друг калифа, скажи ему, что мои соотечественники никогда не ссорились с его народом, и что его враги – и мои враги... Скажи ему все это!

Взволнованная речь и жесты monsieur Фардэ привлекли внимание предводителя арабов; он сказал несколько слов, и Мансур перевел: «Предводитель спрашивает, какую веру вы исповедуете, и говорит, что калиф не нуждается в дружбе неверных псов!»

– Скажите ему, что у нас, во Франции, все религии считаются одинаково достойными уважения и одинаково хорошими!

– Предводитель говорит, что только гяур, неверная собака, может говорить, что все религии одинаково хороши, и что если вы действительно друг калифа, то вы должны принять Коран и стать правоверным последователем пророка сейчас же. Если вы это сделаете, то он, со своей стороны, обещает отослать вас живым и невредимым в Хартум!

– Ну, а если не желаю?

– То с вами будет то же, что и с остальными!

– В таком случае передай ему, что мы, французы, не привыкли менять свою веру по принуждению!

Предводитель сказал еще несколько слов и стал совещаться с низкого роста коренастым арабом, стоявшим подле него.

– Он говорит, – перевел его слова драгоман, – что если вы скажете еще одно слово, то он прикажет сделать из вас копыто, чтобы кормить собак. Не говорите, Бога ради, ничего, monsieur Фардэ, – добавил Мансур уже от себя, – не гневите его: теперь они решают нашу участь!

– Кто он такой? – спросил полковник Кочрейн.

– Это Али Вад Ибрагим, тот самый, который в прошлом году сделал набег и перебил всех жителей нубийской деревни!

– Я уже слышал о нем, – сказал Кочрейн, – он имеет репутацию самого смелого, отважного вождя из всех предводителей дервишей, и при этом репутацию самого яркого фанатика. Хвала Господу, что наши дамы не попали в его лапы!

Теперь оба араба, мрачно и сдержанно совещающиеся все это время, снова обратились к Мансуру, который все еще лежал, распростершись на коленях в песке. Они стали засыпать его вопросами, указывая поочередно то на одного, то на другого из своих пленников, затем еще раз посоветовались между собой и, наконец, сообщили свое решение Мансуру, приказав ему пренебрежительным движением руки сообщить его остальным.

– Благодарите Бога, высокочтимые джентльмены, на время мы спасены, – сказал Мансур, стряхивая песок у себя с головы. – Али Вад Ибрагим говорит, что хотя неверные собаки достойны только получить острие меча в грудь от руки верных сынов пророка, но в данном случае, Бентьельмаю в Омдурмане будет выгоднее получить хороший выкуп за каждого из вас от ваших соотечественников. А до тех пор, пока не получится этот выкуп, вы будете работать, как рабы калифа, если только он не пожелает казнить вас смертью. Теперь вам предлагается разместиться на запасных верблюдах и следовать вместе с вашими победителями туда, куда они

пожелают отвезти вас!

Предводитель арабов выжидал, когда Мансур окончил свою речь, и тогда отдал короткий приказ, по которому один из негров выступил вперед, держа в руке длинный тяжелый меч. При этом драгоман завопил, как кролик, на которого напустились собаки, и снова в порыве отчаяния кинулся на землю, зарывая лицо в песок.

– Что это значит, Кочрейн? – спросил Сесиль Броун, так как полковник служил некогда на Востоке и был единственным из всех присутствующих, кроме драгомана, который мог кое-что понимать по-арабски.

– Насколько я понял, этот араб сказал, что не имеет никакой надобности в переводчике, и что так как за него никто не даст приличного выкупа, а он слишком жирен и тучен, чтобы из него мог выйти хороший раб, то лучше ему отсечь голову!

– Бедняга! – воскликнул Броун. – Слушайте, Кочрейн, объясните им, чтобы они его отпустили. Мы не можем допустить, чтобы его зарезали тут же, у нас на глазах. Скажите, что мы найдем деньги, чтобы заплатить за него выкуп; я согласен дать какую угодно сумму!

– Я тоже дам, сколько смогу! – заявил Бельмонт.

– Мы подпишем общее товарищеское поручительство за него. Если бы у меня была здесь бумага и перо и гербовые марки, я бы в одну минуту выдал ему вполне законный документ, подлежащий во всякое время удовлетворению! – ска-

зал Стефенс.

К сожалению, знания арабского языка полковника Кочрейна были недостаточны, а сам Мансур до того обезумел от страха, что утратил всякую способность что-либо понимать. Рослый негр вопросительно взглянул на своего предводителя, и затем его сильная мускулистая рука высоко взмахнула тяжелым мечом над головой драгомана, который взвыл не своим голосом и, протягивая вперед руки, молил о чем-то. Переглянувшись с Али Ибрагимом, его помощник подошел к дрожащему, заикавшемуся драгоману и задал ему несколько коротких вопросов.

Ни полковник, ни остальные ничего не поняли из произошедшего, но Стефенс инстинктивно угадал, в чем дело.

– Ах, негодяй, негодяй! – воскликнул он с бешенством. – Молчи, молчи, несчастный! Молчи, презренная тварь! Лучше подохни...

Но было уже поздно: теперь для всех стало ясно, что драгоман выдал, спасая себя, обеих женщин. По слову Али Ибрагима, человек десять арабов бросились вверх на утес и, минутой спустя, были уже наверху. Тогда из груди присутствующих вырвался крик ужаса, слившийся с криком отчаяния двух женщин. Грубые руки тащили их вниз, молодая девушка последовала за своими арабами, старшая же спотыкалась и падала; ее тащили, она плакала и взывала о помощи, а Сади, оборачиваясь, подбадряла ее.

Темные глаза Али Ибрагима равнодушно скользнули по

лицу старшей мисс Адамс, но блеснули ярким огнем при виде хорошенькой мисс Сади. По его слову пленных погнали гурьбою к верблюдам; здесь обыскали у всех карманы и все, что было найдено ценного, высыпали в порожнюю торбу, которую Али Ибрагим завязал собственноручно.

– Что вы скажете, Кочрейн? – сказал Бельмонт. – У меня есть при себе маленький револьвер, которого они не нашли на мне. – Не застрелить ли эту собаку драгомана за то, что он предал этих бедных женщин?

Кочрейн отрицательно покачал головой.

– Лучше сберегите ваш револьвер для тех же дам, он может им очень понадобится, так как трудно сказать, что всех нас ожидает, в особенности их! – сказал мрачно полковник.

Глава 5

Длинной вереницей растянулись на земле полегшие на колени верблюды; одни из них были светлые, белые, другие темные, бурые. Они грациозно поворачивали из стороны в сторону свои сравнительно небольшие головы с умным, вдумчивым выражением больших кротких глаз. Большинство были великолепные породистые животные, настоящие скакуны, но было и несколько более грубых и тяжело-весных верблюдов, так называемых вьючных животных, которые не выдерживали сравнения с первыми ни по статьям, ни по бегу. Все они были нагружены бурдюками с водой и различными съестными и другими припасами. В несколько минут достаточное число их было разгружено и предоставлено в распоряжение пленных, вьюки их были распределены на остальных. Пленных не связали никого, кроме почтенного мистера Стюарта, которого арабы, признав за духовное лицо и привыкнув видеть в религии синоним всякого насилия, сочли за самого опасного из своих пленников и потому связали ему руки верблюжьим арканом. Все же остальные были оставлены на свободе. Куда могли они бежать здесь, в пустыне, от этих быстроногих скакунов на своих грузных вьючных животных, уже достаточно замученных даже теперь?

Когда все расположились, караван тронулся с места, после того как арабы привычным окликом, дерганьем поводьев уз-

дочки, заставили верблюдов встать. Никто из туристов до этого времени никогда не садился на верблюда, за исключением полковника Кочрейна, и в первый момент им показалось страшно очутиться так высоко над землю, а своеобразное колеблющееся движение спины верблюда на ходу, сходное с ощущением качки на море, не только смущало и пугало их, но у многих вызывало тошноту и другие симптомы морской болезни.

Но вскоре они забыли о своих физических ощущениях под влиянием нравственного сознания, что теперь между ними и остальным миром легла целая пропасть, что они все оторваны от своей прежней жизни и что теперь для них начинается новая, полная ужасов и мучений, безотрадная и безнадёжная жизнь.

Всего какой-нибудь час тому назад они беспечно любовались природой. Сади болтала об английском и парижском покрое платьев, а теперь мысль о самоубийстве зарождалась в ее юной головке, как лучезарная звезда спасения. А там, в уютном салоне их парохода, ожидавшего их у скалистого берега, их ждал накрытый белоснежной скатертью стол, уставленный фарфором и хрусталем, ждали новейшие журналы и романы на зеленом столе маленькой судовой библиотеки, ждали миссис Шлезингер в ее желтой соломенной шляпке и хорошенькая миссис Бельмонт в длинном покойном кресле. «Короско» почти можно было видеть отсюда, но каждый длинный перевалистый шаг верблюда уносил их все дальше

и дальше от берега, вглубь бесплодной пустыни.

Судя по однородному одеянию, по красным тюрбанам и желтым сандалиям Кочрейн сразу определил, что эти люди не бродячие разбойники, пираты пустыни, а отряд из регулярной армии калифа. Али Вад Ибрагим вел караван, который конвоировали по сторонам на всем его протяжении выстроившиеся в линию всадники из негров. С полмили впереди были высланы разведчики, а замыкающим ехал маленький коренастый араб, подручный или помощник предводителя. В середине каравана находилась маленькая группа пленников, которых никто не старался разъединить. Мистер Стефенс вскоре сумел заставить своего верблюда поравняться с теми двумя животными, на которых находились мисс Адамс-старшая и мисс Сади Адамс.

– Не падайте духом, мисс Адамс, – увещевал он ее, – это, конечно, ужасное происшествие, но не подлежит сомнению, что будут приняты необходимые меры для разыскания нас. И я убежден, что мы не подвергнемся ничему иному, кроме кратковременного неудобства. Если бы не этот негодяй Мансур, – все это нисколько не коснулось бы вас!

Но мисс Адамс почти не слушала его утешений: за этот один час времени в ней произошла такая разительная перемена, что она была положительно неузнаваема. Она сразу превратилась в старую сморщенную женщину. Щеки и глаза ввалились, глубокие морщины избородили лоб и лицо, ее испуганный тревожный взгляд поминутно останавливался

на Сади. Но эти минуты опасности вызывали в сердцах даже апатичных людей мысль и заботу не о себе, а о других. Мисс Адамс думала только о Сади, Сади о своей тетке, мужчины думали о женщинах, Бельмонт думал о жене и еще о чем-то. Он до тех пор колотил пяткой по плечу своего верблюда, пока тот не поравнялся с верблюдом мисс Адамс.

– У меня есть здесь кое-что для вас, – шепнул он, наклоняясь к ней. – Возможно, что нас скоро разлучат, а потому нам лучше заранее принять свои меры. Быть может, они вздумают избавиться от нас, мужчин, и удержать только вас, женщин!

– Боже мой, мистер Бельмонт, что же мне делать, я старая женщина и уже прожила свою жизнь мне все равно... но Сади... это просто сводит меня с ума!.. Ее мать ждет ее дома, а я... – и она в отчаянии ломала руки.

– Протяните вашу руку под плащом, я вложу в нее нечто, вы постарайтесь не выронить... Ну, вот так, теперь спрячьте это хорошенько где-нибудь на себе, этим ключом вы во всякое время отопрете себе любую дверь!

Мисс Адамс на ощупь угадала, что это был за предмет, с минуту она, недоумевая, смотрела на Бельмонта, затем неодобрительно покачала головой, но все же спрятала смертоносный предмет у себя на груди. В голове ее вихрем пронеслись мысли: неужели это она, скромная, кроткая мисс Адамс, мечтавшая всегда о всеобщем благе людей, о братской к ним любви и милосердии, теперь, держа в руке ре-

вольвер, придумывает оправдание убийству. Ах, жизнь! Чего ты только с нами делаешь? Явись ты нам во всем своем коварстве и жестокости, и мы свикнемся с ними и снесем все. Но нет! Когда ты смотришь нам в лицо всего приветливее, всего любовнее, тогда-то мы должны больше всего опасаться твоих безжалостных ударов!

– В худшем случае, это будет только вопрос выкупа, – утешал Стефенс Сади, – кроме того, мы еще очень недалеко от Египта и далеко от страны дервишей. Нет сомнения, что за нашими похитителями будет погоня, а потому вы не должны падать духом, не должны терять надежды!

– Я отнюдь не отчаиваюсь, мистер Стефенс, – сказала Сади, бледное личико которой противоречило ее словам, – все мы в руках Божьих, и Он, конечно, не даст нам погибнуть. Все мы готовы верить в Бога и надеяться на Него, когда нам хорошо живется, но теперь пришло время для нас доказать, что это не пустые слова, и что мы, действительно, возлагаем на Него все наши надежды. И если Он там, в этом голубом небе...

– Он там! – раздался позади них уверенный, наставительный голос пресвитерианского священника. Его привязанные к луке седла руки, тучное тело, покачивавшееся из стороны в сторону, раненое бедро с запекшеюся кровью, на котором насели мухи, непокрытая голова под этим палящим зноем, так как и зонт, и шляпу он потерял во время борьбы, – все это причиняло ему невыносимые мучения. Постепенно уве-

личивающаяся лихорадка проявлялась жгучими красными пятнами на его полных отвислых щеках и странным блеском в его глазах. Он всегда казался несколько сонным, вялым и скучным собеседником, но теперь горькая чаша скорби словно разом переродила его. Он казался теперь так величаво спокоен, в нем чувствовалась такая нравственная сила, что она сообщалась даже другим. И вот в нем проснулся теперь горячий, убежденный проповедник; в эти горестные минуты он так прекрасно говорил о жизни и смерти, о настоящем, о надеждах в будущем, что мрачное облако скорби и отчаяния, нависшее над туристами, как бы рассеивалось под впечатлением его слов.

Сесиль Броун, правда, пожимал плечами, не считая возможным изменять своих взглядов и убеждений, но все остальные, в том числе и monsieur Фардэ, были растроганы и несколько утешены.

Кочрейн, между тем, изготовлял из своего большого красного шарфа тюрбан и настоял на том, чтобы мистер Стюарт надел его.

Но теперь ко всем страданиям несчастных пленных прибавились еще мучения жажды. Солнце палило нещадно сверху и отражалось на них снизу, от этого раскаленного песка пустыни, пока, наконец, им не стало казаться, что они едут по горячей пелене расплавленного металла, испарения которого пышут на них и обдают их удушливым жаром. Губы их пересыхали до того, что теряли всякую упругость, а язык,

точно тряпка, прилипал к гортани. Каждое слово приходилось выговаривать с усилием, и потому все примолкли. Мисс Адамс свесила голову на грудь и уже давно не говорила ни слова; ее широкополая шляпа скрывала ее лицо, но во всей позе ее сказывалось крайнее изнеможение.

– Тетя сейчас лишится чувств, если для нее не найдется глотка воды! – сказала Сади. – О, мистер Стефенс, неужели мы ничем не можем помочь ей?

Ехавшие поблизости дервиши были все арабы баггара, за исключением одного только невзрачного негра с лицом, изрытым оспой.

Лицо этого последнего казалось добродушным в сравнении с лицами остальных. И Стефенс решился, тихонько дотронувшись до его локтя, указать ему сперва на его бурдюк с водой, а затем на мисс Адамс. Негр отрицательно и гневно покачал головой, но в то же время многозначительно посмотрел на арабов, как бы желая этим показать что если бы не они, то он поступил бы иначе.

Немного погодя, он, тыкая себя пальцем в грудь, произнес:

– Типпи Тилли!

– Что это значит? – спросил его полковник Кочрейн.

– Типпи Тилли! – повторил негр, понижая голос до таинственного шепота, как бы не желая быть услышанным своими товарищами.

Полковник отрицательно покачал головой.

– Нет, я решительно ничего не понимаю!

– Типпи Тилли. Хикс-паша! – снова повторил негр.

– Право, я начинаю думать, что он дружественно к нам расположен! – сказал Кочрейн, обращаясь к Бельмонту. – Но из его речей ничего не могу разобрать, может быть, он хочет нам сказать, что его зовут Типпи-Тилли и что он убил Хикс-пашу?

Услыхав это, добродушный негр оскалил свои огромные белые зубы и воскликнул:

– Айва! Типпи Тилли, бимбаши Мормер – бум!

– Клянусь честью, – воскликнул вдруг Бельмонт, – я угадал, что он хочет сказать: он пытается говорить по-английски: типпи тилли, думаю, означает «артиллерия»; из этого я заключаю, что он хочет сказать, что служил раньше в египетской артиллерии, под начальством бимбаши Мортимера, что он был захвачен в плен, когда Хикс-паша был разбит, и ему ничего более не оставалось, как только сделаться дервишем!

Тогда полковник сказал ему несколько слов по-арабски и получил ответ, но в это время двое арабов поравнялись с ними, и негр ускорил аллюр своего верблюда и опередил пленников.

– Вы правы, Бельмонт, – сказал Кочрейн, – этот парень дружественен нам и верно охотнее сражался бы за хедива, чем за калифа. Но я, право, не знаю, что он может сделать для нас. Впрочем, я бывал даже в худших положениях и то выходил, а мы все же еще не ушли от погони!

– Да, – стал медленно и рассудительно высчитывать Бельмонт, – около двух часов пополудни они ожидали нашего возвращения. В решимости и распорядительности моей жены я безусловно уверен. Нора всегда сумеет настоять на немедленном розыске. Предположим, что погоня отправилась из Хальфы часа в три пополудни, да час положим на переправу с той стороны Нила на этот берег. Значит, к пяти-шести часам вечера египетская кавалерия будет у утеса Абукир и нападет на наш след. Следовательно, мы опередили их всего на четыре часа, не больше; весьма возможно, что они еще успеют настигнуть Али Ибрагима и спасти нас!

– Некоторых из нас, может быть и спасут, но я не надеюсь, что завтра наш padre или мисс Адамс еще будут живы. Кроме того, нам с вами не следует забывать, что эти арабы имеют обычай закалывать своих пленников, когда они видят, что нет исхода. На случай, если вы, Бельмонт, вернетесь, а я нет, прошу вас, исполните вы мою посмертную волю...

Оба они отъехали немного вперед и, склонившись друг к другу, долго совещались о чем-то.

Добродушный негр, называвший себя Типпи-Тилли, ухитрился каким-то образом сунуть в руку мистера Стефенса какую-то тряпку, напитанную водой, которую тот вручил Сади, и она смочила ею губы своей тетки. Сильная натура янки сказалось в ней; даже, эти несколько капель воды оживили ее, не только вернув ей силы, но даже и бодрость духа.

– Я не думаю, что эти люди желают нам зла, – сказала

она, – я полагаю, что и у них есть какая-нибудь своя религия, которая считает злом то же, что и вы называете злом, и которая воспрещает им делать зло!

Стефенс только отрицательно покачал головой, но не сказал ни слова: на его глазах эти люди зверски перебили бедных и безобидных маленьких погонщиков.

– Быть может, сама судьба послала нас к ним, чтобы направить их на путь истинный! – продолжала мисс Адамс.

И не будь здесь Сади, – она была способна теперь благодарить судьбу за то, что та доставила ей случай распространять свет евангельского учения в Хартуме, а быть может, и превратить Омдурман в маленькое подобие образцового городка Новой Англии.

– Знаете ли, о чем я думала все это время? – сказала вдруг Сади. – Я думала о том храме, который мы с вами видели, помните? Когда же это было?.. Ах да, это было сегодня утром!

– Да, в самом деле, это было сегодня утром! – удивленно воскликнули все трое. А как далеко, казалось, отстояло от них теперь это время, всем им казалось, что это было давным-давно, и даже само воспоминание об этом храме потонуло в тумане далекого прошлого. И некоторое время все они ехали в глубоком безмолвии; наконец, Стефенс напомнил Сади, что она не кончила своей начатой фразы о храме.

– Ах да, – точно обрадовавшись, сказала молодая девушка, – я, видите ли, вспомнила об изображениях на его сте-

нах, об этих жалких, несчастных пленниках, которых влекут за собой победоносные воины... Кто бы мог подумать, что через три часа мы, смотревшие на эти изображения, будем в том же положении?! А мистер Хидинглей!.. – и она отвернулась и заплакала при мысли о своем юном соотечественнике, безвременно погибшем вдали от родины.

– Полно, Сади, вспомни, что сейчас говорил мистер Стюарт, что мы все в руках Божьих, и что пути Его ведут к нашему благу. Как вы полагаете, мистер Стефенс, куда они нас уводят?

Угол красного переплета «Бэдекера» торчал еще из кармана пальто юриста, так как при обыске арабы не нашли нужным отобрать у него эту книгу.

– Если они не отнимут ее у меня, – сказал мистер Стефенс, – то на первой же остановке я сделаю из нее несколько выписок. Теперь же я могу сказать, что Нил течет с юга к северу; следовательно, мы все время двигаемся по прямой линии на запад, вглубь страны. Она, вероятно, опасались погони и потому не следовали по течению Нила, но мне помнится, что есть большая караванная дорога, пролегающая параллельно Нилу на расстоянии приблизительно семидесяти миль от реки по пустыне, а потому, если мы будем придерживаться этого направления, то, вероятно, выедем на эту большую дорогу. Вдаль же тянется линия колодцев и, вероятно...

Но его прервал на полуслове целый поток несвязных громких слов. Стефенс обернулся; яркий румянец на лице

мистера Стюарта превратился в багровые пятна, глаза горели, как уголья, и в бреду он начинал метаться и волноваться. «О, милосердная мать-природа!.. Никогда ты не забываешь своих детей!.. Когда слишком много невзгод обрушиваются разом на одного из твоих чад ты говоришь: «Нет, это ему не под силу!» – и ты посылаешь ему забвение, бред, вырываешь его на время из жестокого мрачного настоящего и переносишь в область видений или блаженной нирваны...»

Арабы вопросительно переглянулись; в их глазах бред Стюарта весьма походил на безумие, а безумие для магометан – это нечто страшное и сверхъестественное, повергающее их в благоговейный трепет.

Один из них тотчас же доложил о состоянии пленного эмиру Али Ибрагиму, и затем два араба примкнули бок о бок с обеих сторон к верблюду Стюарта из опасения, как бы он не упал.

Этим переполохом воспользовался дружелюбно относившийся к пленным негр, чтобы, поравнявшись с Кочрейном, шепнуть ему пару слов.

– Мы сейчас сделаем привал, Бельмонт, – сказал полковник, – быть может, нам дадут по глотку воды, а то многие уже не могут далее выносить этих мучений!

– Да, да, слава Богу! – отозвался Бельмонт.

– Я на всякий случай сказал этому Типпи-Тилли, что мы сделаем его бимбаши, если заполучим его обратно в Египте, а он, по-видимому, готов сделать для нас все, что только в

его силах!

Далеко-далеко, на самом краю горизонта, если оглянуться назад, виднелась теперь узкая зеленеющая полоска, по которой протекала река, и местами сверкала ее серебристая струя, искрясь на солнце и дразня своей заманчивою влагой этих мучимых жаждой людей.

Они лишились сегодня семьи, родины, свободы – словом, всего, что дорого человеку, но они думали теперь только о воде. Мистер Стюарт в бреду кричал и требовал апельсинов, хороших, сочных апельсином. Только у сильного, словно железного, ирландца мысль о жене превозмогла даже мучения жажды. Он смотрел туда, где искрилась река, и думал, что это должно быть близ Хальфы, и его Нора теперь на этой самой полосе реки; и при воспоминании о ней он сердитым движением натянул шляпу на глаза и, угрюмо потупившись, ехал молча, покусывая свой длинный седой ус.

Солнце медленно склонилось к западу, и от каравана начинали ложиться длинные тени. Начинало свежеть, и степной ветерок пробежал над песчаной, устланной камнями равниной пустыни. Эмир подозвал к себе своего помощника, и они оба долго глядели, заслоняя глаза руками, очевидно, отыскивая какую-нибудь приметку. Вскоре по знаку эмира его верблюд медленно и систематично в три равномерных приема опустился на колени, и вслед за ним и все остальные, один за другим, проделали то же самое, пока все верблюды не вытянулись длинной вереницей на земле. Тогда всадни-

ки их соскочили на землю и разложили перед каждым верблюдом холщовые подстилки, и на них рубленый саман для корма. Надо заметить, что ни один породистый верблюд не станет есть прямо с пола или с земли. В их степенной, неторопливой манере кушать, в кротком взгляде их милых вдумчивых глаз, плавных, спокойных движениях и грациозном подъеме и повороте головы этих симпатичных разумных животных есть нечто женственное.

О пленных никто не заботился, так как куда могли они бежать здесь в пустыне? Но эмир, приблизившись к их группе и остановившись перед ней, стоял некоторое время, разглаживая свою черную бороду и задумчиво глядя на них. Мисс Адамс с ужасом уловила, что взгляд этих жестоких черных глаз особенно упорно останавливается на Сади. Отойдя в сторону, Али Ибрагим отдал приказание, – тотчас же явился негр, таща бурдюк с водой, из которого он напоил всех пленных поочередно. Вода эта была теплая и затхлая, с сильным привкусом бурдюка, но с каким наслаждением глотали ее истомленные жаждой туристы. Затем эмир сказал несколько отрывистых слов драгоману и удалился.

– Высококочтимые леди и джентльмены, – начал было по своей всегдашней привычке Мансур, но устремленный на него полный гадливого презрения взгляд Кочрейна заставил его смолкнуть на полуслове и разразиться жалостливыми самооправданиями:

– Как я мог поступить иначе, когда лезвие меча было у

меня над головой? Я думаю, что всякий на моем месте выдал бы даже родную мать!

– Ты, негодяй, вероятно, сделал бы это, но далеко не всякий: у тебя висел меч над головой, а если мы какими-нибудь судьбами вернемся в Египет, то ты сам будешь болтаться на виселице над землей!

– Все это прекрасно, Кочрейн, но я полагаю, что мы в своих собственных интересах должны узнать от него, что сказал эмир!

– Что касается меня, то я не желаю иметь никакого дела с подобным мерзавцем! – заявил полковник Кочрейн и, раздраженно пожав плечами, удалился своей обычной вымуженной походкой.

– Однако, что же он сказал, этот эмир? – спросил Бельмонт у драгомана.

– Он теперь как будто милостивее к вам, – заявил Мансур, – он сказал, что если бы у него было больше воды, он дал бы нам напиться вволю, но у него самого очень ограниченный запас ее. Кроме того, он сказал, что завтра мы дойдем до колодцев Селима, и тогда для всех воды будет с избытком, там и верблюдов напоим, и возобновим запасы!

– Не говорил ли он, долго ли мы пробудем на этом месте? – осведомился Бельмонт.

– О нет, самый короткий привал и затем вперед и вперед. Мистер Бельмонт...

– Молчи! – сердито прервал его жалобное излияние ир-

ландец и снова принялся вычислять в уме, когда караван может нагнать египетская кавалерия, если его жена успела дать знать об их исчезновении. Ему было известно, что в Хальфе во всякое время небольшой отряд египетской кавалерии был готов к выступлению по первому сигналу, что день и ночь такой дежурный отряд содержится в полной готовности, верблюды оседланы, припасы навьючены, люди начеку, и в какую-нибудь четверть часа такой отряд мог быть мобилизован, как днем, так и ночью. Итак, быть может, завтра на рассвете эта погоня настигнет их и отобьет у похитителей!

Но вдруг мирный ход его мыслей был прерван негодующим голосом полковника Кочрейна, который показался на скате ближайшего пригорка, и за руки которого бешено уцепились два араба, осмелившиеся, по-видимому, связать его.

Лицо его было багровое, голос хрипел от бешенства, и он неистово выбивался.

– Ах, вы, проклятые убийцы! – скрежеща зубами, кричал он и вдруг, заметив, что очутился в двух шагах от своих, крикнул: – Бельмонт, они убили Сесиль Броун!

Случилось это так. Желая уйти от своего собственного раздражения, полковник Кочрейн забрел за ближайший пригорок, где в маленькой котловине увидел группу лежащих верблюдов и услышал громкие раздраженные голоса нескольких человек. Центром группы был Сесиль Броун, бледный, с вялым, скучающим взглядом и, как всегда, подкрученными кверху усиками. Арабы уже раньше обыскали

его, как и всех остальных пленников, но теперь хотели раздеть его донага, в надежде, что он имеет при себе еще что-либо, чего им не удалось найти при первом обыске. Один отвратительного вида негр с широкими серебряными кольцами в ушах скалил свои лошадиные зубы и, видимо, издевался над молодым дипломатом, подступая к самому его лицу. Невозмутимое спокойствие и безучастный скользкий взгляд Сесилия Броуна в эти минуты казались Кочрейну настоящим героизмом, чем-то сверхчеловеческим. Пиджак Броуна был уже распахнут, жилет тоже, и теперь громадные заскорузлые пальцы негра ухватили ворот его сорочки и, рванув, разодрали ее до пояса. При звуке этого рвущегося полотна словно какое-то безумие овладело этим всегда и доселе невозмутимым и бесчувственным молодым человеком: при прикосновении к его телу этих заскорузлых черных пальцев, казалось, вся душа возмутилась в нем. Дикий огонь сверкнул в его глазах, – это уже был не законченный продукт салонов XIX века, а дикарь, схватившийся с дикарем. Лицо его разгорелось, всегда плотно сжатые губы разворотились, как у чувственного сластолюбца, – и он принялся бить его, как девочка, раскрытой ладонью; с диким криком, скрежеща зубами, набросился на негра и колотил по чему попало, слабо, но злобно, без перерыва. Негр на мгновение опешил и подался назад под этим градом неожиданных, точно детских ударов, но затем, видимо, озлившись, выхватил длинный нож из своего рукава и, что есть силы, со всего разма-

ха ударил им снизу под занесенную для удара руку противника. Броун разом опустился на землю и в сидячей позе, опираясь обеими ладонями, стал кашлять, как кашляет человек, поперхнувшийся за обедом, – сильно, непрерывно, спазмами. Щеки его, горевшие гневом, вдруг побелели, затем в кашле послышалось клокотанье подступившей к горлу крови, он прикрыл рот рукою, тихонько повалился на бок и остался недвижим; целый поток яркой алой крови смочил песок. Негр с презрительным взглядом отер свой нож и спрятав его обратно в рукав.

Как безумный, накинулся на него теперь полковник Кочрейн, но был схвачен несколькими из стоявших вокруг арабов и со связанными руками отведен к своим сотоварищам.

Итак, Хидинглей уже не было в живых, Сесия Броуна также, и теперь наши пленные с тревогою переводили глаза с одного бледного лица на другое, мысленно спрашивая себя, за кем же очередь.

На большом камне, один, в сторонке от других, сидел monsieur Фардэ, подперши голову руками и уставив локти в колени. Он неподвижно смотрел вдаль, когда Бельмонт заметил, что он вдруг поднял голову и насторожился, как породистая охотничья собака, слышавшая чужие шаги, затем разом подался вперед и, очевидно, напрягая всю силу своего зрения, стал смотреть в том направлении, по которому только что прошел их караван. Бельмонт стал смотреть ту-

да же, – и действительно, там, вддали, что-то виднелось, что-то двигалось... Вскоре уже можно было отличить холодный блеск стали и что-то белое, развевающееся по ветру. Сторожевые дервиши дважды повернули своих верблюдов и затем разрядили свои ружья в воздух. Но не успел еще замереть звук залпа, как все они были уже в седлах – и арабы, и негры; еще минута, – все верблюды были подняты на ноги и плавно двинулись по направлению к своим сторожевым. Пленных окружили несколько человек вооруженных арабов, которые у них на глазах стали вкладывать боевые патроны в свои ремигтоны.

– Клянусь честью, это кавалерия на верблюдах! – воскликнул полковник Кочрейн, позабыв о всех своих невзгодах. – Я полагаю, что наши! – и он в волнении, сам не сознавая как, высвободил свои руки из аркана.

– Значит, они оказались еще проворнее, чем я ожидал, – сказал Бельмонт, – они прибыли целыми двумя часами раньше, чем их можно было ожидать. Ура, monsieur Фардэ! *Ca va bien, n'est ce pas?*

– Ah! Merveilleusement bien! *Vivent les Anglais!* – воскликнул француз в сильном возбуждении, готовый бежать навстречу приближающейся веренице верблюдов. Голова каравана уже показывалась из-за пригорка.

– Слушайте, Бельмонт, я должен вас предупредить, что эти молодцы, как только увидят, что их дело проиграно, тотчас же пристрелят нас, как дичь. Таков их обычай. Поэтому

му будьте готовы, постарайтесь справиться с тем подслеповатым парнем, что крив на один глаз; я беру на свою долю этого дюжего негра; вы, Стефенс, постарайтесь выбить ружье из рук вот того тощего парня; вы, Фардэ, comprenez-vous? Il est necessaire справиться с ними, прежде чем они успеют пустить в дело свое оружие, но... но... – его слова перешли в какой-то невнятный шепот, – это арабы! – проговорил он, с трудом ворочая языком; его голос до того изменился, что его нельзя было узнать.

Из всех тяжелых минут этого ужасного дня это была чуть ли не самая тяжелая. Женщины горько плакали, не скрывая своих слез, только один мистер Стюарт в бреду над чем-то от души хохотал, прислонясь спиной к бедру своего верблюда. Фардэ, закрыв лицо, плакал.

Арабы же приветствовали друг друга выстрелами в воздух и высоко размахивали над головой своими длинными копьями. Вновь прибывших было не так много, не более тридцати человек, но все они носили тот же красный тюрбан и белый бурнус с коричневой каймой. У одного из них было в руках небольшое белое знамя с красными буквами какого-то текста, но, кроме того, в этой группе арабов было нечто, что особенно привлекало внимание пленных. Сердца всех дрожали от волнения.

– Смотрите, мисс Адамс, – воскликнул Стефенс, – кто это там, в центре группы? Право, это женщина!

Действительно, на одном из верблюдов выделялась ка-

кая-то своеобразная фигура. Еще минута, ряды арабов разомкнулись, – и фигура женщины, белой женщины ясно предстала перед глазами туристов.

– Пароход наш был атакован! – воскликнул кто-то. – Это кто-нибудь из наших!

Бельмонт вскрикнул и кинулся вперед, забыв обо всем на свете.

– Нора! Дорогая! – кричал он. – Не падай духом, я здесь, и все теперь хорошо!

Глава 6

Итак, «Короско» был захвачен арабами, и все надежды на спасение, все точные вычисления расстояния и времени – все это было напрасно, обманчивый мираж. В Хальфе никто не подымет тревоги до тех пор, пока не узнают, что пароход не возвратился. Даже теперь, когда Нил казался узкой зеленоватой полоской на самом краю горизонта, преследование арабов еще не началось. Как же слабы были их шансы на то, что египетская кавалерия успеет нагнать их и отбить у степных разбойников, тем более, что теперь уже оставалось не более каких-нибудь ста миль до страны дервишей! Всеми ими, за исключением Бельмонта, овладело тупое отчаяние. Между тем арабы обменивались приветствиями и сообщали друг другу о том, что было сделано той и другой стороной, с обычной своей сдержанностью и важностью, тогда как негры того и другого отряда скалили свои белые зубы и трещали, как сороки, – эти вечно добродушные и веселые негры, которых даже суровый Коран не смог лишить этого добродушия.

Предводитель вновь прибывших был седобородый, худой, аскетического вида араб, с ястребиным носом и пронизывающим взглядом черных жестоких глаз. Он держался высокомерно и надменно; все остальные относились к нему с особым почтением. При виде этого старого араба, драгоман жалобно застонал и безнадежно всплеснул руками.

– Это эмир Абдеррахман, – простонал он, – теперь я уже не смею надеяться, что мы останемся живы!

Для всех остальных имя Абдеррахмана ничего не значило, но полковник Кочрейн, служивший некогда на Востоке, слышал, что этот человек пользовался репутацией чудовищной жестокости и беспощадного фанатизма. Оба эмира некоторое время совещались между собой, затем они долго и упорно смотрели на кучку унылых пленных, причем младший из двоих что-то объяснял, а старший слушал с мрачным, бесстрастным выражением лица.

– Кто этот красивый седобородый араб? – спросила мисс Адамс, первая очнувшаяся от общего удрученного состояния.

– Это теперь их вождь и предводитель! – сказал полковник Кочрейн.

– Неужели вы хотите сказать, что он теперь примет начальство над всеми нами и над тем другим, чернобородым?

– Да, леди, – ответил драгоман, – он теперь начальник над всеми!

– Что касается меня, то я предпочитаю быть в его власти, чем во власти этого чернобородого, – сказала мисс Адамс, глядя на племянницу. – Не правда ли, Сади, дорогая, ты теперь себя лучше чувствуешь, когда жара немного спала?

– Да, тетечка, не беспокойтесь обо мне, сами-то вы как себя теперь чувствуете?

– Я чувствую себя бодрее, чем раньше. Мне совестно, что

я подавала тебе такой скверный пример своим малодушием. Но я прямо голову потеряла при мысли, что мне скажет твоя мать, которая доверила мне тебя... Боже мой, в бостонском «Геральде», вероятно, будет помещена заметка об этом! Боже мой...

– Ах, бедный мистер Стюарт! – воскликнула Сади. – Слышите, как он все время не перестает бредить! Посмотрим, тетя, не можем ли мы что-нибудь сделать для него?

– Меня сильно тревожит участь госпожи Шлезингер и ее ребенка, – сказал полковник Кочрейн. – Я вижу вашу жену, Бельмонт, но не вижу никого больше!

– Они ведут ее сюда! – воскликнул Бельмонт. – Слава Богу! Теперь мы все узнаем. Они не сделали тебе вреда, дорогая Нора? – и он кинулся вперед, чтобы схватить и поцеловать ее руку, которую она протянула ему, когда он помогал ей спуститься с верблюда.

Милые, ласковые серые глаза миссис Бельмонт и ее приветливое спокойное лицо успокоительно подействовали на всех.

– Бедняжки, – сказала она, – глядя на вас, я вижу, что вам было гораздо хуже, чем мне. Нет, право, дорогой Джон, я чувствую себя прекрасно, даже не ощущаю особенно сильной жажды, так как мы наполнили свои бурдюки водою у Нила, и мне давали пить вволю. Но отчего я не вижу мистера Хидинглей и мистера Броуна, ведь они отправились вместе с вами?! А бедный мистер Стюарт, что с ним?

– И Хидинглей, и Броун покончили свои счета с жизнью, – ответил угрюмо ее супруг, – и ты не поверишь, дорогая, сколько раз я благодарил Бога за то, что ты не была с нами. А теперь ты все же здесь, дорогая моя!

– Где же мне и быть, Джон, как не подле моего супруга? И, право, мне гораздо, гораздо лучше здесь, чем было бы там, в Хальфе!

– Дошла ли до города какая-нибудь весть о случившемся? – спросил Кочрейн.

– Одной шлюпке удалось уйти от арабов. Миссис Шлезингер с ребенком и няней уплыли на ней. Я находилась внизу, в каюте, когда арабы ворвались на «Короско»; те, кто был на палубе, успели сесть в шлюпку и бежать – шлюпка была уже спущена и совсем наготове. Арабы стреляли по шлюпке, и я не знаю, был ли на ней кто-нибудь убит или ранен!

– Они стреляли по шлюпке? – переспросил Бельмонт. – Прекрасно! В таком случае их выстрелы могли слышать в Хальфе. Как вы думаете, Кочрейн? Погоня, вероятно, несется за нами по горячему следу, мы каждую минуту можем надеяться увидеть белые пуляри британского офицера!

Но на этот раз Кочрейн оставался холоден и недоверчиво отнесся к возможности спасения.

– Если они не выехали в составе сильного отряда, то пусть лучше вовсе не являются, – сказал Кочрейн, – эти люди не из тех, с кем легко справиться. Главари их опытны в военном деле; с ними придется сражаться не на шутку.

В этот момент громадное багровое солнце наполовину опустило свой лучезарный диск за фиолетовую линию холма на краю горизонта. Это час вечерней молитвы мусульман. Древние обитатели Ирландского плато стали бы поклоняться этому лучезарному диску на краю горизонта, но эти дедь пустыни были благородны в своих чувствах, — для них идеал выше материальной действительности, — и потому они оборачиваются спиной к великолепной картине заходящего солнца и возносят свой мысленный взор к далекому Востоку, колыбели и очагу их религии, и молятся, молятся так, что нам, христианам, остается только поучиться у них. О, эти фанатики мусульмане, как они умоют молиться! Всецело поглощенные своим религиозным экстазом, с вдохновенными лицами и сияющим взором, с повергнутым в прах челом, лежат они по несколько минут на своих молельных ковриках. И кто мог усомниться, глядя на этих людей, на их убежденную веру, на этот огонь фанатизма, горящий в их глазах, что в них таится великая жизненная сила, что бесчисленные миллионы людей думают, как один человек, — от мыса Джуба до пределов Китая! Пусть только одна могучая волна всколыхнет их, пусть только восстанет среди них великий вождь или организатор, который сумеет воспользоваться этой великой силой, — и тогда кто может поручиться, что эти сыны Востока не заполонят когда-нибудь жалкий, дряхлый, вырождающийся юг Европы, как некогда, тысячу лет тому назад!

Но вот молитва кончена, арабы поднялись с колен, — и

тотчас же прозвучал призывный сигнал. Пленные поняли, что, пропутешествовав весь день, они были, по-видимому, осуждены путешествовать и всю ночь. Бельмонт невольно заворчал, он утешал себя надеждой, что погоня настигнет их еще на этом привале; но так надеялся только он один, другие же давно оставили всякую надежду на спасение и покорились неизбежному. Каждому из них дали по арабской плоской хлебной лепешке, которая показалась верхом всякого лакомства, и – о роскошь! – по целому стакану воды, свежей и холодной, из того запаса, который привез с собою отряд Абдеррахмана.

Если бы тело наше так же быстро поддавалось душевному нашему состоянию, как поддается это последнее нашим физическим, телесным ощущениям, каким раем небесным могла бы стать жизнь! Теперь, когда их жалкие физические потребности были удовлетворены, и самое настроение пленных стало совершенно иное, они уже не чувствовали себя, как раньше, угнетенными и пришибленными; в них откуда-то явилась и бодрость духа, и они без особого понуканья взобрались снова на своих верблюдов. Только мистер Стюарт лежал неподвижно, продолжая неумолчно шептать, – и никто из арабов не дал себе труда поднять и посадить его на верблюда.

– Они говорят, сэр, что он слишком тучен и тяжел, и они не хотят везти его дальше! Он все равно скоро умрет, так они не хотят больше с ним возиться!

– Не хотят возиться! – воскликнул Кочрейн, у которого от гнева и негодования выступили красные пятна на щеках. – Да ведь он здесь умрет от голода и жажды! Где эмир? Эй, ты! – крикнул он проезжавшему в этот момент мимо него чернобородому Али Ибрагиму, таким тоном, каким обыкновенно обращался к погонщикам мулов. Но эмир не удостоил вниманием этот дерзкий оклик, а только, проезжая дальше, отдал какое-то краткое приказание одному из конвойных арабов, который, подскакав к Кочрейну, изо всей силы ударил его прикладом своего ремингтона в бок. Старый во-яка ткнулся вперед и, судорожно ухватившись обеими руками за переднюю луку своего седла, почти без чувств поник над горбом своего верблюда. При виде этого возмутительного поступка, женщины не могли удержать слез, а мужчины в бессильном гневe скрежетали зубами и сжимали кулаки. Бельмонт машинально хватился за свой потайной карман, в котором у него находился маленький карманный револьвер, и только тогда вспомнил, что он отдал его мисс Адамс, когда ошупал, что карман пуст. Если бы под его горячую руку попался в эту минуту револьвер, он, наверное, уложил бы на месте эмира, ехавшего в нескольких саженьях впереди его, а это вызвало бы поголовное избиение всех пленных.

Между тем на краю горизонта, там, где только что закатилось солнце, небо сохранило лиловато-серый оттенок. Но вот этот свинцово-фиолетовый горизонт начал постепенно светлеть и проясняться, пока не получилось впечатление

многого рассвета и не стало казаться, что колеблющееся солнце вот-вот снова вернется. Весь закат алел розоватой за-рей, которая постепенно стала вновь медленно угасать и переходить в прежний лиловато-свинцовый оттенок, – и наступила ночь. Еще сутки тому назад пассажиры «Короско» с палубы своего парохода любовались ночью, такими же звездами и тем самым серпом молодого месяца. Всего двенадцать часов тому назад они завтракали в уютном салоне перед от-правлением на экскурсию; немного времени, казалось про-текло с тех пор, – а нескольких из них уже не было в жи-вых, остальные же стали за это время совершенно другими людьми.

Длинная вереница верблюдов беззвучно тянулась по зали-той трепетным лунным светом пустыне, словно ряд приви-дений. В начале и в хвосте каравана мерно колыхались белые фигуры арабов. Кругом ни звука, – и вдруг, среди этой мерт-вой таинственной тишины и безмолвия, откуда-то издалека донеслись звуки человеческого голоса. Голос этот, сильный и благозвучный, пел знакомый напев: «Мы на ночь делаем привал, еще днем ближе к цели!»

Пленным казалось, что они различают слова, и все они невольно содрогнулись: неужели мистер Стюарт пришел в себя и с умыслом выбрал эти слова, или же то была простая случайность его бреда? И все они невольно обратили свои взоры в ту сторону, где остался их бедный друг: он отлично знал, что уж очень близок к цели...

– Дорогой мой дружище, надеюсь, вы не очень сильно ранены? – сочувственно и с искренней тревогой в голосе осведомился Бельмонт, ласково и любовно положив руку на колено Кочрейна.

Полковник теперь понемногу выпрямился, хотя все еще не мог отдышаться.

– Я теперь почти совершенно оправился, – отозвался он заметно изменившимся голосом, – будьте добры, не откажитесь указать мне того человека, кто нанес мне этот удар!

– Вот тот, который теперь здесь подле Фардэ, там, впереди! – отвечал Бельмонт.

– Благодарю, я сейчас не совсем хорошо различаю его отсюда, при этом неверном, обманчивом свете луны, но думаю, что сумею узнать его потом. Это, кажется, еще молодой парень, безбородый... не правда ли, Бельмонт?

– Да, но, признаюсь, я думаю, что он переломил вам несколько ребер...

– Нет, нет, он только вышиб из меня дух, я не мог перевести дыхания... Да и теперь еще дышится трудно...

– Вы, право, точно железный, Кочрейн! Ведь это был такой страшный удар, что трудно поверить, чтобы вы могли так скоро оправиться после него!

– Дело в том, – ответил Кочрейн, близко наклонившись к Бельмонту, – надеюсь, что это останется между нами, и что вы никому этого не передадите, в особенности же дамам, – дело в том, что я, в сущности, старше, чем бы желал казаться,

и так как я всегда очень дорожил своей военной выправкой, то...

– О... не продолжайте... я уже угадал! – воскликнул удивленный ирландец.

– Ну да, легкая искусственная поддержка, вы понимаете... она меня спасла в данном случае, как видите! – и Кочрейн тут же перевел разговор на другое.

Эта ночь впоследствии не раз снилась тем, кто ее пережил, и в их воспоминаниях казалась каким-то смутным сном. Звезды временами казались так близко, так низко, что их можно было принять за фонарь, поставленный на дороге; через минуту другая казалась на ладонь от головы верблюда или же целые потоки этих звезд дождем лили свой свет с прозрачно-черного, таинственно-глубокого неба. Медленно двигался длинный караван, в полном безмолвии, но из пленных никто не спал. Наконец на далеком востоке забрезжил первый холодный серый свет, предвестник рассвета, и бледные, растерянные лица путников казались страшными при этом странном свете.

Весь день их мучила и томила жара, ужасный нестерпимый зной африканской пустыни; теперь же пронизывающий холод причинял им новые мучения. Арабы укутались в свои бурнусы и завернули в них даже свои головы; пленникам же нечем было прикрытия; они сжимали руки и дрожали от холода. Особенно страдала от холода мисс Адамс, кровообращение ее было вялое, бедняжка дрогла, как изнеженная ком-

натная собачонка, выгнанная ночью на мороз, – дрогла до слез.

Стефенс снял с себя куртку и накинул ее на плечи бедной мисс Адамс, сам же он ехал подле Сади и все время неумолчно болтал или тихонько насвистывал какой-нибудь напев для того, чтобы уверить ее, что ему было несравненно теплее и лучше без куртки, в одном жилете, но эта демонстрация была слишком усиленной, чтобы не казаться неестественной. Тем не менее он, быть может, действительно менее других ощущал ночной холод так как в нем горел священный огонь и какая-то странная, никогда еще не испытанная им радость зарождалась где-то в глубине его души и незаметно примешивалась ко всем горестным событиям этого дня: так, ему было положительно трудно решить, было ли это приключение для него величайшим несчастьем или же величайшим благополучием в его жизни.

Там, на «Короско», молодость, красота, привлекательность и милый нрав Сади заставляли его сознавать, что в лучшем случае он может надеяться быть терпимым ею. Но здесь он сознавал, что может ей действительно на что-нибудь пригодиться, что она с каждым часом все более и более привыкала обращаться к нему, как мы обращаемся к нашему естественному покровителю, отцу, брату или мужу. И сам он начинал сознавать, что за жалкой, сухой оболочкой делового человека в нем таился еще другой, сильный и надежный человек, в котором билось сердце и пробудилась душа, – и он

почувствовал некоторое самоуважение, которого раньше не испытывал. Правда, он прозевал свою молодость, но теперь она возвращалась к нему, как прелестный цветок.

– Я начинаю думать, что все это вам очень нравится, мистер Стефенс, – сказала Сади с горечью.

– Не скажу, чтобы очень, хотя, во всяком случае, я не пожелал бы остаться в Хальфе, зная, что вы здесь!

Это был первый и самый смелый намек на его чувства, который он себе позволил до сих пор, и девушка взглянула на него с невольным удивлением.

– Мне кажется теперь, что я всю жизнь была очень скверной девочкой, – сказала Сади немного погодя. – Мне самой всегда жилось хорошо, я никогда не думала о том, что другие могут быть несчастны, а это происшествие с нами как-то сразу заставило меня серьезнее взглянуть на вещи, и теперь, если я вернусь когда-нибудь отсюда, то буду лучшей женщиной, более серьезной, более сердечной.

– И я буду другим, лучшим человеком, – подтвердил ее мысль мистер Стефенс, – я полагаю, что именно с этой целью и приходят к людям несчастья. Посмотрите, как в эти тяжелые минуты проявились и сказались все хорошие душевные качества в наших спутниках. Возьмем хотя бы бедного мистера Стюарта! Ведь мы бы никогда не узнали, какой это был благородный и сильный духом человек, какой удивительный стоик! А супруги Бельмонт! Разве не трогательно видеть, как они, беспрестанно думая друг о друге, совер-

шенно забывают о своем личном горе, опасности и невзгодах, – как даже самое горе перестает казаться им горем потому только, что они вместе?! А полковник Кочрейн, который там, на «Короско», казался всем чопорным, несколько бессердечным сухим человеком, каким благородным, отважным и великодушным показал он себя здесь. Как самоотверженно вступается он за каждого! А Фардэ, смотрите, он забыл все свои предрассудки, он смел как лев... Право, мне кажется, что это горе только сделало всех нас лучше, чем мы были, что оно послужит нам во благо!

Сади глубоко вздохнула.

– Да, – сказала она, – если все это кончится и благополучно, если эти несчастья скоро окончатся. Но если это продолжится еще недели и месяцы и затем окончится смертью, то я право, не знаю, где мы воспользуемся тем благом, которое вынесли из этого несчастья? Ну, предположим, что нам бы удалось спастись, мистер Стефенс. Скажите, что бы вы сделали?

Юрист с минуту призадумался, но так как его профессиональные инстинкты были еще живы в нем, то он ответил:

– Я бы прежде всего рассмотрел, на каких основаниях и против кого можно возбудить дело, против ли организаторов экскурсий туристов, предложивших утес Абукир, когда это сопряжено с таким риском, против ли египетского правительства, не охраняющего надлежащим образом своих границ, или против халифата. Это будет в высшей степени ин-

тересный процесс. А вы, что сделали бы вы, Сади?

Он впервые опустил обычное, требуемое приличиями, слово «мисс», но девушка была настолько озабочена своими собственными думами, что даже не заметила этого.

– Я буду добрее к другим, буду сочувственнее, я постараюсь дать кому-нибудь счастье в память тех тяжелых минут, которые мне пришлось пережить здесь! – сказала Сади, как-то особенно прочувствованно и вместе с тем вдумчиво.

– Но вы же всю свою жизнь только и делали, что давали счастье другим, – возразил Стефенс, – вы это делаете помимо своей воли!

Полумрак южной ночи как будто придавал ему смелость, он говорил теперь то, что едва ли бы решился сказать днем при ярком свете.

– Вы не нуждались в этом жестоком уроке!

– Вы только доказываете этим, как мало вы меня знаете. Я всю жизнь была очень себялюбива и легкомысленна и не думала о других, не страдала за них и даже не замечала их страданий!

– Во всяком случае, вы не имели надобности в таком сильном потрясении, в вас всегда была жива ваша молодая душа. А я – это другое дело!

– Почему же вам нужна была эта встряска, это сильное потрясение?

– Потому что все на свете лучше спячки, лучше застоя, даже горе, даже мука... Я только теперь начал жить, до сих

пор я не жил, а прозябал, я был не что иное, как машина: сухой, черствый, односторонний человек; ничто меня не трогало, не волновало, – у меня не было на это времени. Правда, я замечал иногда это возбуждение, это волнение в других и удивлялся; думал: уж нет ли в моем организме какого-нибудь дефекта, лишаящего меня возможности испытывать то, что испытывают другие люди. Но теперь, в эти последние дни, я испытал, как глубоко могу ощущать, как хочу таить горячие надежды и смертельный, мучительный страх, я убедился, что могу и ненавидеть, и... испытывать сильное, глубокое чувство, проникающее в мою душу. Да! Я возродился к жизни! Быть может, я стою на рубеже могилы, но все же я теперь могу сказать, умирая, что я жил!

– Но почему же вы постоянно вели такую мертвящую душу жизнь? – спросила Сади.

– Почему? Я был честолюбив, я хотел выбиться на дорогу! Кроме того, мне надо было поддерживать мать и сестру, заботиться о них... Ну, слава Богу! Вот и утро настает. Тетушка ваша, да и вы сами перестанете зябнуть, как только выглянет солнце!

– Да, а вы тоже, без куртки! – добавила Сади.

– О, мне ничего, у меня прекрасное кровообращение, мне вовсе не холодно в одном жилете!

Действительно, долгая, холодная ночь миновала, наконец, и глубокое, почти черное небо стало постепенно светлеть, переходя в удивительный розово-лиловатый колорит. Круп-

ные яркие звезды, словно висевшие в пространстве, все еще ярко светились, но как будто ушли дальше от земли, затем, мало-помалу, стали бледнеть. Серая полоса рассвета росла и начинала переходить в нежно-розовые оттенки. Поверх этой полосы раскинулись веером лучи еще невидимого на горизонте солнца. И вдруг наши истомленные, иззябшие путники почувствовали на своих спинах его резкие черные тени. Дервиши, не проронившие за всю ночь ни одного слова, теперь сбросили с себя свои бурнусы, раскутали головы и весело заговорили между собой. Пленники тоже начинали обогриваться и с радостью уничтожали розданное им дурро, то есть арабское просо; вскоре была сделана небольшая остановка на ходу, и всем роздана порция воды, около стакана на каждого.

– Могу я говорить с вами, полковник? – спросил у Кочрейна подъехавший драгоман.

– Нет! – резко и пренебрежительно отрезал старый вояка.

– А между тем это крайне важно для вас, чтобы вы выслушали меня: от этого зависит спасение всех вас!

Кочрейн насупился и стал теревить свой длинный ус.

– Так что же ты хочешь сказать? – спросил он, не глядя на Мансура.

– Прежде всего, вы должны совершенно довериться мне, хотя бы уже потому, что мне так же важно вернуться в Египет, как и вам, там у меня жена, дети, дом. А здесь я до самой смерти буду невольником, буду работать, как вол, и жить, как

бездомный пес!..

– Ну, что же дальше?

– Вы уже знаете того чернокожего, который был при Хикс-паше; он в эту ночь ехал рядом со мной и долго беседовал. Он говорил, что плохо понимает вас и что вы тоже плохо его понимаете; поэтому он решил обратиться к моему посредничеству!

– Что же он сказал тебе?

– Он говорил, что среди арабов есть восемь человек солдат из египетской армии, пятеро чернокожих и двое феллахов, и они желают, чтобы вы пообещали им от своего имени и от имени всех остальных господ каждому приличное вознаграждение, если они помогут вам спастись и бежать от арабов!

– Дураку понятно, что мы готовы обещать приличное вознаграждение! Я готов поручиться за всех!

– Они желают получить не менее, как по сто египетских фунтов каждый! – заметил Мансур.

– Можешь обещать им эти деньги! Скажи им, что они получат их тотчас же, как только мы перейдем границу. Но что они, собственно, предлагают сделать? – осведомился Кочрейн.

– Они говорят, что ничего определенного сейчас обещать не могут, а пока будут ехать, держась все время как можно ближе около вас, чтобы, в случае если представится возможность спасения, они могли во всякое время воспользоваться

ею; они будут стараться отрезать арабов от вас и стать между ними и вами, – а там дальше видно будет, что можно будет сделать!

– Прекрасно, ты можешь сказать им, что каждый из них получит по двести египетских фунтов, если только они сумеют вырвать нас из рук арабов. Нельзя ли подкупить и кого-нибудь из последних?

– Риск попытки слишком велик; можно разом погубить все дело, и тогда всем нам тут же конец! Я пойду и скажу черномазому ваш ответ; я вижу, что он уже поджидает меня! – и драгоман удалился.

Эмир рассчитывал сделать привал не дольше, как на полчаса, но при тщательном осмотре верблюдов оказалось, что вьючные животные, на которых ехали пленники, были до того изнурены длинным и быстрым переходом, который им пришлось совершить, что не было никакой возможности заставить их идти дальше, не дав передохнуть хоть час или полтора. Бедняги вытянули свои длинные шеи по земле, что является крайним признаком утомления у этих животных. Эмиры, осматривавшие во время привала караван, озабоченно покачали головами; затем жестокие блестящие глаза старого Абдеррахмана остановились на пленных; он сказал несколько слов Мансуру, лицо которого мгновенно побледнело, как полотно.

– Эмир говорит, – перевел он, – что если вы не согласны все до единого принять ислам, то не стоит задерживаться це-

лому каравану ради того, чтобы довести вас до Хартума на вьючных верблюдах. Ведь, если бы не вы, они могли совершать переходы вдвое быстрее, а потому он теперь же желает знать, согласны ли вы принять Коран? – Затем, не изменяя интонации голоса, как будто он все еще продолжает переводить слова эмира, Мансур добавил от себя: – Советую вам, господа, согласиться, так как иначе он всех вас прикажет прирезать!

Несчастные пленники в смущении взглянули друг на друга, а оба эмира с суровыми, величавыми лицами стали ожидать ответа.

– Что касается меня, – произнес Кочрейн, – то я скорее согласен умереть здесь теперь же, чем невольником в Хартуме!

– Как ты думаешь, Нора? – обратился Бельмонт к жене.

– Если мы умрем вместе, дорогой Джон, то смерть мне не кажется страшной! – ответила эта прелестная, храбрая женщина.

– Это нелепо – умирать за то, во что я никогда не верил! – бормотал вполголоса Фардэ. – А вместе с тем, для моей чести француза оскорбительно быть обращенным насильно в магометанство! – и он гордо выпрямился и, заложив раненую руку за борт сюртука, торжественно произнес. – Я случайно родился христианином и останусь им!

– А вы что скажете, мистер Стефенс? – спросил Мансур почти молящим голосом. – Ведь если хоть один из вас согла-

сится принять их веру, это значительно смягчит их по отношению к нам!

– Нет, и я не могу согласиться! – спокойно и просто, сухим, деловым тоном ответил юрист.

– Ну, а вы, мисс Сади? Вы, мисс Адамс? Скажите только слово, и вы будете спасены!

– Ах, тетечка, как вы думаете, не согласиться ли нам? – пролепетала испуганная девушка. – Или это будет очень дурно, если мы согласимся?

Мисс Адамс заключила ее в свои объятия.

– Нет, нет, дорогое дитя мое, милая моя, бедная моя девочка, нет, ты будешь тверда духом; ты не поддашься этому искушению; ты бы потом сама возненавидела себя за это!

Все они были героями в эти минуты, все смотрели смело в глаза смерти, и чем ближе заглядывали ей в лицо, тем менее она им казалась ужасна и страшна. Драгоман пожал плечами и сделал такое движение рукой, какое делают обыкновенно после того, как попытка, к которой было приложено всякое старание, в конце концов, не удалась.

Эмир Абдеррахман понял этот жест и сказал что-то близ стоявшему негру, который тотчас же куда-то отбежал.

– На что ему ножницы? – удивленно спросил полковник, поняв, о чем шла речь.

– Он хочет истязать женщин! – сказал Мансур все с тем же жестом бессилия.

Холодная дрожь пробежала по спинам пленных. Все они

были готовы умереть; каждый из них был согласен перенести свою долю мучений, но быть свидетелями мучений кого-либо из своих – это уже было свыше их сил; в эти тяжелые часы общего несчастья они научились дорожить друг другом, страдать и мучиться друг за друга, и каждый был готов пожертвовать собою за каждого из этих ближних. Все они стали теперь как братья между собой, все любили друг друга, как самого себя, как предписывало евангельское учение Христа. Женщины, бледные и дрожащие, молчали, но мужчины волновались, совещались, теряя голову.

– Где пистолет, мисс Адамс? Дайте его сюда, мы не дадим себя истязать! Нет, нет! Этого мы не потерпим! – говорил Бельмонт.

– Предложите им денег, Мансур, сколько хотят денег! – восклицал Стефенс. – Скажите, что я готов стать магометанином, если только они оставят женщин в покое. Что же, это, в сущности, ни к чему не обязывает, так как делается по принуждению... так сказать, почти насильственно. Так и скажите, что я согласен, пусть только женщин не трогают, я не могу вынести, чтобы их мучили!

– Нет, погодите немного, милый Стефенс, – остановил его Кочрейн, – не надо терять голову! Все мы готовы решиться на что угодно, чтобы спасти наших дам, в этом я уверен; но мне кажется, что я нашел иной, лучший способ разрешить этот вопрос. Слушай, драгоман! Скажи этому седобородому дьяволу, что мы ничего не знаем из его распроклятой, чер-

товской веры, конечно, скажи ему все это помягче, как ты умеешь говорить, объясни, что мы не знаем, в какого рода нелепости нам должно верить для спасения наших шкур, что если он вразумит нас, растолкует нам свою тарабарщину, то мы согласны слушать его. При этом можешь прибавить, что какая бы ни была та вера, которая порождает таких чудовищ, как он или как тот чернобородый боров, – она должна, несомненно, привлечь к себе сердца всех. Понял?

И вот, с бесчисленными поклонами и молящими жестами, драгоман передал эмиру, что христиане все сильно сомневаются в правоте своей веры, и что стоит только несколько просветить их разум светом учения пророка, как все они прославят Аллаха, сделавшись верными последователями Корана. Оба эмира задумчиво поглаживали свои бороды во время речи переводчика, недоверчиво и подозрительно посматривая на своих пленных. Наконец, немного помолчав, Абдеррахман сказал что-то Мансуру, после чего оба араба медленно удалились.

Спустя минуту, подан был сигнал к отправлению, – и все стали садиться на своих верблюдов.

– Вот что он приказал сказать вам, – сообщил Мансур, ехавший посреди группы пленных. – Около полудня мы будем у колодцев, и там будет большой привал. Тогда его собственный мулла, прекрасный и очень умный человек, будет в продолжение целого часа беседовать с вами о Коране и поучать вас в вере. По окончании же этой беседы вы должны

будете избрать то или другое: или следовать далее до Хартума, или быть преданы смерти тут же на месте. Таково его последнее слово!

– Они не желают получить выкупа?

– Вад Ибрагим взял бы, но эмир Абдеррахман ужасный, жестокий и беспощадный человек. Поэтому советую вам уступить ему!

– А сам ты, Мансур, как поступишь? Ведь ты тоже христианин?

Густая краска залила лицо Мансура.

– Я был им вчера и, быть может, буду завтра. Я служил Господу, пока это было возможно. Но когда что-либо невозможно, против этого, думаю, и сам Господь не восстанет! – и, сконфуженный, он поспешил отъехать в сторону и смешался с группой конвойных.

Судя по этому, можно было видеть, что перемена религии поставила его на совершенно другую ногу.

Итак, несчастным была дана отсрочка на несколько часов, но смерть уже распростерла над ними свои мрачные крылья. Что такое представляет собою эта земная жизнь, что все мы так цепляемся за нее? Это не удовольствия, не радости жизни, так как даже и те, для кого жизнь не что иное, как ряд тяжелых страданий и мук, с ужасом отшатываются назад, когда смерть готова протянуть над ними свой успокоительный покров. Нет, нас пугает страх потерять то дорогое, родное, любимое «я», с которым мы так свыклись, о котором всю

жизнь не переставали думать и заботиться, которое, мы думаем, так прекрасно изучили и знаем, что однако не мешает, чтобы это самое «я» поминутно совершало такие дела и поступки, которые удивляют нас. Это ли чувство заставляет умышленно самоубийцу в последний момент схватиться за перила моста, чтобы еще хоть на мгновение повиснуть над рекой, которая должна унести его в бездну? Или же то сама природа из опасения, что все ее усталые, замученные труженники вдруг разом побросают свои кирки и лопаты, придумала этот страх, чтобы удержать их на их тяжелой работе? Но он существует, этот страх смерти, и все исстрадавшиеся люди радуются, что им даны еще несколько часов этих мучений и терзаний.

Глава 7

Ничто, по-видимому, не отличало этот новый дневной путь от того, по которому двигались пленники-европейцы и арабы вчера. Кругом расстилалась та же бесплодная песчаная равнина, те же голые плоские камни. Солнце было еще не высоко, и потому еще не получалось того тропического отражения и преломления лучей, которое порой обманывает зрение путника, и в чистом сухом воздухе весь ландшафт лежал, как на ладони. Длинный караван медленно двигался вперед подравниваясь под шаг выючных животных. Далеко на флангах разведчики-арабы гарцевали на своих конях, время от времени привставая на стременах и вглядываясь из-под руки то вдаль, вперед, то по тому пути, который караван уже успел пройти.

– Как вы думаете, далеко ли мы отошли от Нила? – спросил Кочрейн, не отводя глаз от далекого восточного горизонта.

– Да добрых пятьдесят миль, я полагаю! – ответил Бельмонт.

– Вряд ли так много, – возразил полковник, – мы не более пятнадцати или шестнадцати часов в пути. А верблюд может делать не более двух – двух с половиной миль в час, если он бежит рысью. Следовательно, мы могли отойти только на сорок миль, не больше. Но все-таки и это кажется мне слиш-

ком солидной дистанцией для того, чтобы нас могли нагнать. Я право, не вижу, что мы выиграли тем, что отсрочили час расчета, все равно нам надеяться не на что, – так уж лучше бы разом расхлебать кашу!

– Ну да, только не говорите умереть! – воскликнул неунывающий ирландец. – До полудня еще очень много времени. Эти наши Хамилтон и Хадлей, офицеры Египетского кавалерийского корпуса, – славные ребята, и я уверен, всю будущую гнать за нами по следу: у них ведь нет вьючных верблюдов, которые бы их задерживали. Еще несколько дней тому назад они подробно рассказывали мне, какие меры принимаются ими против набегов. Я убежден, что они не оставят это дело так!

– Прекрасно, доведем игру до конца, но я должен признаться, что никаких особенных надежд не питаю! Мы, конечно, должны казаться спокойными и уверенными перед дамами, и я вижу, что этот Типпи-Тилли готов сдержать свое слово, также и те семь человек, о которых он говорил. Действительно, они все время держатся вместе, тем не менее, я положительно не знаю, как они могут нам помочь!

– Я забрал обратно свой пистолет, – шепнул Кочрейну Бельмонт. – Если только они попробуют сделать что-нибудь женщинам, я не задумываясь застрелю их всех трех собственноручно, а затем мы уже можем спокойно умереть. Их уж мы, во всяком случае, не отдадим на истязание и поругание!

– Вы – хороший, честный человек, Бельмонт! – сказал Кочрейн, и они продолжали ехать молча.

Почти никто не говорил; всеми овладело какое-то странное, полусознательное состояние, словно все они приняли какое-нибудь наркотическое средство. Внутренне каждый из них переживал в душе разные моменты своей прежней жизни, вызывал милые образы родных, друзей и знакомых, – и все эти воспоминания вызывали чувство кроткого умиления и тихой, приятной грусти.

– Я всегда думал, что умру в густом изжелта-сером тумане лондонского утра, но этот желтый песок пустыни, прозрачный воздух и беспредельный простор, право, ничем не хуже!

– А я желала бы умереть во время сна! – сказала Сади. – Как прекрасно, должно быть, проснуться в другом, лучшем мире! Мне помнится один припев романса: «Никогда не говори «прощай» или «спокойной ночи», – а пожелай мне радостного утра в другом, лучшем из миров!»

На это мисс Адамс неодобрительно покачала головой.

– Ах, нет, это ужасно, – предстать неприготовленной перед своим Творцом!

– Меня так всего более пугает одиночество смерти. Если бы мы и те, кого мы любим, умирали все разом, то, я полагаю, смерть была бы для нас тем, что переезд из одного дома в другой! – сказала миссис Бельмонт.

– Если дело дойдет до этого, – заметил ей супруг, – то мы не узнаем тоски одиночества: мы все вместе переселимся

в другой мир и встретим там Броуна, Хидинглей и мистера Стюарта.

Француз на это только пренебрежительно пожал плечами; он не верил в загробную жизнь и дивился спокойной уверенности этих католиков, их простодушной, детской вере. Сам же он больше размышлял о том, что скажут все его приятели, узнав, что он положил жизнь за веру во Христа – он, никогда не веривший ни в Бога, ни в черта!

Порою эта мысль забавляла его, порою приводила в бешенство, и он, кутая свою раненую руку, как женщина – больное дитя ехал несколько в стороне, то улыбаясь, то скрежеща зубами.

На мутно-желтом фоне пустыни, усеянной камнями, на всем протяжении от севера к югу, насколько хватало глаз, тянулась узкая полоса светло-желтого цвета; то была полоса легкого песка, подымавшегося на высоту от восьми до десяти футов от земли.

На эту полосу арабы указывали друг другу с видимой тревогой, и когда приблизились к ней, то караван остановился как бы перед обрывом, на дне которого течет глубокая река. То был легкий, как пыль, песок; при малейшем дуновении ветерка он взлетал вверх высоким столбом, подобно пляшущим в воздухе перед закатом мошкам. Эмир Абдеррахман попытался было заставить своего верблюда войти в эту полосу песка, но благородное животное, сделав по принуждению два-три шага, остановилось как вкопанное, дрожа всем

телом. Тогда эмир повернул назад, и некоторое время совещался с Вад Ибрагимом, после чего весь караван повернул к северу, имея полосу песка с левой стороны.

– Что это? – осведомился Бельмонт у драгомана, который случайно оказался подле него. – Почему мы вдруг изменили направление?

– Это зыбучие пески, – ответил Мансур, – порою ветер подымает его вот такой длинной полосой, а назавтра, если только будет ветер, он разнесет его весь по воздуху, так что здесь не останется ни песчинки. Но араб скорее даст пятьдесят и даже сто миль крюку, чем решится пройти через такую полосу зыбучего песка, так как верблюды его переломают себе ноги, а самого его задушит и засосет песок.

– А далеко ли простирается эта преграда зыбучих песков?

– Трудно сказать!

– Что же, Кочрейн? Ведь это все к нашему благу, – заметил ирландец, – чем дальше будет продолжаться переход, тем больше у нас шансов на спасение! – и он снова оглянулся туда, откуда ожидал желанную погоню. Но там, вдали, ничего не было видно.

Вскоре преграды зыбучих песков не стало, – и теперь караван мог продолжать свой путь в надлежащем направлении. Странно даже, что в тех случаях, когда эта полоса зыбучего песка настолько узка, что через нее, кажется, можно было бы перескочить, арабы все же обойдут ее громадным обходом, но не рискнут пройти через нее. Теперь же, очутив-

шись на совершенно твердой почве, утомленных верблюдов погнала рысью, этой ужасной, неровной толчковой рысью, от которой бедные непривычные туристы колыхались и болтались, как куклы, привязанные к деревянным лошадкам. В первую минуту это казалось забавным, но вскоре эта потеха превратилась в нестерпимую муку. Ужасная болезнь, вызываемая верблюжьей качкой, заставляла невыносимо ныть спину и бока, вызывала мучительную икоту и тошноту, доходящую до спазмов.

– Нет, Сади, я больше не могу! – почти сквозь слезы заявила мисс Адамс. – Я сейчас соскочу с верблюда!

– Что вы, тетя? Ведь вы себе ноги переломаете! Потерпите еще немножко, быть может, они сейчас остановятся!

– Откиньтесь назад и держитесь за заднюю луку, – посоветовал полковник, – это вас облегчит, вы увидите.

Кочрейн отцепил длинную, как полотенце, вуаль со своей шляпы, скрутил, связал концы между собой и накинул на переднюю луку своего седла.

– Проденьте ногу в петлю, это даст вам опору, и вы будете чувствовать себя лучше!

Действительно, облегчение получилось моментально, а потому Стефенс сделал то же самое для Сади. Но вот один из усталых верблюдов с шумом упал, как будто у него подломились ноги, и каравану волей-неволей пришлось вернуться к своему обычному спокойному аллюру.

– Что это, новая полоса зыбучего песка? – спросил

Кочрейн, указывая вперед.

– Нет, – сказал Бельмонт, – это что-то совсем белое. Эй, Мансур! Что это такое впереди?

Но драгоман только покачал головой.

– Я не знаю, что это такое, сэр, я никогда не видал ничего подобного!

Как раз поперек пустыни, от севера к югу, тянулась длинная белая линия словно кто известкой посыпал. Это была узкая полоса, но она тянулась от одного края горизонта до другого. Мансур обратился за объяснениями к Типпи-Тилли, который пояснил что это большая караванная дорога.

– Но почему же она такая белая?

– От костей! – пояснил негр.

Это казалось почти невероятным, а между тем это так: действительно, когда караван приблизился к этой дороге, все увидели, что это была избитая дорога, до того густо усеянная побелевшими костями, что получалось впечатление сплошной пелены. На солнце эти белые остовы и черепа блестели, как слоновая кость. Многие тысячелетия подряд эта большая караванная дорога была единственной, по которой следовали бесчисленные караваны из Дарфура и других мест в Южный Египет.

И за все эти века и десятки веков кости каждого павшего здесь верблюда, оставшись на месте, высушиваемые ветром и солнцем, не разрушаемые ни влиянием почвы, ни временем, образовали сплошной ряд скелетов.

– Это и есть та самая дорога, о которой я тогда говорил, – произнес Стефенс. – Я помню, что нанес ее на ту карту и план, который я сделал для мисс Адамс. В «Бэдекере» сказано, что последнее время эта дорога заброшена вследствие прекращения всяких торговых сношений после восстания дервишей.

Путешественники смотрели на нее с равнодушным удивлением, так как в данное время их личная судьба слишком заботила их. Караван двигался теперь к югу вдоль этой усеянной костями и черепами дороги, и пленным казалось, что это самый подходящий путь к тому, что их ожидало впереди; истомленные и усталые животные медленно плелись к своему жалкому концу.

Теперь, когда критический момент приблизился и надеяться было не на что, полковник Кочрейн, под давлением страха, что арабы сделают что-либо ужасное с женщинами, решился даже снизойти до того, чтобы спросить совета у Мансура. Положим, тот был и ренегат, и негодяй, и подлый человек, но он – местный уроженец, сын Востока и лучше кого-либо понимал взгляды арабов.

Благодаря тому, что Мансур принял ислам, арабы относились к нему с меньшим недоверием, и Кочрейн успел не раз случайно улавливать их интимные беседы. Гордая, несколько надменная, аристократическая натура Кочрейна долго боролась против такого решения – обратиться за советом к такому человеку, как Мансур.

– Эй, ты, драгоман, так как эти разбойники придерживаются одних и тех же взглядов, что и ты, то имея в виду, что мы желали бы протянуть эту историю еще сутки, после чего нам уже будет все равно, чем бы это ни кончилось, – что ты нам посоветуешь сделать, чтобы выиграть время?

– Вы уже знаете мой совет, – отвечал драгоман. – Если вы все согласитесь принять ислам, как это сделал я, то будете живыми доставлены в Хартум; если же не согласитесь на это, то не уйдете живыми с ближайшего привала!

Полковник отвечал не сразу: ему трудно было совладать с душившим его гневом и негодованием.

– Это оставим, есть вещи возможные, и есть такие, которые не считаются возможными!

– Но ведь вам стоит только сделать вид!

– Довольно! – оборвал его Кочрейн.

Мансур только пожал плечами.

– Какой же смысл имело спрашивать меня, когда вы сердитесь, если я отвечаю вам по своему искреннему убеждению? Если вы не хотите поступить, как я советую, то попробуйте сделать по-своему. Во всяком случае, вы не можете сказать, что я не сделал всего, от меня зависящего, чтобы спасти вас!

– Я не сержусь, – сказал Кочрейн, помолчав немного, более примирительным тоном. – Ты можешь сказать от нашего имени этому их мулле, что мы уже несколько смягчились и готовы его слушать; когда он явится обращаться нас, мы мо-

жем сделать вид что интересуемся его поучениями и просим разъяснений, таким образом мы протянем еще день-другой. Как ты думаешь, не будет ли это всего лучше?

– Вы можете делать, как знаете, – проговорил Мансур, – я же сказал вам, что думаю. Но если вы желаете, чтобы я поговорил с муллой, я это сделаю. Это вон тот тучный, седобородый старик на темном верблюде. Он составил себе громкую репутацию обращением неверных и весьма гордится ею, и потому, конечно, будет настаивать на том, чтобы вы остались невредимы, если он будет надеяться обратить вас в ислам.

– Кстати, не говорил вам чего-нибудь Типпи-Тилли?

– Нет, сэръ, он старался держаться вместе с остальными его единомышленниками как можно ближе к нам, но до сих пор все еще не мог придумать, как бы помочь вам!

– И я также ничего не могу придумать. А пока ты поговори с муллой; я же передам своим, на чем мы порешили.

Все единогласно одобрили решение Кочрейна, за исключением мисс Адамс, которая наотрез отказалась даже выказать какой-нибудь интерес к магометанской вере.

– Я слишком стара, – говорила она, – чтобы преклонять колена перед Ваалом! – Но при этом она обещала не протестовать ни против чего, что ее друзья по несчастью найдут нужным делать или говорить.

– Кто же из нас будет беседовать с муллой? – спросил Фардэ. – Весьма важно, чтобы провести эту роль вполне естественно, и чтобы проповедник не мог заподозрить, что мы

стараемся только протянуть время.

– Так как это предложение Кочрейна, то пусть он и говорит за нас! – произнес Бельмонт.

– Простите меня, – возразил француз, – я отнюдь не хочу ничего сказать против нашего друга, полковника Кочрейна, но ни один человек не может быть способен ко всякому делу; уверяю вас, что из всего этого ничего не выйдет, если говорить за нас будет полковник!

– В самом деле? – с достоинством переспросил Кочрейн. – Вы так думаете?

– Да, друг мой, и вот почему: подобно большинству ваших соотечественников, вы слишком высокомерны и в душе относитесь с презрением ко всему, что не английское. Это – большая ошибка вашей нации...

– Ах, к черту эту политику! – воскликнул Бельмонт. – До того ли нам теперь!

– Я вовсе не говорю о политике, а только хочу этим сказать, что полковник не лицемер, и ему будет трудно делать вид, будто он с интересом относится к тому, что его ничуть не интересует!

Кочрейн сидел, вытянувшись в струнку и с совершенно безучастным лицом, словно речь шла вовсе не о нем.

– Вы можете говорить сами, если желаете, – проговорил он, – я буду очень доволен, если вы избавите меня от этой чести!

– Да, я, думаю, более пригоден, так как действительно ис-

кренно интересуюсь всеми вероисповеданиями и одинаково уважаю как католичество, так и другие религии!

– И я того мнения, что всего лучше будет, если мы предоставим monsieur Фардэ беседовать с муллою! – сказала миссис Бельмонт, и на этом вопрос был решен.

Солнце поднялось уже высоко и светило ослепительно ярким светом на побелевшие от времени кости, которыми усеяна была дорога, и на головы бедных пленников. Вместе с его палящими лучами явилась мучительная жажда, и снова в воображении их начинал рисоваться салон «Короско» со столом, накрытым белоснежной скатертью, уставленным хрусталем, с длинными горлышками кувшинов и стройным рядом сифонов на открытом буфете.

Вдруг Сади, которая все время была таким молодцом, впала в истерику; ее судорожные вскрикивания и беспричинный, дикий смех ужасно действовали на нервы. Мисс Адамс и Стефенс ехали как можно ближе к ней, чтобы не дать ей упасть; наконец, окончательно обессилив, девушка впала в состояние, близкое к забытию. Бедные выючные верблюды, казалось, были столь же истомлены, как и их седоки; их поминутно приходилось понукать, дергая за кольцо, проткнутое в ноздри и заменяющее уздечку.

Путь все еще лежал вдоль усеянной остовами большой караванной дороги; подвигались медленно, и уже не раз оба эмира объезжали караван сзади, озабоченно покачивали головами, глядя на выючных верблюдов, на которых ехали

пленные. Особенно отставал один старый верблюд, сильно прихрамывавший, на котором ехал раненый суданский солдат. Эмир Вад Ибрагим подскакал к нему и, вскинув свой ремингтон к плечу, выстрелил бедному животному прямо в голову: когда верблюд упал, раненый солдат вылетел из седла далеко вперед, грузно упал на землю. Пленные невольно обернулись назад и увидели, как он силится подняться на ноги с недоумевающим выражением лица; в этот самый момент один из баггара проворно соскользнул со своего верблюда и занес над головой раненого свой большой нож.

– Не смотрите, не смотрите! – крикнул дамам Бельмонт, и все они продолжали ехать, не оборачиваясь, но с сильно бьющимся в груди сердцем, невольно сознавая, что там, сзади, происходит что-то ужасное, хотя никто из них не слышал ни стоны, ни звука. Минуту спустя сухощавый баггара нагнал и обогнал их, вытирая на ходу свой длинный нож о косматую шею верблюда.

По пути встречалось много такого, что могло интересовать пленных, если бы они только были в состоянии что-либо видеть или замечать. Время от времени попадались на краю большой караванной дороги остатки старинных построек из сырого кирпича, очевидно, вывезенного сюда из Нижнего Египта. Эти постройки предназначались некогда служить временными убежищами для путников и защитой от разбойников – этих пиратов пустыни, какие всегда встречались на пути караванов. В одном месте, на вершине небольшого пес-

чаного кургана, наши путешественники заметили обломок красивой колонны из красного асуанского гранита с изображением белокрылого бога Египта и медальонов с изображением Рамзеса II. Даже спустя три тысячелетия, повсюду виден след этого великого царя-воителя. Его изображение здесь на колонне являлось добрым знаменем для пленных, оно говорило, что они всё еще в пределах Египта, что их соотечественники еще могут отбить их у похитителей.

– Египтяне уже однажды побывали здесь! – сказал Бельмонт. – Значит, они могут побывать здесь и еще раз!

Все попытались улыбнуться его словам, но теперь им уже как-то плохо верилось в возможность спасения.

Но – о счастье! То тут, то там на краю дороги в маленьких углублениях почвы виднелась едва заметная зеленая травка: это означало, что на незначительной глубине есть вода. И вдруг совершенно неожиданно дорога стала спускаться под уклон, в глубокую котловину, дно которой было покрыто сочной свежей зеленью, а посреди возвышалась группа нарядных пальм.

Этот прелестный оазис среди безотрадной африканской пустыни казался драгоценным изумрудом в оправе из красной меди. Но не одна краса этого пейзажа манила взоры усталых, измученных путников. Нет, этот уголок рая сулил им и отдых, и отраду, и облегчение от мучившей их жажды. Действительно, здесь было семь колодцев больших и два маленьких. Это были мискообразные углубления, вырытые в земле

и наполненные водою, черной и холодной, до краев. В них хватало воды на самые многочисленные караваны. Даже Сади, находившаяся все время в полусознательном состоянии, как будто ожила: и ее радовала эта зеленая трава, этот клочочек тени. Усталые, измученные животные далеко протягивали вперед свои длинные шеи, с видимым наслаждением втягивая в себя воздух.

Здесь сделали привал. И люди, и верблюды напились вволю. Верблюдов привязали к кольям. Арабы разостлали в тени свои циновки, на которых расположились спать, а пленные, приняв свою порцию дурро и фиников, получили разрешение делать, что хотят, в течение всего дня, а перед закатом к ним должен был явиться мулла – наставлять в «правой вере».

Дамам предоставили расположиться в густой тени акаций, мужчины же удовольствовались тенью пальм. Их широкие и большие листья ласково шелестели у них над головами; тихий степенный говор арабов некоторое время доносился до них, равно как и мерное, медленное чавканье верблюдов.

Глава 8

Полковник Кочрейн вдруг почувствовал, что кто-то трогает его за плечо. Обернувшись, он увидел перед собой возбужденное черное лицо негра Типпи-Тилли. Тот держал палец у рта, в знак молчания, и глаза его тревожно бегали по сторонам.

– Лежите смирно! Не шевелитесь! – прошептал он Кочрейну в самое ухо. – Я здесь лягу рядом с вами; они не отличат меня от других... Постарайтесь понять меня, я имею сказать вам нечто важное!

– Если ты будешь говорить медленно, – сказал полковник, – я пойму.

– Я не совсем доверяю тому человеку, Мансуру, думаю, лучше скажу самому Миралаи. Я все ждал, пока все заснут. А теперь через час нас созовут к молитве. Вот вам, прежде всего, пистолет, чтобы вы не сказали, что вы безоружны! – И негр сунул полковнику в руку старый громоздкий пистолет, вполне исправный и заряженный. Кочрейн взглянул на него внимательно и затем спрятал в карман, кивнув негру головой. – Нас восемь человек, желающих вернуться в Египет, да вас четверо мужчин. Один из нас, Мехмет-Али, связал двенадцать лучших верблюдов, – это самые сильные и быстрые из всех, за исключением верблюдов двух эмиров! Кругом расставлены часовые, но они разбрелись в разные сторо-

ны. Те двенадцать верблюдов, о которых я говорю, стоят тут недалеко от нас, за этой акацией. Лишь немногие из остальных животных сумеют нагнать нас. К тому же у нас при себе ружья, а часовые не могут задержать двенадцать верблюдов. Бурдюки все доверху налиты водой, а завтра к ночи мы можем увидеть перед собой Нил!

Полковник понял не все, но все же вполне достаточно, чтобы уловить самую суть речи. Последние дни испытаний жестоко отразились на нем. Лицо его было мертвенно-бледно, и волосы заметно седели с каждым часом. Его можно было теперь принять за отца того храброго полковника Кочрейна, который всего сутки тому назад расхаживал по палубе «Короско».

– Это все прекрасно, – отвечал он, – но как нам быть с нашими тремя дамами?

Черномазый Типпи-Тилли пожал плечами.

– Одна из них старая, да и вообще, когда мы вернемся в Египет, мы найдем там женщин, сколько угодно! Молодым же ничего не делается: их просто поместят в гарем калифа!

– Ты говоришь нелепости, – вскипел Кочрейн, – мы или возьмем наших женщин с собой, или сами останемся с ними!

– Я полагаю, что сам ты говоришь вещи неразумные, – сердито отвечал негр, – как можешь ты требовать от моих товарищей и от меня, чтобы мы сделали то, что должно погубить все дело? Сколько лет мы ждали подобного случая, а теперь, когда этот случай представился, вы хотите, чтобы мы

лишили себя возможности воспользоваться им из-за вашего безумия насчет этих женщин!

– А ты забыл, что мы вам обещали по возвращении в Египет?

– Нет, не забыл, – по двести египетских фунтов на человека и зачисление в египетскую армию! – сказал негр.

– Совершенно верно! Ну, так вот, каждый из вас получит по триста фунтов, если вы придумаете какое-нибудь средство взять женщин с собой!

Типпи-Тилли в нерешительности почесал свою кудлатую голову.

– Мы, конечно, могли бы привести сюда еще трех быстрых верблюдов; там еще есть три прекрасных животных из числа тех, которые стоят там у костра. Но как мы взгромодим на них женщин второпях? Кроме того, как только верблюды поскачут галопом, женщины, наверное, не удержатся на них; я даже боюсь, что и вы-то, мужчины, не удержитесь: ведь это дело не легкое! Нет, мы оставим их здесь. Если вы не согласны оставить ваших женщин, то мы оставим и вас и бежим одни!

– Прекрасно! – произнес резко и отрывисто полковник и отвернулся, как бы собираясь снова заснуть. Он отлично знал, что с этими восточными народами тот, кто молчит, всегда одержит верх. И действительно; негр ползком добрался до своего товарища феллаха Мехмет-Али, который сторожил верблюдов, и некоторое время шепотом совещался с

ним. Затем Типпи-Тилли снова дополз до полковника и, тихонько толкнув его в плечо, проговорил:

– Мехмет-Али согласен, он отправился взнудать еще трех лучших верблюдов. Но я тебе говорю, что это чистое безумие, и все мы себя погубим этим – ну, да все равно, пойдем разбудим женщин!

Полковник разбудил своих товарищей и сообщил в нескольких словах, в чем дело. Бельмонт и Фардэ были готовы на какой угодно риск. Но Стефенс, которому пассивная смерть была больше по душе и не представляла собою ничего ужасного перед активным усилием избежать ее, трепетал и дрожал от страха. Вытащив из кармана свой «Бэдекер», он принялся писать на нем свое завещание. Но рука его до того дрожала, что даже сам он не узнал своего почерка.

Тем временем Кочрейн и Типпи-Тилли доползли туда, где спали дамы: мисс Адамс и Сади спали крепко. Но миссис Бельмонт не спала. Она сразу поняла все.

– Меня вы оставьте здесь, – произнесла мисс Адамс, – в мои годы не все ли равно! Я только буду вам помехой!

– Нет, нет, тетя! Я без вас ни за что не уеду! Ты и не думай! – воскликнула девушка. – Не то мы обе останемся!

– Полноте, мисс, теперь не время рассуждать, – строго сказал Кочрейн. – Жизнь всех нас зависит от вашего усилия над собой. Вы должны заставить себя ехать с нами!

– Но я упаду с верблюда, я это знаю! – возражала мисс Адамс.

– Я привяжу вас к седлу своим шарфом; жалко только, что я отдал свой красный шелковый шарф мистеру Стюарту. По мнению Типпи-Тилли, теперь как раз удобный для нас момент бежать!

Но в это время негр, не спускавший глаз с пустыни, вдруг с проклятьем обернулся назад и, обращаясь к пленным, воскликнул:

– Ну, вот! Теперь вы сами видите, что вышло из-за ваших глупых разговоров. Вы упустили случай бежать отсюда!

Действительно, на краю оврага котловины показалось с полдюжины всадников на верблюдах. Они неслись во весь опор, размахивая над головами своими ружьями.

Минуту спустя в лагере забили тревогу, и все разом пробудилось, зашевелилось и загудело, как в улье. Полковник вернулся к своим. Типпи-Тилли смешался с арабами и феллахами. Стефенс как будто успокоился, а Фардэ положительно неистовствовал от досады.

– *Sacre nom!* – восклицал он громовым голосом. – Да неужели же это никогда не кончится?! Неужели нам так и не удастся уйти от этих ослов-дервишей!

– А разве это действительно дервиши? Разве дервиши существуют? Я полагал, что это просто только вымысел британского правительства, не более того! – заметил едко полковник. – Вы, как видно, изменили теперь мнение?

Все пленники были раздражены и разнервничались превыше всякой меры; а неудача данной минуты еще более озло-

била их. Едкая колкость полковника была зажженной спичкой, поднесенной к кучке пороха. Француз вспылал и, не помня себя, обрушился на Кочрейна целым потоком гневных и обидных слов, которых почти нельзя было разобрать.

– Если бы не ваши седины! – повторял он. – Если бы не ваши седины, я знал бы, что с вами сделать!

– Господа, если мы должны сейчас умереть, так умремте, как джентльмены, а не как уличные мальчишки! – старался успокоить Бельмонт.

– Я только сказал, что весьма рад, что monsieur Фардэ переменил свое мнение относительно английского правительства! – заметил Кочрейн.

– Молчите, Кочрейн! Ну, что вам за охота раздражать его? – воскликнул ирландец.

– Нет, право, Бельмонт, вы забываетесь! Я никому не позволю говорить со мной таким тоном!

– В таком случае вам следует следить получше за собой!

– Господа, господа! – остановил их Стефенс. – Ведь здесь дамы!

Пристыженные и сконфуженные, все трое смолкли и молча принялись ходить взад и вперед покусывая и покручивая нервно свои усы. Такое раздражение – вещь весьма заразительная, так что даже Стефенса раздражало волнение его приятелей, и он, проходя мимо них, не мог удержаться от попреков. Это объяснялось, конечно, тем, что наступил кризис их судьбы. Тень смерти уже витала у них над головой, а

между тем их волновали такие мелкие ссоры, которые они едва ли даже могли формулировать.

Но вскоре их внимание было отвлечено более серьезными вещами. У колодца собирался, очевидно, военный совет: оба эмира, мрачные, но сдержанные, в глубоком молчании выслушивали многоречивый и взволнованный рапорт начальника патруля, и пленные заметили, что в то время как старший эмир сидел, подобно каменному изваянию, чернобородый нервно поглаживал свою бороду.

– Я полагаю, что погоня за нами уже недалеко, – заметил Бельмонт. – Судя по их волнению, они должны быть близко!

– Да, как будто на то похоже!

– Смотрите, старик, кажется, отдает приказания. Что бы это могло быть? Мансур, что он говорит?

Драгоман прибежал с сияющим лицом и глазами, в которых светилась надежда.

– Я полагаю, что они видели что-то, напугавшее их. Как видно, солдаты недалеко. Он приказал наполнить водою все бурдюки и готовиться к выступлению, как только стемнеет. Мне же приказано собрать вас всех, так как сейчас придет мулла поучать вас. Я уже сообщил ему, что вы готовы воспринять его ученье, и он этим крайне доволен!

Что именно говорил Мансур мулле, конечно, трудно сказать; только спустя несколько минут этот седобородый старец явился с благосклонно улыбающимся лицом и отеческим видом. Это был тучный, бледный одноглазый старик, с

обрюзглым, испещренным морщинами лицом, в высоком зеленом тюрбане, означающим, что он побывал на богомолье в Мекке. В одной руке у него был маленький молельный коврик, в другой – пергаментный экземпляр Корана. Разложив коврик на земле, он подозвал к себе Мансура и затем кругообразным движением руки дал понять пленным, чтобы они собрались вокруг него, потом пригласил их сесть. Все расположились в кружок под сенью пальм, и одноглазый мулла, переводя свой взгляд с одного лица на другое, принялся с убеждением излагать главные основы своей веры, не жалея слов и увещаний и всячески стараясь подействовать на умы своих слушателей. Те слушали его с полным вниманием и кивали головами, когда Мансур переводил им слова муллы, который с каждым знаком одобрения или сочувствия становился приветливее и ласковее.

– К чему вам умирать, возлюбленные овцы мои, – говорил он, – когда от вас требуют только одного, чтобы вы отреклись от того, что приведет вас к вечной геенне огненной, и приняли то, что есть истинный и священный закон и воля Аллаха! Она изложена и записана Его пророком, обещающим вам бесконечное блаженство и наслаждение, как о том говорится в книге пророка. Кроме того, не ясно ли, что Аллах с нами, если с того времени, когда мы не имели ничего, кроме палок, против ружей и ятаганов турок, победа всегда оставалась за нами? Разве мы не взяли Эль-Обейд? Не взяли Хартум? Не уничтожили Хикса, не убили Гордона? Не одерживали все-

гда верх над всяким, кто шел на нас?! Кто же посмеет сказать нам, что благословение Аллаха не пребывает на нас?!

Так заключил мулла свою речь. Между тем полковник Кочрейн, который во время поучения муллы поглядывал по сторонам, наблюдая за дервишами, видел, что они чистили свои ружья, считали патроны, словом, готовились к бою. Оба эмира совещались между собой, с мрачными, озабоченными лицами, а начальник сторожевого патруля во время разговора несколько раз указывал рукой в направлении Нила. Было несомненно, что спасение было возможно, если бы пленным удалось протянуть еще несколько часов. Верблюды еще не успели отдохнуть и собраться с силами, а погоня, если она была действительно недалеко, могла почти наверное рассчитывать нагнать караван.

– Бога ради, Фардэ, – проговорил Кочрейн, – постарайтесь продержатъ его еще хоть часок. Мне кажется, для нас представляется возможность спасения, если только мы сумеем протянуть это дело хоть час или полтора. Вступайте с ним скорее в длинные прения на религиозные темы!

Но чувство оскорбленного достоинства у француза не так-то легко уgomонить. Monsieur Фардэ сидел надутый, прислонясь спиной к стволу пальмы, и, сердито хмуря брови, упорно молчал.

– Ну же, Фардэ, – воскликнул Бельмонт, – не забывайте, голубчик, что все мы надеемся на вас!

– Пусть полковник Кочрейн объясняется с ним, – ответил

брезгливо француз, – он слишком много себе позволяет!

– Да полно вам, – сказал Бельмонт примирительным тоном, – я уверен, что полковник готов выразить свои сожаления о случившемся и сознаться, что он был неправ!

– Нет, ничего подобного я не подумаю сделать! – ворчливо возразил Кочрейн.

– Но, господа, это не более, как частная ссора, – поспешно продолжал Бельмонт, – а мы просим вас, Фардэ, говорить за нас ради блага всех нас: ведь никто лучше вас не сумеет этого сделать!

Но француз только пожал плечами и стал еще мрачнее.

Мулла смотрел то на одного, то на другого, и добродушное, благорасположенное выражение его лица заметно сглаживалось; углы рта раздражительно вздернулись; черты приняли суровое и строгое выражение.

– Что, эти неверные смеются над нами, что ли? – спросил он драгомана.

– Почему они разговаривают между собой и ничего не имеют сказать мне?

– Он, по-видимому, теряет терпение, – сказал Кочрейн, – быть может, действительно будет лучше, если я попытаюсь сделать, что могу, раз этот упрямый субъект подвел нас в самый критический момент!

Но в этот момент догадливый ум женщины нашел-таки способ уломать заартачившегося француза.

– Я уверена, что monsieur Фардэ как француз, следова-

тельно, человек безупречно галантный и рыцарски любезный к дамам, никогда не допустит своему оскорбленному самолюбию помешать исполнению данного им обещания и его долга по отношению к беспомощным! – произнесла миссис Бельмонт.

В одну минуту Фардэ очутился на ногах и, приложив руку к сердцу, воскликнул:

– Вы поняли мою натуру, madame! Я не способен оставить женщину в критический момент и сделаю все, что в моих силах в данном случае. Так вот, Мансур, – обратился он тотчас же к переводчику, – скажи этому святому старцу, что я готов обсуждать с ним от имени всех нас высокие вопросы его религиозных верований!

И Фардэ повел прения и переговоры с таким искусством, что все невольно ему дивились и тон и речь его производили такое впечатление, что он сильно заинтересован данным вопросом, что он вполне склоняется на сторону представляемых ему убеждений, но что его еще смущает одна небольшая подробность, требующая разъяснения. При этом все его расспросы и недоумения до того искусно переплетались с льстивыми похвалами мулле, его просвещенному уму, его житейской мудрости, что лукавый одинокий глаз муллы заблестал радостью, и он, полный надежды на успешное обращение неверных, переходил охотно и с видимым удовольствием от разъяснений к разъяснениям, пока небо не приняло прозрачную темную окраску и большие ясные звезды не

вырезались на его темно-фиолетовом фоне, а зеленая листва пальм не стала казаться почти черной на фоне неба. Наконец, умиленный и растроганный мулла заявил:

– Теперь я вижу, возлюбленные чада мои, что вы вполне готовы вступить в лоно ислама, да и пора: сигнал гласит, что вскоре мы должны выступать. А приказание эмира Абдеррахмана было такого рода, чтобы вы приняли то или другое решение прежде, чем мы покинем эти колодцы!

– Но, отец мой, я бы желал получить от вас еще некоторые разъяснения, – сказал Фардэ, стараясь протянуть время. – Мне доставляет истинное наслаждение слушать ваши поучения: они несравненно выше тех, какие мы слышали от других проповедников!

Но на этот раз хитрая уловка француза не удалась; мулла уже поднялся со своего места, и в единственном глазу его мелькнуло подозрение.

– Дальнейшие разъяснения, – отвечал он, – я могу дать вам потом, так как мы будем продолжать путешествие вместе до Хартума! – с этими словами он отошел к костру и, нагнувшись с торжественной важностью тучного человека, взял два полуобгорелых сука, которые и положил накрест на землю перед пленными. Дервиши собрались сюда толпой, подстрекаемые любопытством и желая видеть, как неверные будут приняты в лоно ислама. Они стояли неподвижно, опершись на свои длинные копья в полумраке надвигающихся сумерек, а за их спинами вздымались длинные шеи и грациозные

головы верблюдов.

– Ну, – произнес мулла, и голос его уже не звучал ласково и убедительно, как раньше, – теперь у вас уже не остается времени для размышлений. Смотрите: здесь, на земле, из этих двух суков я сделал крест – этот смешной и глупый, суеверный символ вашей прежней веры. Вы должны попать его своими ногами в знак того, что отрекаетесь от него; затем должны поцеловать Коран в знак того, что принимаете его. А если еще нуждаетесь в моих поучениях, то я с радостью преподам их впоследствии!

Теперь все четверо мужчин и три женщины поднялись, чтобы идти навстречу ожидавшей их участи. За исключением только мисс Адамс и миссис Бельмонт, никто из них не имел серьезных и глубоких религиозных убеждений, а некоторые даже упорно отрицали все, что олицетворял собою этот символ креста. Но в каждом из них говорило самолюбие европейца, гордость белой расы, заставлявшая возмущаться подобным поступком, как отречение от веры своих отцов и попрание символа этой веры. И вот самолюбие, это вовсе не христианское побуждение, готово было превратить всех этих совсем неверующих и нерелигиозных людей в добровольных мучеников за веру Христа. Густолиственные вершины пальм тихо шелестели над ними в воздухе; откуда-то издали доносились звуки бешеного голоса верблюда, мчавшегося по пустыне.

– Что-то приближается! – шепнул Кочрейн французу. –

Постарайтесь протянуть еще хоть минут пять, Фардэ; от этого, быть может, зависит наше спасение!

Фардэ едва заметно утвердительно кивнул головою и, обращаясь к драгоману, начал:

– Передай этому святому отцу, что я совершенно готов принять его учение, а также и все остальные, но только мы желали бы, чтобы он подтвердил нам это учение каким-нибудь чудом, как это может сделать каждая истинная религия! Пусть он совершит чудо, какое-нибудь знамение, которое бы воочию убедило нас, что ислам – самая могущественная и самая сильная религия!

Известно, что при всей своей сдержанности и важности арабы таят в себе немалое любопытство. Шепот в толпе показал что слова француза задела их всех за живое; каждому из них захотелось тоже увидеть чудо. Мулла растерянно оглянулся, но затем, оправившись от овладевшего было им смущения, отвечал:

– Такие дела, как чудесные знамения и чудеса, – во власти Аллаха, и нам не предоставлено права нарушать Его законы. Но если сами вы можете представить нам подобные доказательства правоты своей веры, то пусть мы станем свидетелями их!

Француз торжественно выступил вперед и, подняв вверх руку, в которой у него ничего не было, снял большой блестящий финик с бороды самого муллы. Этот финик он проглотил на глазах у всех и в тот же момент снова достал его из

локтя своей левой руки. Он уже не раз давал подобные представления на самом «Короско» для увеселения своих спутников и всегда вызывал смех и шутки с их стороны, так как нельзя было сказать, чтобы он был особенно ловок в этом деле. Но теперь от этого нехитрого искусства могла зависеть судьба всех их. Глухой шепот удивления и восхищения пробежал среди собравшихся кругом арабов и усилился еще более, когда вслед за тем Фардэ вынул такой же финик из ноздрей одного из верблюдов и потом засунул его в ухо, где он, по-видимому, совершенно исчез. Что все эти чудеса совершались посредством появления из рукава и исчезновения в рукаве фокусника, конечно, не было секретом для европейцев. Но полумрак сумерек весьма благоприятствовал успеху monsieur Фардэ, и его восхищенные зрители до того увлеклись его искусством, что даже не заметили, как какой-то человек верхом на верблюде осторожно проехал между стволами пальм и скрылся во мгле. Все обошлось бы, быть может, вполне благополучно, если бы Фардэ, возгордившись своей удачей, не вздумал повторить еще раз своего фокуса и при этом неловком движении не выронил финика раньше времени из руки, обнаружив таким образом свой секрет. Он хотел было поправиться и повторить еще раз опыт, но уже было поздно: мулла сказал что-то одному арабу, и тот ударил Фардэ толстым древком своего копья по спине.

– Довольно с нас этой детской забавы, – гневно воскликнул мулла, – что мы, ребята малые, что ли, что ты стараешь-

ся обмануть нас такими штуками?! Вот крест и вот Коран, что из двух выбираете вы?

Фардэ беспомощно оглянулся на своих сотоварищей по несчастью.

– Я ничего более не могу сделать! Вы просили пяти минут отсрочки, я доставил их вам; больше я ничего не в силах сделать! – обратился он к полковнику Кочрейну.

– И, быть может, этого довольно! – ответил тот. – Вот и оба эмира! – добавил он.

В это время всадник, бешеная скачка которого по пустыне доносилась все время до слуха пленных, теперь подскакал к двум эмирам и сделал им какое-то краткое донесение, ткнув при этом указательным пальцем в том направлении, откуда он примчался. Обменявшись несколькими словами между собой, эмиры направились к той группе, центром которой являлись пленные. Высоко подняв над головою руку, величавый седобородый эмир обратился к арабам с отрывистой, краткой, но воодушевленной речью, на которую те отвечали дружным хором, и огонь, горевший в его больших, гордых и жестоких черных глазах, отразился в глазах каждого из слушавших его арабов. Казалось, эти люди не только готовы были, не задумываясь, идти на смерть, как каждый добрый солдат, но даже не желали для себя ничего лучшего, чем кровавая смерть, если только при этом и их руки могли быть обогреты кровью.

– Пленники приняли уже правую веру? – спросил эмир,

окинув их своим жестоким, беспощадным взглядом.

Мулла, видимо, дорожил своей репутацией и потому не хотел сознаваться в неудаче.

– Они только что собирались принять ислам, когда...

– Ну, так отложим это на время, мулла! – сказал эмир Абдеррахман и затем, обращаясь к арабам, отдал какое-то приказание.

В одно мгновение все они кинулись к своим верблюдам, и эмир Вад Ибрагим тотчас же покинул оазис, ускакав вперед с значительной частью арабов. Остальные были уже все на своих верблюдах, совершенно готовые тронуться в путь в любой момент и держа ружья наготове.

– Что случилось? – спросил Бельмонт.

– Дела идут хорошо! Право, я начинаю думать, что мы благополучно выберемся изо всей этой каши, – сказал Кочрейн. – Как видно, египетский верблюжий отряд идет за нами по горячему следу.

– А вы, почему знаете?

– Что же иначе могло взволновать их в такой степени?

– Ах, полковник, неужели вы серьезно полагаете, что мы будем спасены?! – воскликнула Сади.

Все они были до того измучены, что нервы и сами ощущения их как будто притупились. Но теперь, когда новый луч надежды начинал прокрадываться в их души, вместе с ним пробуждалось и страдание, подобно тому, как с возвращением чувствительности в отмороженном члене возобновляется

мучительная боль.

– Будем надеяться, что они придут сюда в достаточном числе! – заметил Бельмонт, который теперь также начинал волноваться.

– Конечно, но мы, во всяком случае, в руках Божьих! – с кротостью и покорностью успокаивала его жена. – Встань рядом со мной на колени, Джон, и станем молиться, дорогой мой! Пусть даже это будет в последний раз в этой жизни. Помолимся, Джон, чтобы – на земле или в небесах – мы с тобою не были разлучены!

– Не делайте этого! Не делайте! – закричал им Кочрейн встревоженным голосом, заметив, что мулла не спускал своего единственного глаза со своих предполагаемых неофитов. Но было уже поздно: супруги опустились на колени и, осенив себя крестом, молитвенно сложили руки и стали молиться.

Бессильное бешенство исказило жирное, заплывшее лицо муллы при этом явном доказательстве бесплодности его стараний. Он обратился к эмиру и сказал ему что-то.

– Встаньте! Встаньте! – молящим голосом кричал Мансур. – Если вам дорога жизнь, встаньте! Он просит приказать немедленно казнить вас!

– Пусть он делает, что хочет! – сказал спокойно ирландец. – Мы встанем, когда окончим свою молитву, но не раньше!

Эмир внимательно слушал муллу, не спуская злых и жестоких глаз с двух коленопреклоненных фигур, затем отдал

какие-то приказания. Спустя минуту были подведены четыре оседланных верблюда. Остальные вьючные животные, на которых ехали пленные, так и остались не оседланными, словно о них забыли.

– Полно же безумствовать, Бельмонт, – крикнул Кочрейн, – все зависит теперь от того, чтобы не прогневать муллу, а вы как будто нарочно раздражаете его! Встаньте, миссис Бельмонт, вы всегда были женщиной благоразумной! Точно нельзя молиться в душе, не стоя на коленях на глазах у всех?!

– Mon Dieu! Mon Dieu! – восклицал француз, пожимая плечами. – Виданы ли когда такие непрактичные люди? Voila! Encore! – добавил он, увидав, что и обе американки, старая и молодая, также опустились на колени и, закрыв лица руками, погрузились в молитву.

– Право, точно верблюды, – один ляжет, и все лягут!.. Было ли когда-либо что-нибудь глупее этого!

Но теперь и мистер Стефенс незаметно опустился на колени подле Сади.

На ногах оставались только полковник Кочрейн и Фардэ. Полковник взглянул на француза вопросительно и, пожав плечами, произнес:

– А в сущности, не глупо ли, в самом деле, молившись всю жизнь, не молиться именно теперь, когда нам не на кого более надеяться, как только на Господа и на благость Провидения?! – с этими словами и он склонил колено по-военному

и опустил голову на грудь.

Monsieur Фардэ с недоумением окинул взглядом всех своих коленопреклоненных друзей, затем глаза его перебежали на арабов и гневные лица эмира и муллы, и как будто что-то возмутилось в нем.

– Sapristi! – Черт побери! – воскликнул он вполголоса. – Да что, они думают, что француз боится их?! Нет!.. – И, перекрестившись широким крестом, он встал рядом с другими на колени, склонив голову.

Эмир обернулся к мулле с насмешливою улыбкой, взглядом и рукою указал на результаты его увещаний, затем подзвал к себе одного араба и отдал ему приказание. Все четверо мужчин были тотчас же схвачены, и всем им связали руки. Фардэ громко вскрикнул при этом, так как веревка врезалась в его свежую рану, причиняя нестерпимую боль. Остальные позволили связать себя молча, сохраняя чувство собственного достоинства.

– Вы погубили все дело! – воскликнул Мансур. – Право, я боюсь, что вы погубили даже и меня. А женщин увезут, для них предназначены эти три верблюда!

– Ну нет! Этого никогда не будет! Мы не хотим, чтобы нас разлучали! – закричал Бельмонт и принялся страшно рваться, чтобы освободить свои руки. Но он сильно ослабел за это время, и двое арабов легко сдержали его за локти.

– Не волнуйся, не беспокойся, дорогой Джон! Они могут причинить тебе вред если ты будешь выбиваться! – крикну-

ла ему жена, которую другие арабы насильно сажали на верблюда. – Они мне ничего не сделают! Не борись, прошу тебя!..

Видя, что женщин увели от них и посадили на верблюдов, все четверо мужчин были в отчаянии; это было для них теперь всего ужаснее. Сади и ее тетушка почти потеряли сознание от страха, только миссис Бельмонт сохраняла полное присутствие духа и спокойное, ласковое, улыбающееся мужу лицо. Верблюдов, на которых они находились, подняли на ноги и отвели под пальмы – как раз туда, где стояли мужчины.

– Нора, дорогая, у меня есть револьвер в кармане, – сказал Бельмонт, подняв глаза на жену, – я бы, кажется, душу прозакладывал за то, чтобы иметь возможность передать его тебе!

– Не беспокойся обо мне, Джон, дорогой мой, оставь его себе, он еще может тебе пригодиться, а я ничего не боюсь. С тех пор, как мы с тобою помолились, мне кажется, ничего дурного с нами не случится! – С этими словами мужественная женщина, наклонившись к Сади, принялась ее утешать и успокаивать.

Приземистый, тучный араб, исполняющий роль помощника у эмира Ибрагима, теперь присоединился к старому эмиру и мулле, и все трое стали вместе совещаться о чем-то, время от времени поглядывая на своих пленных.

Наконец, эмир подозвал Мансура и сказал ему что-то.

– Эмир желает знать, кто из вас четверых самый богатый? – перевел драгоман, обращаясь к четверем мужчинам.

– Зачем ему это знать? – спросил Кочрейн.

– Очень просто, он желает убедиться, кого из вас всего выгоднее оставить в живых для выкупа!

– Я полагаю, что это мы должны обсудить между собой. Но, мне думается, эта счастливая доля суждена Стефенсу, который, если не ошибаюсь, самый богатый из нас!

– Я этого не знаю, – запротестовал Стефенс, – и как бы там ни было, отнюдь не желаю для себя иной участи, чем для всех остальных!

Эмир снова заговорил что-то своим резким, грубым голосом.

– Он говорит, – сказал Мансур, – что выючные верблюды выбились из сил, и что имеется еще всего один, который в состоянии следовать за караваном! Он предоставляет этого верблюда одному из вас, а кому – это он предлагает решить вам самим. Причем, кто богаче всех, будет иметь преимущество над остальными!

– Скажи ему, что мы все одинаково богаты!

– В таком случае, вы должны сейчас же решить, кому из вас достанется верблюд!

– А что будет с остальными?

Драгоман пожал плечами.

– Вот что, – сказал полковник, – если только одному из нас суждено спастись, то я полагаю, что все вы, друзья, со-

гласитесь, что по справедливости мы должны предоставить верблюда Бельмонту, так как у него здесь жена, а мы все – одинокие!

– Да, да! Это так! – воскликнул Фардэ.

– Мне тоже кажется, что это справедливо! – согласился Стефенс.

– Нет, господа, я не согласен на такое исключение: или все спасемся, или все вместе погибнем! Или всем плыть, или всем потонуть! – отвечал ирландец.

Кто-то заметил, что следовало бы предложить верблюда Кочрейну, так как он старейший, но полковник на это страшно рассердился.

– Можно подумать, что восьмидесятилетний! – воскликнул он. – Такого рода любезность является совершенно непрошеной!

– Ну, в таком случае, откажемся все от этого благополучия!

– Да, но это не будет очень разумно! Вы забываете, господа, что они увозят наших дам; для них было бы, несомненно, лучше, чтобы хотя один из нас был с ними! – проговорил француз.

Все в недоумении взглянули друг на друга. Фардэ был действительно прав, но как же быть? Все недоумевали. Тогда сам эмир пришел им на помощь.

– Если они не могут решить между собой, – сказал он, – то пусть за них решит судьба! Пусть тянут жребий!

– Лучше придумать трудно! – сказал Кочрейн, и его товарищи утвердительно кивнули головами.

Тогда к ним подошел мулла; из жирного кулака его торчали четыре полоски пальмовой коры.

– Тот, у кого окажется самая длинная полоска, поедет на верблюде! – заявил мулла через Мансура.

Оставшиеся еще здесь дервиши спешились вокруг и с горбов своих верблюдов смотрели на происходившую под пальмами сцену. Красноватое пламя костра озаряло розовым светом лица пленных; лицо же эмира, стоявшего спиной к костру и лицом к пленным, оставалось в тени. За спиной четверых пленников стояли четыре араба, над ними возвышались головы верблюдов, на которых сидели женщины, со смертельным страхом следившие за группой мужчин.

Бельмонт стоял с края, и ему первому пришлось тянуть жребий. Но тот кусочек коры, за который он ухватился, был до того мал, что остался у него в руке, едва он до него коснулся. За ним была очередь Фардэ; его полоска оказалась длиннее полоски Бельмонта; полоска же полковника Кочрейна была вдвое больше двух предыдущих, взятых вместе. После всех стал тянуть свой жребий Стефенс, но его полоска оказалась немногим длиннее полоски Бельмонта, так что право на верблюда осталось за Кочрейном.

– Я с охотой предоставляю свое право вам, Бельмонт, – сказал Кочрейн, – у меня нет ни жены, ни семьи, и едва ли есть даже истинные друзья.

Поезжайте с вашей женой, а я останусь здесь!

– Нет! Нет! На то был уговор! Каждому своя судьба, тут дело было начистоту. Это ваше счастье!

– Эмир приказал сейчас же садиться! – сказал Мансур, и араб потащил полковника за связанные руки к ожидавшему его верблюду.

– Он останется сзади, – обратился эмир к своему помощнику, – и женщины также!

– А этого пса, драгомана?

– Его оставьте с остальными!

– И как быть с ними?

– Всех умертвить! – и эмир ускакал во весь опор, догоняя свой отряд.

Глава 9

Так как ни один из трех пленных не понимал ни слова по-арабски, то и слова эмира остались бы для них непонятны, если бы не отчаянные жесты и возгласы драгомана. После всего его низкопоклонства, ренегатства, всяческого прислуживания арабам, в конце концов, худшие его опасения должны были сбыться. С криком отчаяния кинулся он на землю, моля и прося о пощаде, цепляясь за край одежды эмира своими судорожно скрюченными пальцами. Но тот ногой отшвырнул его, как собаку.

Между тем весь лагерь засуетился. Теперь уже и отряд старого эмира, и сам эмир покинули место привала. Вокруг пленных оставалось всего человек двенадцать арабов с тучным, коренастым парнем, помощником эмира Вад Ибрагима, и кривым муллой. Они не садились на верблюдов, так как должны были участвовать в казни.

Трое пленных по одному виду и выражению лиц этих людей поняли, что им остается недолго ждать. Руки у них все еще были связаны на спине, но арабы их уже не держали, так что они имели возможность обернуться и проститься с женщинами.

– Все, как видно, кончено, Нора, – произнес Бельмонт, – это, конечно, обидно, когда была возможность спасения. Но что делать?! Все, что мы могли сделать, мы уже сделали!

Теперь жена его впервые дала над собой волю своему горю; она судорожно всхлипывала, закрыв лицо руками.

– Не плачь, моя маленькая женушка! Мы с тобой хорошо прожили свое время и всегда были счастливы. Передай мой привет всем друзьям, там, дома. Ты там найдешь на свою долю достаточно и даже с избытком: все бумаги у меня в порядке...

– Ах, Джон, Джон! Зачем ты говоришь мне об этом?! Я без тебя не буду жить!

И горе жены сломило мужество этого сильного мужчины; он спрятал лицо свое в косматой шерсти ее верблюда, и слезы покатались по его щекам.

Между тем мистер Стефенс подошел к верблюду Сади, – и та увидела его измученное, исстрадавшееся лицо и обращенный к ней взгляд.

– Вы не бойтесь ни за себя, ни за тетю, – начал он, – я уверен, что вам удастся бежать от этих арабов! Кроме того, полковник Кочрейн будет заботиться о вас. Египетская кавалерия не может быть далеко теперь, они скоро вас нагонят. Я надеюсь, что вам дадут вдоволь напиться прежде, чем вы покинете эти колодцы. Я бы желал отдать вашей тетушке мою куртку, но боюсь, что не смогу снять ее с себя: руки у меня связаны. Мне так жаль, что ей будет холодно под утро. Пусть она сохранит и прибережет к утру немного хлеба от ужина, чтобы скушать его ранним утром. Это немного облегчит ее...

Стефенс говорил совершенно спокойно, как будто дело шло о сборах на пикник. И невольное чувство удивления и восхищения этим человеком шевельнулось в груди молодой девушки.

– Какой вы хороший человек! – воскликнула она. – Я никогда еще не видела другого такого человека. А еще говорят о святых! Вы же стоите теперь перед самым лицом смерти и думаете только о нас, заботитесь только о нас... – Голос ее дрожал от волнения.

– Мне хотелось бы сказать вам еще одну вещь, Сади, если только вы мне позволите. Я бы умер спокойнее после того. Уже много раз я все собирался поговорить об этом с вами, но боялся, что вы будете смеяться: ведь вы никогда ничего всерьез не принимали. Не правда ли? Но теперь я уже почти неживой человек и потому могу сказать все, что у меня на душе!

– Ах нет, не говорите так, мистер Стефенс! – воскликнула Сади.

– Не буду, если это вас расстраивает. Как я уже сказал вам, мне было бы легче умереть, если бы вы об этом знали, но я не хочу быть эгоистом и в этом отношении; если бы я мог думать, что это омрачит вашу жизнь, то предпочел бы вам ничего не говорить!

– Что же вы хотели сказать мне?

– Я хотел только вам сказать, как я вас любил с того самого момента, как увидел вас... Я, конечно, сознавал, что

это смешно, и потому никогда не говорил вам и никому другому, не желая казаться смешным. Но теперь, когда это все равно никакого значения иметь не может, я желал бы, чтобы вы, Сади, об этом знали. Вы, быть может, поверите мне, если я скажу, что эти последние дни, когда мы все время были неразлучны, были бы лучшими и счастливейшими днями моей жизни, если бы вы, Сади, не мучились, не страдали!

Девушка сидела, бледная и безмолвная, и смотрела вниз широко раскрытыми, удивленными глазами на своего взволнованного собеседника. Она не знала, что ей делать и что сказать в ответ на это любовное признание чуть ли не в минуту смерти. Все это казалось совершенно непонятным ее детскому сердцу, и вместе с тем она чувствовала, что это нечто высокое и прекрасное.

– Я ничего не скажу вам больше, – продолжал Стефенс, – так как вижу, что это только смущает и утомляет вас. Но я хотел, чтобы вы об этом знали. Теперь довольно. Благодарю, что вы так терпеливо выслушали меня. Прощайте, Сади! Я не могу протянуть к вам моей руки, но, быть может, вы протянете мне свою.

Сади протянула ему свою руку, и он почтительно и с глубоким чувством поцеловал ее. Затем он отошел и встал на свое прежнее место.

В течение всей своей деловой жизни, полной постоянной борьбы и успеха, Стефенс, еще ни разу не испытывал такого чувства спокойного удовлетворения, такого радостного до-

вольства, как в эти минуты, когда над головой у него висела смерть. И все это потому, что любовь – это всесильное чувство, изменяющее все кругом, омрачающее или просветляющее в известный момент целый мир, – это единственное совершенное в мире чувство, способное за хватить всецело все существо человека. Сами муки становятся наслаждением, и нужда представляется комфортом, и сама смерть является желанной, когда в душе заговорит голос всесильной любви. Так и у Стефенса в душе было такое ликование, которого не могли смутить близость смерти и свирепые лица палачей. Все это стусевалось в его воображении, превращалось в ничто в сравнении с великой, всепоглощающей радостью, что отныне «она» уже не может смотреть на него, как на случайного знакомого, и в течение всей своей жизни она будет вспоминать о нем.

Полковник Кочрейн сидел на своем верблюде и упорно не отводил глаз от бесконечной пустыни, лежащей по направлению к Нилу.

«Неужели, – думал он, – нет никакой надежды на спасение? Неужели погоня не достигнет нас до самого Хартума?»

Очевидно, те арабы, что толпились около пленных, должны были остаться здесь, когда остальные, сидевшие уже на верблюдах, должны были сопровождать трех женщин и его. Но чего Кочрейн никак не мог понять, так это того, почему палачи до сих пор медлят. Явилось одно предположение, а именно, что они, по свойственной восточным народам утон-

ченной жестокости, выжидали, когда египетская кавалерия будет близко, чтобы эти еще не остывшие трупы их жертв были, так сказать, оскорблением, брошенным в лицо врагу.

Но если так, то сопровождать их должны были не более двенадцати арабов, и полковник стал оглядываться кругом, не увидит ли сзади них дружественного им Типпи-Тилли. Но добродушного негра не было видно! Если бы он и шесть его товарищей были здесь, и если бы Бельмонт мог высвободить свои руки и вооружиться своим револьвером, то им, пожалуй, могло бы удаться выбраться из беды. Но нет, – все сторожившие пленников, все до единого были арабы баггара, люди неподкупные и прежде и превыше всего кровожадные. Типпи-Тилли и остальные, вероятно, уже отправились с передовым отрядом.

– Прощайте, друзья! – крикнул Кочрейн дрогнувшим, надорванным голосом. – Господь благослови и сохрани вас!

В этот самый момент один негр дернул за уздечку его верблюда и погнал его вслед за остальными. Женщины ехали следом, почти не сознавая и не видя ничего перед собой. Но их отъезд был настоящим облегчением для трех обреченных на смерть мужчин.

– Я рад, что они уехали! – сказал Стефенс, вздохнув с облегчением.

– Да, да, так лучше! – подтвердил Фардэ. – Но долго ли нам ждать конца?

– Вероятно, не особенно долго, – угрюмо отозвался Бель-

монт. – Смотрите, арабы уже обступают нас!

И полковник, и все три женщины оглянулись, когда, выехав из котловины оазиса, они поднялись на гребень. Там, внизу, между прямыми стволами пальм, догорали угли угасающего костра, а немного дальше, среди кучи арабов, они в последний раз смутно различали белые полотняные шлемы мужчин. Минуту спустя их верблюдов погнали усиленной рысью, и когда они снова оглянулись назад, то уже не могли ничего различить.

Обширная беспредельная пустыня, залитая трепетным лунным светом, поглотила и цветущий оазис, и его грациозную группу пальм, и умирающий красный огонь костра. Над всем раскинулось бархатисто-черное небо с громадными яркими звездами, которые безучастно смотрели на все земное, – на все скорби и радости людей.

Женщины молчали, подавленные горем, полковник тоже молчал, не находя, что сказать. Да и что мог он сказать им теперь? Но вдруг все четверо вздрогнули и точно пробудились ото сна, а Сади громко вскрикнула: среди безмолвия тихой ночи до них донесся резкий сухой звук ружейного выстрела, за ним другой, затем еще несколько одновременно и, погода, еще один.

– Это, быть может, погоня, египетская кавалерия! – воскликнула миссис Бельмонт.

– Да, да! – прошептала Сади. – Это, наверно, египетский отряд!

Кочрейн молча продолжал прислушиваться. Но все стало тихо. Тогда он набожно обнажил голову и на мгновение прикрыл рукой глаза.

– К чему нам обманывать себя, – произнес он, – взглянем правде в глаза: наших друзей не стало!

– Но к чему им было стрелять по ним из ружей? Ведь у них были копья... ножи... – пробормотала молодая девушка, невольно содрогнувшись при последних своих словах.

– Это правда! – согласился с нею полковник. – Я ни за что на свете не желал бы лишить вас разумной надежды, но, вместе с тем, если бы это была атака, как вы полагаете, мы должны были бы слышать ответные выстрелы. Кроме того, египетское войско атаковало бы их со значительными силами. Но, с другой стороны, действительно странно, чтобы арабы, ожидая серьезного нападения, вдруг стали тратить на пленных без всякой надобности свои патроны. Но смотрите, что там такое? – И он указал на восток.

Две конных фигуры то появлялись, то тонули в неверном колеблющемся свете, которым была залита вся пустыня. Они, казалось, бежали от арабов, но вдруг остановились на песчаном холме, и теперь их силуэты резко вычерчивались на темном фоне неба.

– Это, вне всякого сомнения, египетская кавалерия! – воскликнул Кочрейн.

– Два человека! – сказала мисс Адамс.

– Это просто разведчики, ничего более, мисс, главные си-

лы в нескольких милях позади. Смотрите, вот они снова помчались с донесением! Славные ребята, помоги им Бог!

Между тем на холме мелькнули два красноватых огонька, словно вспыхнувшие искорки, и в воздухе прозвучали два выстрела, но египетских всадников и след простыл.

Сам эмир поскакал назад и, поравнявшись с отрядом, сопровождавшим пленных, на ходу отдавал приказания, ободряя своих людей. Очевидно, его отряд был недалеко. Арабы крикнули что-то, и вдруг все верблюды пошли крупной неровной рысью. Очевидно, арабы решили нагнать передовой отряд и, вместе с тем, уйти от погони. Снова началась нестерпимая мука для пленных. Милю за милей скакали верблюды безостановочно, без передышки. Дамы, бессознательно уцепившись за луки своих седел, так и повисли на них. Кочрейн положительно изнемогал от этой тряски, но все еще продолжал надеяться, что погоня их настигнет.

– Смотрите... смотрите, мне кажется, что-то движется впереди нас! – воскликнула миссис Бельмонт.

Полковник Кочрейн приподнялся на своем седле и заслонил глаза рукою: лунный свет в пустыне страшно слепил глаза.

– Да, вы правы! Это всадники!..

Действительно, целая длинная вереница всадников неслась впереди их по пустыне.

– Но они скачут в том же направлении, как и мы! – заметила миссис Бельмонт.

Кочрейн пробормотал проклятие...

– Ну, да, – сказал он, – вот и след. Это наш собственный передовой отряд под начальством Вад Ибрагима. Ради него старый эмир и гнал нас все время этим дьявольским аллюром.

И действительно, спустя несколько минут молодой эмир подскочил к старику Абдеррахману и стал с ним сговариваться. Они указывали в том направлении, где показались разведчики, и озабоченно качали головами. Оба каравана соединились теперь в один и прежним усиленным аллюром продолжали подвигаться вперед по направлению Южного Креста, искрившегося над самой линией горизонта.

Кровь стучала в висках полковника Кочрейна с такой силой, что ему казалось, будто он слышит погоню и барабанный бой, и тучи кавалерии преследуют их караван со всех сторон. Этот лихорадочный бред постепенно превращался в мучительную галлюцинацию. Наконец восходящее солнце осветило всю громадную поверхность пустыни, на всем необъятном пространстве которой не колыхалось ни одного живого существа, кроме их каравана. С тяжелой грустью в сердце смотрели они на это пустое пространство, расстилавшееся от края до края неба, и последняя слабая искра надежды таяла так же, как таял прозрачный белый туман над пустыней.

Удручающее впечатление производила на дам разительная перемена, происшедшая за эту ночь в полковнике Кочр-

эне. Не говоря уже о том, что волосы его, заметно поседевшие в это время, теперь стали совсем седыми; такие же седые щетины безобразили его всегда гладко выбритый подбородок; глубокие морщины избородили лицо, спина его согнулась дугой, все тело как будто разом сселось, только глаза по-прежнему смотрели зорко и гордо, свидетельствуя о том, что в этом расштатавшемся теле жил бодрый и гордый дух. Истощенный, измученный, ослабевший, он все еще старался подбадривать женщин, поддерживать их и советом, и добрым словом, старался сохранить покровительственный тон и постоянно посматривал назад все еще надеясь увидеть спасителей, которые не являлись.

Спустя час после восхода был сделан привал, и всех наделили пищей и водой. После привала караван тронулся уже обычным умеренным шагом к югу, вытянувшись длинной вереницей на протяжении четверти мили. Судя по той безопасности, с какою арабы теперь болтали между собой, и по тому порядку, в каком двигался караван, можно было сразу сказать, что они считали себя в безопасности. Вскоре они изменили направление пути и стали держать путь на юго-восток, из чего пленным стало ясно, что они намеревались после столь дальнего обхода вновь выйти к Нилу где-нибудь выше последних египетских передовых постов.

Теперь и самый характер местности стал видимо изменяться: вместо однообразной песчаной равнины повсюду вырастали фантастические черные скалы и утесы, среди кото-

рых, извиваясь, змеились ярко-оранжевые пески, словно излучистая река. Верблюды выступали один за другим, то ныряя между громадными валунами и утесами, то снова появляясь на мгновение на открытом месте между двумя утесами. Задние всадники могли только видеть длинные шеи и мерно покачивавшиеся головы верблюдов, словно то была вереница змей, извивавшихся среди черных скал. Все это так походило на сон, тем более что кругом не было ни звука, кроме мягкого шлепанья ног верблюдов и их тихого однообразного сопенья. Все молчали; жара начинала становиться томительной.

Мисс Адамс, которая совершенно окоченела за ночь, теперь, видимо, радовалась солнцу. Осмотревшись кругом, она потирала свои тощие старческие руки и отыскивала глазами племянницу.

– Сади, – проговорила она, – мне казалось ночью, будто ты плакала, и теперь я действительно вижу, что ты плакала. О чем?

– Я думала, тетя...

– Помни, дорогая, что мы всегда должны стараться думать о других, а не о себе!

– Я и думала не о себе, тетя!

– Обо мне, Сади, не беспокойся, не тревожь себя...

– Нет, тетя, я думала не о вас!

– Но ты о ком-нибудь особенно думала, да?

– Я думала о мистере Стефенсе, тетя! Какой он был слав-

ный, добрый и мужественный! Если подумать только, как он заботился о нас, как постоянно думал обо всем, даже в последние минуты, как он старался стянуть с себя куртку, несмотря на то, что ему мешали его бедные связанные руки. Ах, тетя, он для меня святой и герой, и останется им для меня навсегда!

– Да, но теперь его нет на свете, нет в живых.

– Я желала бы, если так, чтобы и меня не было на свете! – сказала Сади.

– Но ему от этого было бы не легче!

– Как знать, мне кажется, что тогда он был бы не так одинок! – сказала девушка и задумалась.

Некоторое время все четверо ехали молча. Вдруг полковник Кочрейн в ужасе схватился руками за голову, воскликнул:

– Боже правый! Я, кажется, теряю рассудок!

Это уже несколько раз в течение ночи начинало казаться его спутницам. Но с самого рассвета он был совершенно спокоен и разумен; они приписали это бреду, и вдруг странное восклицание его снова встревожило их.

Ласковыми словами дамы старались успокоить его, но полковник не унимался.

– Нет, нет, я положительно не в своем уме! Ну, как вы думаете, что я сейчас видел?

– Не все ли равно? Не волнуйтесь! Мало ли, что может привидеться после такой утомительной ночи. Ведь вы почти

совсем не спали! – успокаивала его миссис Бельмонт, ласково положив свою маленькую ручку на его руку. – Ведь вы думали за всех нас, заботились о всех нас, не мудрено, что вы и переутомились. Сейчас мы сделаем привал, вы хорошенько проспите часок-другой, отдохнете и снова будете совсем молодцом!

Но полковник почти не слушал ее, он смотрел куда-то вдаль, вперед и, все так же волнуясь, воскликнул:

– Нет! Я никогда еще не видал так ясно! Там, на вершине холма, вправо впереди нас... бедный мистер Стюарт стоит там, в моем красном кумберландском шарфе на голове, в том самом виде, в каком мы оставили его!

Теперь дамы невольно взглянули в том же направлении, и на лицах их отразилось то же недоумение, похожее на испуг.

Там действительно – вправо, впереди – был ряд черных скал, словно небольшой хребет, вроде бастиона, по правую сторону тесной и глубокой балки, в которую теперь спускались верблюды. В одном месте этот черный бастион возвышался как бы наподобие небольшой башенки, и на этой-то башенке стояла неподвижно знакомая фигура пресвитерианского священника. Весь он был одет в черное, и только на голове виднелся яркий красный тюрбан. Второй такой своеобразной приземистой тучной фигуры не могло быть; он, казалось, напрягал свое зрение, чтобы взглянуть вниз, в долину.

– Неужели это, в самом деле, он?

– Да, это он! Он самый! – воскликнули дамы. – Смотрите,

он глядит в нашу сторону и машет нам рукой!

– Боже правый! Да ведь они его застрелят! Спуститесь вниз, спрячьтесь! Не то вы не останетесь живы, безумец вы этакий! – крикнул Кочрейн. Но его пересохшее горло издало только какой-то дикий, хриплый звук.

Некоторые из дервишей также заметили странную, появившуюся на скале фигуру, и уже наводили свои ремингтоны, но вот чья-то длинная рука появилась из-за спины Стюарта, схватила его за платье, – и он мгновенно исчез, как исчезают куклы во время представлений Петрушки.

Впереди, в конце балки, как раз над тем утесом, на котором минуту назад стоял Стюарт, появилась высокая белая фигура эмира Абдеррахмана. Он вскочил на ближайший валун и что-то закричал своим, размахивая руками. Но крик его был заглушен раскатом ружейного залпа, раздавшегося одновременно с обеих сторон балки. Весь черный бастион оцетинился ружейными стволами, над которыми виднелись красные маковки тарбушей-фесок. Очевидно, арабы нарвались на засаду. Эмир упал, но в следующий же момент вскочил на ноги и снова, размахивая руками, стал отдавать приказания. На груди у него виднелось алое пятно крови, но он продолжал указывать и кричать, хотя растянувшиеся длинной нитью люди его не понимали и не слышали, что он им говорил. Некоторые из них мчались назад, другие двигались вперед. Несколько человек пытались взобраться на обрыв, с мечами наголо, но попадали под пули и скатывались вниз, на

дно балки. Собственно стрельба не была особенно меткой, так что один негр успел взобраться наверх, к самым скалам, но здесь ему прикладом разmozжили голову. Старый эмир не устоял на камне и тоже скатился на дно балки. Но арабы упорно старались пробиться, пока чуть ли не большая половина из них осталась на месте.

Наконец даже этим упрямым фанатикам стало ясно, что им остается только одно – выбраться назад из этой балки на ровное место пустыни. И они во весь опор помчались назад. Надо только видеть что такое мчащийся верблюд – обезумевший от страха, вскидывающий разом в воздух все четыре ноги, несущийся с отвратительным криком и фырканием, с оскаленными зубами и безумными глазами! В такие минуты верблюд положительно страшен. При виде этого несущегося на них потока таких обезумевших животных женщины невольно вскрикнули. Но полковник уже позаботился заставить, своего верблюда, а также и тех, на которых находились дамы, взобраться выше между скалами, чтобы эта кучка отступающих арабов могла миновать их.

– Сидите смирно, они пронесутся мимо! – проговорил он своим спутницам. – Я не знаю, чего бы теперь не дал, чтобы увидеть Типпи-Тилли или одного из них: теперь настал момент помочь нам! – И он внимательно вглядывался в лица пронесившихся мимо него всадников, но рябого лица бывшего египетского солдата не видел.

Казалось, все арабы в своей поспешности выбраться из

балки совершенно забыли о своих пленных. Теперь оставались в балке лишь отсталые, по которым все еще стреляли беспощадные враги из черной гряды скалы. Одним из последних был молодой баггара с тонкими черными усами и заостренной бородкой. Он поднял голову и, взглянув на торчавшие над его головой ружья египетских стрелков, в бессильном гневе своем обернулся и стал грозить им своим высоко поднятым мечом. В этот момент чья-то меткая пуля уложила его верблюда. Животное упало, словно подкошенное. Молодой, ловкий араб успел вовремя соскочить и, схватив его за продетое в ноздри кольцо, принялся злобно тереть его, желая заставить верблюда подняться; а когда это не помогло, принялся с озлоблением колотить его плашмя своим мечом. Однако все было напрасно. В африканской войне убить верблюда – значит причинить смерть и его седоку. Молодой баггара метал молнии, обводя вокруг себя гневным взглядом. Тут и там на его белой одежде выступало алое кровавое пятно, но он как будто не замечал вражеских пуль, даже не оглядывался на них. Вдруг его злобный взгляд упал на пленных, и с криком ярости он устремился на них, размахивая своим широким мечом высоко над головою. Мисс Адамс была всех ближе к нему. Но при виде его обезумевшего от бешенства лица она соскочила со своего верблюда в противоположную от араба сторону. Тогда баггара вскочил на одну из ближайших скал и занес свой меч над головой миссис Бельмонт. Но прежде чем удар успел быть нанесен,

полковник Кочрейн подался вперед со своим пистолетом в руке и одним выстрелом уложил араба на месте. Однако и в последнюю минуту бешеная злоба в этом человеке, казалось, превозмогла даже самую смерть: не будучи уже в силах подняться, он все же отчаянно наносил удары направо и налево своим мечом и извивался среди камней, словно рыба, выброшенная на берег.

– Не бойтесь, mesdames, – успокаивал полковник Кочрейн своих спутниц, – не бойтесь, он уже мертв. Мне очень жаль, что я принужден был сделать это у вас на глазах, но это был опасный парень. У меня были с ним старые счеты. Это тот самый, что тогда ударил меня прикладом своего ружья в бок... Надеюсь, вы, мисс Адамс, не ушиблись? Подождите одну секунду, я сейчас сойду к вам и помогу взобраться на верблюда!

Но мисс Адамс отнюдь не пострадала, так как поблизости была скала или, вернее, громадный валун, куда она спустилась без всякого труда. Теперь и Сади, и миссис Бельмонт, и полковник Кочрейн, все спустились на землю и увидели мисс Адамс, весело махавшую им обрывком своей зеленой вуали.

– Ура, Сади! Ура! Моя дорогая девочка! – восклицала она. – Мы наконец-то спасены! Хвала Богу, мы спасены!

– Да, клянусь честью, теперь мы можем сказать, что спасены!

Но Сади за эти дни невзгод научилась больше думать о

других, чем о себе. Она обхватила обеими руками миссис Бельмонт и прижалась щекой к ее щеке.

– Дорогая, милая, крошка моя, как можем мы радоваться и ликовать, когда вы...

– Но я не верю, что это так! – возразила молодая женщина. – Нет, я не верю и не поверю до тех пор, пока не увижу своими глазами трупа Джона. О, когда я увижу, то после того я уже не захочу ничего видеть!

Теперь уже и последний дервиш выбрался из балки, и по обе стороны ее между камней виднелся длинный ряд египетских стрелков, высоких, стройных, широкоплечих, очень похожих на древних воинов, изображенных на барельефах. Верблюды их остались позади, спрятанными между камнями, и теперь они спешили к ним. В это самое время другой отряд египетской кавалерии выехал из дальнего конца балки с лицами, сияющими торжеством победы. Очень небольшого роста молодой англичанин, ловко сидевший на своем верблюде, командовал этим отрядом. Поравнявшись с дамами и полковником Кочрейном, он задержал своего верблюда и приветствовал их.

– На этот раз они нам попались, как следует! – проговорил он. – Весьма рад что мы могли быть вам полезны... Надеюсь, вам теперь от этого не хуже, то есть я хочу сказать, что для дам это дело не совсем подходящее... быть в такой перестрелке.

– Вы из Хальфы, я полагаю? – спросил его полковник.

– Нет, мы из другого отряда, из Сарры! Мы встретили их в пустыне, опередили тех, из Хальфы, и обошли арабов с тыла! Выберите вот на эти скалы и вы все увидите. На этот раз мы их всех истребим до последнего!

– Некоторые из наших остались у колодцев, и мы очень беспокоимся о них, – сказал Кочрейн. – Но вы, вероятно, ничего не слыхали о них?

Молодой человек озабоченно покачал головой.

– Дело плохо! С этим народом плохо ладить, когда их припрут в угол. Мы не надеялись увидеть вас живыми и рассчитывали только отомстить за вас!

– Есть с вами еще какой-нибудь английский офицер? – спросил Кочрейн.

– Да, Арчер, он заходит с фланга со своим отрядом. Он должен будет пройти здесь... Мы подобрали одного из ваших товарищей, забавного человека, с красной повязкой на голове. Полагаю, что мы еще увидимся с вами, до свидания, господа! – добавил офицер, трогая своего верблюда и пускаясь догонять свой отряд который уже прошел вперед в строгом порядке.

– Нам остается только не трогаться с места, пока все они не пройдут, – сказал Кочрейн, указывая на растянувшихся длинной вереницей между камнями египетских всадников, подвигавшихся в их сторону.

Тут были и негры, и феллахи, и суданцы – весь цвет и краса египетской армии. Этот отряд вел рослый мужчина с боль-

шими черными усами и полевым биноклем в руке.

– Хелло! Арчер! – окликнул его полковник Кочрейн. – Нет ли у вас такой штучки, как сигара? Смертельно хочется покурить!

Капитан Арчер достал из своего портсигара весьма удовлетворительную «partagas» и передал ее вместе с коробочкой восковых спичек полковнику. С никогда еще не испытанным наслаждением закурил Кочрейн свою сигару и с особым вниманием следил, как вились струйки ее голубоватого дыма. Дамы, все три вместе, расположились на плоской вершине одной из скал.

Глава 10

Вся египетская кавалерия теперь преследовала арабов, и некоторое время наши друзья были забыты. Но вот чей-то радостный добродушный голос окликнул их, и из-за ближайшей скалы показался сперва красный тюрбан, затем и улыбающееся, несколько бледное и расплывшееся лицо бирмингемского проповедника. Он опирался на толстое древко пикки, так как его раненая нога не давала ему ступать, и это смертоносное оружие, заменяющее ему костыль, придавало ему еще более забавный вид. За ним двое негров тащили корзинку с провизией и бурдюк с водой.

– Не говорите мне ничего, я все отлично знаю! – кричал он, ковыляя между камней, – Али, давай сюда воды. Ну, вот, мисс Адамс, – вам это кажется мало, подождите, мы дадим еще... Ну, теперь ваша очередь, миссис Бельмонт... Ах вы, мои бедняжки, бедняжки! Все мое сердце изболелось о вас... Вот тут хлеб, вот мясо в корзинке. Но не кушайте слишком много сразу... А где же остальные? – вдруг добавил он, и лицо его помертвело.

Полковник печально покачал головой.

– Мы оставили их у колодцев, и я боюсь, что их песенка спета! – сказал он.

– Полноте, друг мой! Вы, вероятно, думали, что и моя песенка спета, а теперь, как видите, я жив и здоров и стою сре-

ди вас. Никогда не падайте духом, миссис Бельмонт, положение вашего мужа ни в коем случае не хуже того, в каком находился я!

– Да, когда я увидел вас там, на скале, – сказал Кочрейн, – то принял за галлюцинацию!

– Я боюсь, что вел себя крайне неразумно! Капитан Арчер говорил, что я чуть было не испортил весь их план. Но дело в том, что когда я услышал, что арабы идут в балки, под нами, я до того забылся в момент тревоги за вас, до того захотел убедиться, живы ли вы и здесь ли, с ними, что совершенно упустил из виду их хитрый военный план!

– Я только удивляюсь, как вас арабы не застрелили, – сказал полковник Кочрейн, – но расскажите нам, ради Бога, как вы сами здесь очутились?

– Очень просто! Отряд египетской кавалерии гнался за нами по пятам в то время, когда арабы бросили меня среди пустыни. Когда погоня поравнялась с тем местом, где я лежал, то они подобрали и захватили меня с собой. Я очевидно, был в бреду, так как они потом говорили мне, что издали слышали мой голос, как я пел гимны; они и поехали на мой голос и таким образом, по воле Провидения, нашли меня. У них оказалась маленькая походная амбулатория, и на другой день я уже пришел в себя и чувствую себя превосходно. Затем я перекочевал к отряду из Сарры, где есть доктор; он нашел, что моя рана пустяшная, что небольшая потеря крови для меня даже очень полезна!

– Ш-ш! Слышите? – спросил полковник Кочрейн.

Снизу, из балки, донесся до их слуха ружейный залп. Кочрейн насторожился, как боевой конь, и стал искать дороги, как бы пробраться на вершину той скалы, откуда все было видно. Действительно, отсюда, в чистом прозрачном воздухе пустыни, на ее ровном песчаном пространстве все было видно, как на ладони.

Остатки арабов ехали тесной кучей, и красные тюрбаны их мирно покачивались в такт с шагом их верблюдов. Они отнюдь не походили на людей, потерпевших поражение, так как все их движения были строго рассчитаны и обдуманы, хотя они на их истощенных верблюдах были в безвыходном положении. Весь отряд кавалерии из Сарры, пройдя по балке, спешился теперь и с колена правильными залпами осыпал группу арабов, отстреливавшихся со спин своих верблюдов. Но не стрелки из Сарры и не группа арабов привлекли в настоящее время внимание зрителей; эскадроны верблюжьего отряда из Хальфы сомкнутыми рядами приближались с тылу к арабам и постепенно размыкались, оцепляя их большим полукругом, по мере своего приближения постепенно суживавшимся. Таким образом, арабы очутились между двух огней.

– Нет, смотрите, что они делают! – воскликнул с восхищением Кочрейн.

Дервиши принудили всех своих верблюдов встать на колени и сами все спешились. Впереди всех выделялась высо-

кая, величественная фигура эмира Вад Ибрагима. На мгновение он молитвенно преклонил колена и воздел руки, затем он встал и, выпрямившись во весь рост, обратился к окружающим его людям с краткой речью. Закончив свою речь, он что-то взял с седла, разостлал на земле и встал на эту разостланную подстилку.

– Славный малый! – воскликнул Кочрейн. – Он встал на свою «овечью шкуру».

– Что это значит? – осведомился мистер Стюарт.

– Видите ли, – пояснил Кочрейн, – каждый араб всегда имеет при себе на седле овечью шкуру. Когда он признает, что его положение совершенно безысходно, и решается биться до последней капли крови, тогда он снимает с седла свою овечью шкуру и стоит на ней до тех пор, пока не упадет мертвым. Смотрите, они все до последнего стали на свои овечьи шкуры. Это значит, что они уже не дадут и не примут пощады!

Эта страшная драма быстро близилась к развязке. Окруженные тесным кольцом неприятелей, обстреливавших их со всех сторон, арабы отстреливались, как могли. Многие из них были уже убиты, но остальные беспрерывно заряжали и стреляли все с тем же непоколебимым мужеством.

Около дюжины трупов в мундирах египетской армии свидетельствовали о том, что победа эта досталась им не даром. Но вот раздался призывный звук трубы, – и отряд из Сарры, и отряд из Хальфы разом открыли по этой горсти людей пе-

рекрестный огонь; один-два залпа, и все это маленькое поле застлал густой белый клубящийся дым. Когда он рассеялся, все арабы лежали на своих овечьих шкурах: все они полегли – все до последнего.

Дамы, объятые ужасом и, вместе с тем, невольным удивлением перед этим геройством, смотрели на страшную сцену, разыгравшуюся у них перед глазами.

Теперь, когда все было кончено, Сади и мисс Адамс плакали, обняв друг друга. Полковник Кочрейн хотел было обратиться к ним с несколькими словами утешения или ободрения, когда взгляд его случайно упал на лицо миссис Бельмонт. Она была бледна, как полотно, черты лица были безжизненны и неподвижны, а большие серые глаза с остановившимися зрачками смотрели куда-то в пространство, как у человека в трансе.

– Боже правый, миссис Бельмонт, что с вами?! – воскликнул полковник.

Но вместо всякого ответа она молча указала на пустыню, где на расстоянии многих миль, чуть не на самом краю горизонта, небольшая куча людей двигалась по направлению к этим скалам.

– Клянусь честью, там действительно что-то есть! Кто бы это мог быть?

Но расстояние было еще настолько велико, что сначала ничего нельзя было различить, и лишь спустя некоторое время можно было сказать с уверенностью, что это были люди

на верблюдах и числом около двенадцати человек.

– Это, наверное, те негодяи, которых мы оставили там, у колодцев, – пробормотал Кочрейн, – это, без сомнения, не кто иной, как они!

Миссис Бельмонт все с тем же бледным, неподвижным лицом следила за приближающейся группой всадников. Вдруг она с громким криком вскинула вверх свои руки и воскликнула едва внятным от сильного внутреннего волнения голосом: – Это они! Они спасены!.. Ах, это они, это они, полковник. Хвала Господу Богу! Это они! – И она принялась метаться по площадке скалы, как ребенок в порыве неудержимого веселья и радости.

Никто не верил ей, но никто и не решался протестовать против ее уверений. Она сбежала уже вниз с холма к тому месту, где находился ее верблюд. Предчувствие давно указало ей то, чего никто еще, кроме нее, не мог увидеть. Она различила или угадала в той группе всадников три белых шлема. Между тем, маленький отряд приближался форсированным маршем, и прежде чем находившиеся над балкой друзья их успели выехать к ним навстречу, уже можно было рассмотреть, что это были действительно Бельмонт, Фардэ и Стефенс, драгоман Мансур и раненый солдат суданцев, эскортируемые негром Типпи-Тилли и остальными его товарищами – бывшими солдатами египетской армии. Бельмонт кинулся к жене, а monsieur Фардэ пожимал руку полковника Кочрейна, восклицая:

– Vive la France! Vivent les Anglais! Tout va bien, n'est ce pas? Ah, canailles! Vivent la Croix et les chretiens! – так несвязно и вместе искренно выражал добродушный и экспансивный француз свою радость.

Полковник также был чрезвычайно растроган и смеялся нервным, надорванным смехом, отвечая горячо и сердечно на рукопожатие Фардэ.

– Дорогой мой, – говорил Кочрейн, – я чертовски рад, что вижу вас всех опять. Я, было совершенно махнул на вас рукой. Право, ничему в своей жизни я еще не был так рад, как этому свиданию со всеми вами! Но какими судьбами вы спаслись?

– Это все благодаря вам, полковник!

– Благодаря мне?

– Ну да, а я еще ссорился с вами, негодный человек! Я теперь простить себе этого не могу!

– Об этом забудем совсем! Только как же это я мог спасти вас?

– Вы сговорились с этим Типпи-Тилли и его товарищами и обещали им известное вознаграждение, если они доставят нас невредимыми в Египет. Они, помня этот уговор, под покровом ночи, так как уже начинало темнеть, притаились в кустах, и когда мы остались одни, а вы все уехали, осторожно подкрались и из своих ружей застрелили тех, кому приказано было нас умертвить. Мне жаль только, что они застрелили и этого проклятого муллу, так как, мне кажется, я непременно

но убедил бы его принять христианство. Вот вам и вся наша история, а теперь, с вашего разрешения, я поспешу заключить в свои объятия почтенную мисс Адамс, так как вижу, что Бельмонт обнимает свою жену. Стефенс припал к руке мисс Сади и не может от нее оторваться, а на мою долю, очевидно, приходится симпатии мисс Адамс!

Прошло около двух недель, и тот специальный пароход который был предоставлен в распоряжение спасенных туристов, отошел уже далеко к северу, значительно дальше Ассиу. На следующее утро они должны были прибыть в Балиани, откуда отправляется экспресс в Каир. Таким образом, это был последний вечер, который бывшие пассажиры «Короско» проводили вместе. Миссис Шлезингер и ее ребенок, которым удалось благополучно спастись, уже раньше переправились через границу. Мисс Адамс, после испытанных ею лишений и потрясений, была долгое время серьезно больна и в этот вечер впервые появилась на палубе парохода. Она казалась еще худощавее и еще добродушнее, чем всегда; Сади, стоя подле нее, заботливо укутывала ее плечи теплым пледом. Мистер Стефенс нес ей на подносике кофе и старался установить маленький столик подле качалки мисс Адамс, чтобы ей было удобнее. В другом конце палубы мистер и миссис Бельмонт ласково беседовали между собой, держа друг друга за руки. Monsieur Фардэ разговаривал с полковником Кочрейном, стоявшим перед ним с сигарой в

зубах, прямым, как струна, с прежней безупречной военной выправкой, которой он, по собственному его признанию, так гордился. Но что сделалось с ним? Кто бы признал в нем теперь того надломленного старика, седого, как лунь, которого все его спутники видели там, в Ливийской пустыне?! Правда, кое-где в усах серебрился седой волосок, но волосы его были того блестяще-черного цвета, которому так дивились все во время его путешествия. На все сочувственные соболезнования относительно того, как его состарили эти несколько дней плена у дервишей, полковник отвечал холодно и хмуро, затем, исчезнув на время в своей каюте, он, час спустя, появился на палубе совершенно таким, каким его все знали раньше.

Как мирно и спокойно было здесь, на палубе этого парохода, когда единственным доносившимся сюда звуком был тихий плеск волны о борт парохода, когда алый закат медленно догорал на западе, окрашивая в розовый цвет мутные воды реки. В сумерках надвигавшегося вечера стройные ряды прибрежных пальм, словно великаны минувших веков, смутно вырисовывались на фоне темного уже неба, на котором загорались то тут, то там большие лучезарные звезды.

– Где вы остановитесь в Каире, мисс Адамс? – спросила миссис Бельмонт.

– У Шенхердс, я думаю!

– А вы, мистер Стефенс?

– О, непременно у Шенхердс!

– Мы остановимся в «Континентале», но я надеюсь, что мы не потеряем вас из виду.

– О, не желала бы я никогда терять вас из вида, миссис Бельмонт! – воскликнула Сади. – Нет, право, вы должны приехать в Штаты: мы постараемся устроить вам самый лучший прием!

Миссис Бельмонт улыбалась.

– У нас, дорогая мисс Сади, есть свои обязанности и дела в Ирландии, мы и так слишком долго отсутствовали; кроме того, – добавила она с добродушным лукавством, – весьма возможно, что если бы мы собрались в Штаты, то уже не застали бы вас там!

– Но мы все же должны все когда-нибудь опять встретиться, – сказал Бельмонт, – уж хотя бы для того, чтобы еще раз пережить вместе эти страдания. Теперь все это еще слишком близко от нас, а через год-два мы лучше сумеем оценить их!

– А мне, – сказала его жена, – все это и теперь кажется чем-то давно прошедшим, чем-то смутным, как будто виденным мною во сне!

– Да, тело наше не так быстро забывает свои страдания, как ум, – сказал Фардэ, подняв вверх свою забинтованную руку, – это, например, не походит на сон!

– Как жестоко, однако, что одни из нас остались живы, а другие – нет. Если бы мистер Броун и мистер Хидинглей были теперь с нами, я была бы вполне счастлива, – проговорила Сади. – Почему в самом деле мы все остались живы, а они

нет?

– Почему зрелый плод срывают, а незрелый оставляют на ветке? – раздался в ответ на ее слова наставительный голос мистера Стюарта. – Нам ничего не известно о душевном состоянии наших бедных друзей, но Великий Садовник, чья мудрость превышает всякой мудрости, срывает плод когда он созрел и должен быть сорван. Мы же должны не роптать, возблагодарить Господа Бога за наше спасение! Что касается меня, в данном случае, то я ясно вижу и смысл, и цель того, что Бог попустил это несчастье и затем, по великой мудрости своей, сжалился над нами и сохранил нас. С полным смирением я признаюсь, что теперь я лучше понимаю и сознаю свои обязанности, чем раньше. Эти тяжелые минуты испытания научили меня быть менее нерадивым в исполнении моих обязанностей и менее беспечным и ленивым в деле того, что я считаю своим долгом!

– А я, – воскликнула Сади, – я научилась в эти дни большему, чем во всю остальную жизнь! Я научилась столь многому и отучилась от многого, что стала совсем иным человеком!

– Я раньше совершенно не знал себя, я всегда принимал за самое важное то, что вовсе не важно, и пренебрегал тем, что существенно! – проговорил Стефенс.

– Хорошая встряска никогда никому не мешает, – заметил Кочрейн, – вечная масленица и вечные пуховики всегда только портят людей!

– Я же глубоко убежден, – заявил мистер Бельмонт, – что каждый из нас в эти дни вырос как человек, и поднялся несравненно выше своего обычного уровня. Когда настанет час праведного суда, многое простится каждому из нас за эти самоотверженные порывы, за эту братскую любовь и братские чувства друг к другу!

Некоторое время все сидели в глубокой задумчивости. Вдруг подул резкий холодный ветер с востока, и многие поднялись, чтобы уйти в каюту.

Стефенс нагнулся к Сади и спросил:

– Помните вы, что обещали, когда мы были в пустыне? Вы сказали, что если останетесь живы, то в благодарность за это постараетесь дать счастье кому-нибудь другому!

– Да, помню, и я должна теперь это исполнить! – отвечала девушка.

– Вы уже исполнили это, Сади! – отозвался Стефенс, и руки их встретились в крепком сердечном пожатии, обещая обоим долгие годы прочного счастья.